

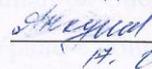
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой

канд. ист. наук., доцент

 К.А. Анкушева
17.06. 2016г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ТРАНСУРАЛЬСКИЕ МИГРАЦИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(IV-VII ВВ.)

46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной
формы обучения

Зеленков
Александр
Сергеевич

Руководитель работы
доктор исторических
наук, профессор

Матвеева
Наталья
Петровна

Рецензент
старший научный
сотрудник
ИПОС СО РАН,
кандидат исторических
наук

Чикунова
Ирина
Юрьевна

Тюмень 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой
канд. ист. наук., доцент
_____ К.А. Анкушева
_____ 2016г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ТРАНСУРАЛЬСКИЕ МИГРАЦИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(IV-VII ВВ.)

46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной
формы обучения

Зеленков
Александр
Сергеевич

Руководитель работы
доктор исторических
наук, профессор

Матвеева
Наталья
Петровна

Рецензент
старший научный
сотрудник
ИПОС СО РАН,
кандидат исторических
наук

Чикунова
Ирина
Юрьевна

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ МИГРАЦИЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	14
1.1. Историография проблемы взаимодействия населения Приуралья и Западной Сибири в раннем средневековье.....	14
1.2. Методология и методика изучения миграций в археологии	25
ГЛАВА 2. СРАВНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	36
2.1 Хронологизация погребальных памятников Западной Сибири.....	36
2.2. Уровень сходства некрополей IV-VII вв.н.э. Урало-Сибирского региона	57
2.3. Инновации в гончарном ремесле.....	62
ГЛАВА 3. РЕКОНСТРУКЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УРАЛО- СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ В IV-VII ВВ. Н.Э.	73
3.1. Признаки и факторы миграций в раннесредневековых комплексах Приуралья и Западной Сибири	73
3.2. Пути миграций.....	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	88
ТЕКСТОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	111
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	121

ВВЕДЕНИЕ

Период раннего средневековья — особая веха в истории аборигенного лесостепного и подтаежного населения Западной Сибири и Приуралья со специфическим историко-культурным обликом, когда на смену кулайской, саргатской и пьяноборской археологическим культурам формируются бакальская, бахмутинско-турбаслинская, неволинская, кушнаренковско-караякуповская. Усиливают значение исследований раннесредневековых материалов Урало-Сибирского региона масштабные исторические события, происходившие в эпоху Великого переселения народов. В начале данного периода нашествия гуннов существенно ослабили иранское господство в евразийских степях, открыв дорогу тюркоязычным народам к политическому могуществу и доминированию на протяжении всего средневековья. Итогом широкой экспансии стало формирование кочевнических государств, культурное и языковое влияние которых существенно отразилось на исторической судьбе аборигенов от Северного Причерноморья до Маньчжурии. В данном контексте изучение раннесредневековой истории народов Приуралья и Западной Сибири имеет решающее значение, так как именно на данной территории зафиксированы первые очаги мадьярского, болгарского, мансийского, хантыйского и самодийского этногенеза, сопровождаемые следами активных миграционных процессов. Поэтому изучение миграций, как сложнейшего комплекса социально-экономических и этнокультурных явлений в прошлом, является одной из главных задач археологических исследований. Интерпретация материалов с памятников археологических культур Приуралья и Западной Сибири ставит перед исследователями важные вопросы — какими путями шли их носители? можно ли с помощью археологического материала найти причины и следы их передвижения?

Историография проблемы. Вплоть до середины XX века археологические культуры рассматривались как статичные общества людей, а их

трансформацию во времени как развитие социальных и материальных отношений. Миграции таких обществ прослеживались фиксацией совокупности культурных признаков, характерных для той или иной археологической культуры — такой принцип позже Л.С. Клейн назовет принципом «лекальности» и подвергнет критике.

В третьей четверти XX века в историографии по изучению миграций происходит качественный скачок: выдвигаются новые объяснительные схемы миграционного процесса, его признаки, факторы, происходит отход от теории автохтонизма и стабильности культурных границ в прошлом. В это время на работы археологов влияют методологические новшества смежных гуманитарных дисциплин (антропология, этнография, лингвистика), в том числе естественных наук. Особенно заметна данная тенденция в западноевропейской археологической среде (Д. Энтони, К. Кэмерон и др.), а также у некоторых отечественных авторов (Л.С. Клейн, В.С. Титов, Т.М. Потемкина).

Методология изучения миграций в западносибирской археологии претерпевает похожие обновления. Первые междисциплинарные подходы были предложены в 70-х годах XX века М.Ф. Косаревым. Наиболее живой интерес к древним миграциям населения лесостепи Западной Сибири возникает в конце 1980-х. Исследования данного периода можно разделить на два направления: 1) региональное, в рамках которого авторами рассматривались миграционные процессы, характерные для отдельного региона (работы Л.А. Чиндиной, Т.Н. Троицкой, Б.А. Коникова, В.М. Морозова и др.); 2) обобщающее, в рамках которого авторы анализировали миграции древнего населения на обширной территории Западной Сибири (труды М.Ф. Косарева, В.А. Могильникова). Также проводились отдельные конференции, посвященные теоретическим вопросам исследований

миграционных процессов (например, «Смены культур и миграции в Западной Сибири», Томск, 1987 г.).

В основном, исследователи под «миграциями» понимали вынужденное переселение людей на длительные расстояния под действием экологических, экономических и политических факторов. Были выделены направления переселений: широтное — с Востока на Запад при помощи лошади (характерно для степных кочевников), и меридиональное — с Севера на Юг посредством развитой системы рек (лесные кочевники). Однако на момент исследований перечисленных авторов по эпохе средневековья был накоплен незначительный археологический материал, что определило гипотетический характер выводов о передвижении раннесредневекового населения Западной Сибири, привело к упрощению объяснительных моделей и не позволило выделить причины и виды древних переселений.

С начала 90-х годов XX века по настоящее время характер исследований претерпел изменения в связи с накоплением новых материалов раннесредневековых памятников лесостепи Западной Сибири и повышенному интересу к древности у исследователей естественнонаучного профиля. Получает серьезное развитие региональное направление, в частности, активно изучается лесостепное Притоболье с памятниками бакальской культуры (Т.Н. Рафикова, Н.П. Матвеева, И.Ю. Чикунова, Д.Н. Маслюженко и др.), Прииртышье с древностями потчевашской АК (Б.А. Конилов, Е.М. Данченко). Получило начало изучение раннесредневековой экологии региона (Н.Е. Рябогина). Это все расширило представление о миграционных процессах в западносибирском регионе. Теперь исследователи отмечают более живой характер культурных границ в прошлом. Предполагается, что население лесостепи Притоболья, Прииртышья и Приуралья находилось в активном взаимодействии друг с другом, подтверждая свои выводы материалами гетерогенных памятников с

керамикой, инвентарем и элементами погребального обряда характерных как для бакальской, так и для потчевашской, рёлкинской и карымской культур. Отметим, что сегодня перед исследователями стоят важные задачи, связанные с определением хронологии миграций, характера и этапов передвижения степных кочевников, интенсивности их влияния на аборигенное население.

Методология. В основу диссертационного исследования положен системный подход, нацеленный на выявление многообразия типов связей внутри механизма определенного целостного объекта исследования, в частности миграций.

Миграционные процессы рассматриваются как исторически обусловленная динамическая система, переплетенная сетью социальных, экономических и политических факторов. В целом, теоритические положения о миграциях можно сформулировать в нескольких тезисах:

- 1) миграции - это структурированный процесс;¹
- 2) миграции - это передвижение группы людей внутри региона обитания («короткие миграции») и за его пределами («длинные миграции»);²
- 3) факторы миграции: а) экологические: характеризуются кризисными природно-климатическими событиями, сменой окружающей среды, влияющие на жизнеобеспечение населения; б) экономические: демографический взрыв, субкультурные миграции (ремесленников, воинов и т.д.); в) политические: влияние более сильных народов на местное население; г) идеологические - мировоззрение древних;³
- 4) направления миграций: а) широтное: транспорт - лошадь; б) меридиональное: транспорт - система рек;⁴

¹ Anthony D. Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater // American Anthropologist. 1990. Т. 92. pp. 895—914.

² Матюшин Г.Н. Археологический словарь / Г.Н. Матюшин [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/MATYUSHIN/archeodict.txt>

³ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. Москва: Наука, 1991. С. 10—14.

⁴ Там же;

5) пути миграции: в свою природно-климатическую зону без смены хозяйственного уклада и в чуждую природно-климатическую зону со сменой хозяйственного типа;⁵

б) Археологические признаки миграций: гетерогенные памятники, инновации в культуре (погребальном обряде, гончарной традиции, поселенческих укреплений и др.), импортные вещи.⁶

Принцип историзма позволяет отслеживать качественные изменения системы, в частности, миграционного процесса, с момента ее формирования на фоне конкретно-исторической ситуации. Он реализуется через рассмотрение миграционных процессов на протяжении четырех веков (IV-VII вв), в течение которых на исторической авансцене появлялись такие кочевые народы, как хунны, гунны, тюрки, повлиявшие на историко-культурное развитие лесостепи и подтаежной зоны Урало-Сибирского региона.⁷

Методика. Обработка вещевого материала проводилась на основе сравнительно-типологического метода. Выделение типов внутри конкретного археологического источника, выяснение природы каждого типа — основа для выделения особенностей в археологической культуре. Под типом понимается исторически сложившаяся система с устойчивым набором специфических признаков у входящих в нее артефактов, объективно отражавших историческое прошлое. Хронология памятников устанавливалась на основе *метода аналогий* А.К. Амброза.

При обработке массовых материалов археологических памятников был использован *формализованный метод*. В его рамках осуществлялся формализованно-статистический анализ, позволяющий выявить эмпирические зависимости в погребальной традиции древнего населения и

---

⁵ Там же;

⁶ Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. №1. С. 52—71.

⁷ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии // СПб: Филологический факультет СПбГУ. 2005. С. 42—101.

гончарном ремесле. Для этого была создана база данных (табл. 5), позволившая сравнить погребения, инвентарь, посуду.

Сравнение гончарных навыков населения Урало-Сибирского региона проводилось на уровнях морфологического и технико-технологического анализов. При выделении особенностей в морфологии посуды бахмутинской, неволинской, кушнаренковской и бакальской культур был использован метод поиска максимальной кривизны контуров сосудов Х. Нордстрема,⁸ а также метод общей пропорциональности объемных частей посуды А.А. Бобринского.⁹ Методика сформирована, исходя из наблюдений за профессиональными гончарами, в результате чего была выявлена закономерность в том, что процесс ломки навыков формообразования у ремесленников происходит медленно, в случае изменений их этнокультурного окружения.¹⁰ Для определения традиционных и новых форм сосудов раннесредневекового населения Урало-Сибирского региона мы провели ряд действий. Изображения посуды из публикаций были обведены и приведены к единому масштабу, далее они были разбиты на простые геометрические формы для удобства подсчета площади (S) их плоскостного изображения и объема (V). Для поиска форм подражаний сосуда были приведены к масштабу 20x20 см. Затем высчитывалось отношение $S/V*10$, определяющее категорию пропорциональности: высокие, высокие-средние, средние, средние-низкие и низкие.¹¹

Технико-технологический анализ бакальской керамики осуществлялся в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства.¹² Он основан на анализе

⁸ Nordström H.A. Cultural Ecology of ceramic technology. Early Nubian Cultures NHI Image (Scion Image): National Institute of Health (Scion Corporation: Windows) V and IV millennium B.C. Stockholm, 1972. 200 pp.

⁹ Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1987. С. 137—157.

¹⁰ Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. Москва, 2012. С. 161—162.

¹¹ Там же;

¹² Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.

«следов» на поверхности и в изломах изделий от гончарных навыков. Это дает возможность реконструировать определенную систему действий древнего гончара, его культурные традиции на разных таксономических уровнях - как в рамках отдельных памятников, так и в масштабах археологической культуры. Данные положения реализовывались с помощью бинокулярной микроскопии.¹³

Географические рамки исследования ограничиваются лесостепной и подтаежной полосами Урало-Сибирского региона. Выбор географических рамок происходил в зависимости от расположения археологических комплексов, материалы которых были привлечены в ходе исследования (рис. 3). Комплексы бахмутинской культуры расположены в междуречье рр. Камы, Белой и Уфы.¹⁴ Опорным из них является могильник Бирский, расположенный на южной окраине г. Бирска, на высоком правом берегу р. Белой.¹⁵ Памятники неволинской культуры сконцентрированы в районе бассейна р. Сылва. Интересующий нас Бродовский могильник находится у подножия горы на выступе второй надпойменной террасы русла р. Шаквы, правого притока р. Сылвы.¹⁶ Археологические объекты кушнаренковской культуры рассеяны по всей лесостепи Урало-Сибирского региона. Важными для работы стали Бирский, Кушнаренковский могильники и Лагереvские курганы. Памятники бакальской культуры, исследуемого хронологического отрезка, локализуются в нижнем течении р. Тобол. Могильник Ипкульский находится в Нижнетавдинском районе Тюменской области, у северного берега оз. Ипкуль.¹⁷ Чуть южнее у южного берега Андрееvского озера, недалеко от г. Тюмени (в 18 км от него) расположен некрополь Козлов-мыс

¹³ Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5—110.

¹⁴ Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII—XII вв. М., 1981. С. 25.

¹⁵ Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: дисс. ... канд. ист. наук / А.Н. Султанова. Уфа, 2000. С. 3.

¹⁶ Година Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990. С. 5.

¹⁷ Чикунова И.Ю. Отчет... Тюмень, 2012. С. 9.

2.¹⁸Еще южнее находится могильный комплекс Устюг-1, на левом берегу р. Тобол у г. Заводоуковска.¹⁹

Представленный район исследования обладает развитой системой рек, равнинным рельефом, что способствует высокой мобильности населения, формированию активной торговой сети. В современных административных границах он ограничивается Тюменской, Курганской и Свердловской областями, республиками Удмуртия и Башкирия.

Объект исследования: погребальные комплексы культур Урало-Сибирского региона эпохи раннего средневековья (IV-VII вв.).

Предмет: Традиции и инновации в материальной культуре раннесредневекового населения Урало-Сибирского региона.

Цель: охарактеризовать особенности миграций населения Урало-Сибирского региона в раннесредневековую эпоху.

Задачи: 1) охарактеризовать степень изученности проблемы, оценить возможности археологии при исследовании миграций; 2) проанализировать источниковую базу, выделить традиции и новации в погребальной традиции и гончарстве; 3) охарактеризовать миграции населения Приуралья и Западной Сибири на фоне общих историко-культурных тенденций в эпоху раннего средневековья.

Основную источниковую базу работы составляют вещественные источники. Они включают в себя материалы археологических исследований.

Для установления культурных связей населения Приуралья и Западной Сибири рассматриваются материалы могильников Бирский,²⁰ Бродовский,²¹ Неволинский,²² Верх-Саинский,²³ Кушнаренковский,²⁴ Лагеревский,²⁵

¹⁸ Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. С. 6.

¹⁹ Археологическое наследие Тюменской области: памятники лесостепи и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов, М.А. Буслова, В.А. Зах, В.А. Могильников. Новосибирск: Наука, 1995. С. 49.

²⁰ Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968; Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: дисс. ... канд. ист. наук / А.Н. Султанова. Уфа, 2000.

²¹ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990.

²² Там же;

Козловский,²⁶ Устюг-1,²⁷ Ипкульский.²⁸ Используются описания 102 погребений могильников Устюг-1, Козловский, Ипкульский из научных отчетов о полевых исследованиях, хранящихся в архивах лаборатории археологии и этнографии Института истории и политических наук и Института проблем освоения Севера СО РАН, учтено более 300 захоронений с памятников неволинской, бахмутинско-тураслинской, кушнаренково-караякуповской культур из научных публикаций и монографий (ссылки на работы указаны выше под каждым памятником).

В том числе, в работе задействованы вещественные материалы, включающие инвентарь и керамические коллекции, хранящиеся в фондах музея археологии и этнографии ТюмГУ.

Научная новизна. Наша работа проливает свет на некоторые особенности миграций раннесредневекового населения Урало-Сибирского региона. При этом впервые делается попытка сравнения погребальных комплексов бакальской археологической культуры с синхронными комплексами Приуралья, создается хронологическая сетка на основе анализа керамического и вещевого материала. Рассмотрены факторы миграций, их роль в формировании населения с новыми культурными чертами. Предложена методика выявления и изучения миграционных процессов. Выявлены инновации в культурах Урало-Сибирского региона, при которых происходила их трансформация.

---

²³ Там же;

²⁴ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977; Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII—XII вв. М., 1981.

²⁵ Там же;

²⁶ Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 178 с.; Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок в Тюменском и Заводоуковском районах Тюменской области в 2009 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2010.

²⁷ Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок могильника Устюг-1 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2010 году // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2011; Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок могильника Устюг-1 на площади многослойного поселения Устюг-2 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2011 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2012; Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок могильника Устюг-1 на площади многослойного поселения Устюг-2 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2012 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2013.

²⁸ Чукунова И.Ю. Отчет о раскопках Ипкульского курганного могильника в Нижнетавдинском районе Тюменской области в 2010 и 2011 гг. // Архив ИПОС СО РАН, № 7/14. Тюмень, 2012.

Апробация. Все главы работы были представлены докладами на научных конференциях в гг. Ижевск (февраль, 2014), Новосибирск (апрель 2014), Иркутск (февраль 2015), Тюмень (апрель 2014-2016). Также опубликовано и подготовлено к печати по теме диссертации 13 статей.

Структура работы определена задачами исследования и состоит из трех глав, заключения, списка литературы, текстового и графического приложений.

ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ МИГРАЦИЙ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1.1. Историография проблемы взаимодействия населения Приуралья и Западной Сибири в раннем средневековье

1.1.1. Миграции как фактор культурогенеза населения Приуралья

При изучении историко-культурной карты Урало-Сибирского региона краеугольным камнем является интерпретация наблюдений за изменениями в материальной культуре населения в средневековую эпоху. Подчеркивая смешанный характер традиций раннего железного века и новаций в бакальской, карымской, неволинской, бахмутинской, мазунинской, харинской, турбаслинской и кушнаренковской культурах, миграция стала логичной гипотезой, объяснявшей их культурогенез, но так и не ставшая предметом отдельного изучения. В данной части работы мы преследуем цель определить те компоненты в культурах Приуралья и Западной Сибири IV-VII вв., происхождение которых исследователи связали с мигрантами.

Впервые данный вопрос был поставлен при исследовании материалов бахмутинской культуры.²⁹ Ее памятники были обнаружены «в междуречье Камы, Белой и Уфы».³⁰ Опорными из них являются могильники Бахмутинский - эпонимный памятник, изученный впервые В.В. Гольмстен,³¹ и Бирский, раскапываемый продолжительное время Н.А. Мажитовым. Именно ввиду гетерогенного характера погребального обряда, асинхронности некоторых типов вещей и новаций в производстве посуды, выявленных при анализе материалов с данных некрополей, гипотеза о возможной миграции в Приуралье сибиряков неоднократно использовалась в научной среде для объяснения культурогенеза бахмутинских племен. Итогом продолжительной дискуссии, отсчет которой можно вести с конца 30-х годов

---

²⁹ Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. М. 1958. № 28. С. 50–54; Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

³⁰ Мажитов Н.А. Указ. соч., 1981. С. 25.

³¹ Смирнов А.П. Указ. соч., 1968. С. 50.

XX века, стало выделение субстрата культуры – пьяноборское население.³² Однако специфика керамики не позволила провести прочную генетическую связь с населением раннего железного века Приуралья. В.Ф. Генинг в ряде статей заостряет внимание на особенностях в орнаментации бахмутинской керамики (чандарский тип) и ее морфологии.³³ Аналогии круглодонным сосудам с широким горлом, орнаментированным ямочными вдавлениями и насечками по венчику, он находит в памятниках Верхней Оби (ареал одинцовской и релкинской культуры) и Приишимья (бакальская и потчевашская культуры). Данные аналогии не подвергались критике и в дальнейшем.³⁴ В погребальном обряде носителей бахмутинской культуры выделяются следующие заимствованные «с востока» черты: глубокие могилы, обычай класть сосуды и останки животных в погребение. Время данных изменений в материальной культуре раннесредневекового населения Южного Урала было выявлено А.К. Амброзом при хронологизации Бирского могильника. По результатам классификации и типологизации инвентаря и погребений группа могил, вошедшая в «зону II», была связана с пришлыми группами населения, и датирована в рамках VI-VII вв. н.э.³⁵

Вопрос об участии сибирских мигрантов в культурогенезе неволинской культуры Среднего Урала до сих пор остается открытым. Археологические объекты данной культуры сконцентрированы в районе бассейна р. Сылва, и долгое время рассматривались в качестве одного из этапов ломоватовской

³² Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. №, 1972. С. 221—295; Мажитов Н.А. Некоторые итоги и задачи изучения средневековой археологии Южного Урала // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья // Уфа: БФАН СССР. 1986. С. 76-86.

³³ Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в II тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 329—336; Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ, вып. 7. Ижевск-Свердловск, 1967. С. 7—84; Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. №, 1972. С. 221—295.

³⁴ Мажитов Н.А. Указ. соч. 1981. С. 27; Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. С.181.

³⁵ Амброс А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 40—47.

общности.³⁶ На сегодня она датируется в рамках четырех стадий (по названию опорных памятников): бродовская (IV-VI вв.), бартымская (VI-VII вв.), неволинская (VII-VIII вв.), иренская (VIII-IX вв.). Р.Д. Голдина выделяет пять скоплений памятников, оставивших сибирскими мигрантами: 1) в устье р. Шаквы; 2) в низовьях р. Сылвы; 3) в среднем течении р. Шаквы; 4) на левобережье р. Камы; 5) на правобережье р. Камы.³⁷ Из них опорным для формирования миграционной модели «угорских племен» служил Бродовский могильник.³⁸ Выделяются следующие инновации в погребальном обряде сылвенских племен: курганные насыпи, немногочисленный инвентарь в могилах, в основном мужские захоронения, окружающие погребения ровики, ритуальные останки туши или части лошади в курганных насыпях, а также традиция кольцевой деформации черепа. Время проникновения сибирских мигрантов ограничивается IV-V вв н.э. (бродовская стадия неволинской культуры). А.С. Белавиным, В.А. Ивановым и Н.Б. Крыласовой, а также в ряде статей В.А. Иванова, производилась проверка данной гипотезы при сравнении притобольской и бродовской погребальных традиций. Однако ее можно считать неудачной, так как хронологическое отставание гороховской культуры от неволинской - более чем в пять веков; более того, усиливают контраст между ними характеристики керамических материалов.³⁹ Поэтому, вопрос остается открытым. Сибирский компонент в неволинской традиции выделялся и в керамическом комплексе. Круглодонные с шаровидным туловом сосуды низких пропорций, орнаментированные резным орнаментом в виде «елочки» и косых нарезов часто встречаются в ранних сылвенских

---

³⁶ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... С. 4—5.

³⁷ Голдина Р.Д. Древняя и Средневековая история Удмуртского народа. Ижевск, 2004. С. 268.

³⁸ Генинг В.Ф. Бродовский могильник // КСИИМК АН СССР, вып. 52. М., 1953. С. 87—98; Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье... С. 6—22.

³⁹ Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. С.111; Иванов В.А. Прослеживается ли генетическая связь между носителями кушнареновской, караякуповской и неволинской культур? // Проблемы бакальской культуры. Челябинск - Шадринск, 2008. С. 94—101.

памятниках.⁴⁰ Р.Д. Голдина считает, что пришлая гончарная традиция быстро растворяется в среде местного населения, и уже к VII веку полностью исчезает.

При изучении харинской культуры Верхнего Прикамья также представляет сложность вопрос о влиянии на ее носителей западносибирских мигрантов. Пионеры исследования харинских (ломоватовских) древностей – О.Н. Бадаер и В.А. Оборин причисляют к пришлой культуре ряд памятников: Бродовский, Бурковский могильники, Опутятское городище.⁴¹ Инновации в погребальной традиции они видят в таких признаках, как погребение под невысокой курганной насыпью в отличие от погледенновского грунтового обряда, искусственная деформация черепов, берестяные подстилки, деревянные перекрытия и гробы, поза погребенного вытянуто на спине.⁴² Этому не противоречит мнение В.Ф. Генинга, педалируемое в целом ряде статей.⁴³ Хотя Д.В. Шмуратко при статистическом сравнении приуральских некрополей эпохи Великого переселения народов выдвигает альтернативную точку зрения, и связывает появление харинского обряда с продвижением позднесарматских групп в таежное Прикамье.⁴⁴ При описании глиняной посуды исследователи обращают внимание на остроробрую форму с резко выступающими боками посуды. Орнамент ограничивается вертикальными насечками, защипами по венчику. Аналогии данному типу керамики авторы «На заре истории Прикамья» находят в Зауралье и Южной Сибири.⁴⁵

В пользу тесной связи турбаслинской культуры и западносибирских мигрантов высказывался В.Ф. Генинг. В погребальных памятниках отмечены общими признаками курганный обряд захоронения, искусственная

⁴⁰ Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Ижевск: Удм. Ун-т, 1986. С. 47—98.

⁴¹ Бадаер О. Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1958. С. 137—148.

⁴² Там же, С. 151—152.

⁴³ Генинг В.Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК АН СССР, вып. 57. М. 1955. С. 115—123; Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973. С. 121.

⁴⁴ Шмуратко Д.В. Могильники харинского типа с территории северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа») // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 66—72.

⁴⁵ Бадаер О. Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья... С. 149.

деформация голов, глубокие погребения, деревянные перекрытия и жертвенные комплексы в виде костей животных и сосудов в могиле.⁴⁶ Главные отличия только в том, что у зауральского населения нет погребений с подбоем (вероятно, из-за специфики почв в сибирской лесостепи), встречаются парные и групповые погребения. Вместе с тем находят сходство в морфологии посуда могильников. Отмечается характерная для керамики Западной Сибири полуяйцевидная форма тулова в турбаслинских материалах, а также скудная орнаментация – насечки по венчику, плечу и нижнему краю шейки. Попытка Ф.А. Сунгатова статистически обосновать саргатские и турбаслинские связи считаются небезосновательными, в плане участия западносибирского населения в союзе гуннских племен, логичны и полученные им низкие показатели сходства данных комплексов, исходя из точки зрения, что миграция имела место позднее, в середине IV – начале V вв. уже бакальского населения.⁴⁷

Кушнаренокско-караякуповская⁴⁸ проблема, наверное, одна из интригующих в средневековой археологии Приуралья и Сибири. В середине 50х годов XX века появились первые находки кушнаренокских и караякуповских сосудов. Данная посуда нехарактерная ни для одной другой известной в ту пору культуры средневековья Приуралья (бахмутинской, турбаслинской или неволинской и др.) из-за специфической формы, тонкостенности и изящности орнамента сразу поставила вопросы перед исследователями о своем происхождении. Первооткрыватель культуры В.Ф. Генинг выдвинул гипотезу о западносибирских истоках кушнаренокского гончарства, основываясь на аналогиях из нескольких памятников Зауралья: 8 погребение Перейминского могильника, Саргатские курганы, Мысовской,

---

⁴⁶ Генинг В.Ф. Указ. соч. 1972. С. 278.

⁴⁷ Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа, Гилем, 1998. С. 98.

⁴⁸ Используем общий термин (следуя примерам Д.А. Сташенкова, С.Г. Боталова, Н.П. Матвеевой) для данных культурных типов, в виду недостаточной хронологизации памятников как кушнаренокских, так и караякуповских.

Потчевашский и Тюковский могильники.⁴⁹ В статье 1972 года дополняет аргументацию ранних выводов об их западносибирском происхождении: 1) отодвигает границу начала «исхода» кушнаренковского и караякуповского населения ближе к Прииртышью и Верхнему Приобью (городище Большой Лог, Потчевашское, Логиновское, памятники верхнеобской культуры); 2) общий стиль орнаментов; 3) округлость дна.⁵⁰ По мнению Г.И. Матвеевой, исходя из своеобразия орнамента и форм, формирование данной гончарной традиции, чуждой до VI-VIII вв. Приуралья, происходило в лесостепи Западной Сибири – ареале бакальской культуры.⁵¹ Раскопки могильника Усть-Тара-7 и Красноярского городища позволили Е.М. Данченко внести несколько замечаний при сравнении приуральских и приишимских вариантов кушнаренковской и караякуповской посуды: усть-тарские отличаются фигурным штампом, характерным для карымской керамики. Новые материалы дали ему основания перенести район начала переселений кушнаренковских и караякуповских групп населения в низовья Тары.⁵² Н.П. Матвеева по результатам статистической обработки керамики кушнаренковского типа с Коловского городища приходит к выводу об их тесном сходстве с «классическими» приуральскими экземплярами, обнаруженными на Куштерьякском селище, Кушнаренковском, Бирском, Манякском могильниках и др.⁵³ Тем не менее, при всем многообразии мнений о сибирском компоненте в гончарстве кушнаренковского населения, несколько скромными выглядят сведения о погребальном обряде. В.А. Иванов предлагает несколько общих признаков для кушнаренковской,

⁴⁹ Генинг В.Ф. Указ. соч. 1961. С. 330.

⁵⁰ Генинг В.Ф. Указ соч. 1972. С. 271—272.

⁵¹ Матвеева Г.И. Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой // Археология и Этнография Башкирии. 1968. Т. III. С. 113—125; Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология Евразийских степей. 2007. Т. II. С. 75—86.

⁵² Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья // Проблемы Бакальской культуры: матр. Семинара. Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей». 2008. С. 56—57.

⁵³ Матвеева Н.П. Коловское городище / Н.П. Матвеева, С.В. Берлина, Т.Н. Рафикова. Новосибирск: Наука, 2008. С. 179—185.

караякуповской, потчевашской и молчановской культур: захоронения под земляными курганами, количество захоронений под одной насыпью, северо-западная ориентировка погребенных, ритуальные остатки от туши лошади.⁵⁴

Е.П. Казаков выделяет аналогичные инновации, но на материалах Иманлейского, Такта-лачукского могильников прослеживает сохранение у погребенных обычая искусственной деформации голов.⁵⁵

Проблема миграции носителей кушнаренковской и караякуповской культур выглядит актуальной в современных западносибирских исследованиях. Выдвигаются гипотезы о времени «исхода» кушнаренковцев,⁵⁶ расширяются границы формирования культуры,⁵⁷ затрагиваются вопросы об ее этнической атрибуции и др. Поясним, что все выводы о Западносибирской прародине кушнаренковцев-караякуповцев формулируются, в основном, исходя из анализа керамического материала. В западной Сибири отдельных памятников кушнаренковской культуры практически нет. Исследователи в основном оперируют материалами Перейминского 1 могильника. Д.Н. Маслюженко, С.Н. Шилов, С.В. Хаврин древности могильника Усть-Суерское 1 относят к этапу караякуповской культуры к.VII — сер. VIII в. н.э.⁵⁸

1.1.2. Миграции раннесредневекового населения Западной Сибири

Карымская культура выделена В.Н. Чернецовым по керамике с многослойного памятника Ус-Толт у п. Карым. Дальнейшие исследования по данной культуре связаны с изучением в пригороде Тюмени могильников Козловской и Перейминский.⁵⁹ С момента первых находок керамических

⁵⁴ Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. С. 68—69.

⁵⁵ Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

⁵⁶ Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье// АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. С. 63-75.

⁵⁷ Данченко Е. М. Указ. соч. С.45—60.

⁵⁸ Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н., Хаврин С.В. Раннесредневековый могильник Усть-Суерское-1 в лесостепном Притоболье // Ab Origine. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 3. Тюмень. 2011. С. 72—86.

⁵⁹ Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э // МИА. №58. 1958. С. 138—147.

образцов карымского типа ее своеобразный фигурно-штамповой орнамент стал весомым аргументом в пользу гипотезы об участии населения Нижнего Приобья и Притоболья в культурогенезе кушнаренковских групп. С пополнением материалов IV-VII вв. с таежных памятников Западной Сибири на сегодня обнаруживаются две версии миграции карымского населения. Первая версия основывается на представлении о переселении в IV-V вв. н.э. лесных кочевников на юг и взаимодействии их с постсаргатским, бакальскими племенами, а в VI-VII вв. н.э. новое население из-за активной экспансии Тюркского каганата уходит за Урал, где становится основным компонентом кушнаренковского населения. Данная гипотеза основывается на гетерогенных материалах, объединяющих лесные и лесостепные черты, могильников Усть-Тара-7,⁶⁰ Красноярка-IV,⁶¹ Козловский могильник,⁶² Устюг-1, поселения Ипкуль XV.⁶³

По второй версии карымские группы могли мигрировать напрямую в Приуралье, в частности в Северное Прикамье, взаимодействуя с ломоватовским и родановским группами.⁶⁴ Тесные контакты сибиряков, прикамцев и тюрок, проникавших за Урал (памятники новинковского типа), могли сформировать новый культурный комплекс – кушнаренковский. На это обращает внимание И.Н. Васильева при изучении керамических образцов в рамках историко-культурного подхода.⁶⁵

Исследователями выделяются основные признаки карымской культуры, фиксирующиеся на «новой родине»: грунтовые погребения, возможна ингумация и кремация, фигурно-штамповой орнамент на посуде,

⁶⁰ Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160—186.

⁶¹ Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южно-таежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург, 2010. С. 239—240.

⁶² Матвеева Н.П. Указ. Соч. 2012.

⁶³ Корякова Л.Н., Морозов В.М. К вопросу об особенностях переходного периода от раннего железного века к средневековью // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 89—91.

⁶⁴ Мельничук А.Ф. Пескоков М.Л. Керамика нижнеобского облика на памятниках северного Прикамья // Вестник Томского университета. История. №3 (23). С. 250—253.

⁶⁵ Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XII вв. Екатеринбург, 1993. С. 31—34, 44—46.

искусственная деформация черепов. Затрудняет исследования миграции карымского населения нехватка чистых комплексов, как за Уралом, так и в Западной Сибири. В любом случае привлекает внимание историческая судьба потомков кулайцев.

Не менее интересна судьба потомков лесостепного саргатского населения – носителей бакальской культуры. Со времени открытия эпонимного городища К.В. Сальниковым (Сальников, 1956)⁶⁶ количество материалов значительно возросло. Вместе с этим сильнее раскрывается историческое значение бакальской общности для раннесредневекового населения уральского региона. Сегодня предлагаются различные варианты миграции, а также «пришлых» элементов - участников бакальского культурогенеза. В частности, Н.П. Матвеева выделяет несколько путей кочевания носителей бакальской культуры: 1) на Запад, участвуя в формировании бахмутинского и караякуповского населения в течение IV — VI вв.; 2) на Юг, в степи Средней Азии.⁶⁷ Западная миграция бакальцев, в частности в Самарское Поволжье, прослежена по характерной для нее керамике Д.А. Сташенковым при изучении Пролетарского городища,⁶⁸ Н.А. Лифановым на селище Ош-Пандо-Нерь и могильнике Шелехметский II,⁶⁹ в Башкирии также обнаружены очень близкие бакальским сосуды на Таптыковском городище.⁷⁰ Стоит отметить интересную, но пока неаргументированную, гипотезу С.Г. Боталова, считающего, что небольшие курганы по типу Козловского могильника могли сформировать возвращавшиеся на родину гунны, после падения своей мощи в Западной

⁶⁶ Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // Советская археология. XXV. 1956. С. 189—214.

⁶⁷ 113. Матвеева Н.П. Новые данные о средневековых культурах лесостепного Зауралья // История и культура Средневековых народов степной Евразии: материалы II международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 88—91.

⁶⁸ Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Форум «Идель-Алтай»: матер. Конф. Казань, 2009. С. 228—229.

⁶⁹ Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001-2002 гг. // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005. С. 68—75.

⁷⁰ Акбулатов И.М. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних ургов на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 31—52.

Европе.⁷¹ Ю. Малашев и М.Г. Мошкова среди факторов миграции позднесарматского населения на Восток связывают военные столкновения с аланскими племенами. Предполагается, что некоторые его части могли участвовать, в том числе, в бакальском культуругенезе.⁷² Ведь некоторые признаки погребального обряда, а также традиция прижизненной деформации головы, похожие формы сосудов находят свое отражение и в позднесарматских могильниках.

Таким образом, в археологии Приуралья и Западной Сибири исследователями в культурах раннего средневековья выделяются инновации в гончарстве и погребальном обряде. Распространение традиции раздутых среднегорлых и высокогорлых сосудов с округлым дном в Приуралье в IV-V вв. н.э. в бахмутинских, харинских, турбаслинских, кушнаренковских и неволинских материалах и ее угасание к VII-VIII вв. говорит о возможности миграционного импульса из лесостепи Западной Сибири. Подобная тенденция зафиксирована при исследовании погребального обряда у данных культур. Нехарактерная для лесостепного и подтаежного населения Приуралья курганная обрядность, захоронения в широких и глубоких могилах, искусственная деформация голов и наборы вещей «гуннского» круга – новые и существовавшие непродолжительное время традиции, которые были заимствованы местным населением у мигрантов. При этом с переселенцами связывают население бакальской культуры. Однако твердых аналогий и сравнений на сегодня не было проведено в связи с отсутствием продолжительное время раннесредневековых материалов в Западной Сибири. Последние исследования Устюг-1, Ипкульского и Козловского некрополей дают возможность получить необходимые для решения «миграционной» проблемы аргументы.

---

⁷¹ Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. С. 72.

⁷² Малашев В.Ю., Мошкова Г.М. Становление позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010. Вып. III. С. 52.

Поэтому далее перед нами стоят серьезные задачи сформировать теоретическую основу для поиска миграций в археологическом материале, определиться с кругом наиболее эффективных методов.

1.2. Методология и методика изучения миграций в археологии

1.2.1. Подходы к изучению миграций

Мы установили два основных комплекса культурных признаков, которые ученые связывают с приходом нового населения в Приуралье и Западную Сибирь в эпоху раннего средневековья – погребальный обряд и керамика. Однако вопрос о миграциях исследователями второй половины XX века рассматривался в рамках темы культурогенеза средневековых общностей, проживавших по ту и другую стороны Урала, но не был предметом отдельного изучения. Поэтому существует серьезный пробел в понимании миграции, ее природе и признаках в археологии. В данной части работы мы сфокусировали внимание на методологических основах и методах, которые позволят в дальнейшем более детально охарактеризовать столь сложный процесс.

Теории о миграции в гуманитарной науке начали появляться с конца XIX века, в археологии – Г.Коссина, в географии и социологии – Г.Равенштейн. На сегодня они представлены значительной разработкой и осмыслением, в том числе и в археологии. Методологические установки к их изучению можно классифицировать на направления по выбору исследователями иерархии факторов возникновения миграционного процесса. Первое направление, эколого-экономическое, рассматривает миграции как результат адаптации развития древних обществ к природно-климатическим условиям окружающей среды. Основные положения были высказаны М.Ф. Косаревым, К. Рэнфрю, И.Роузом. Второе направление, социально-политическое, рассматривает миграции как результат столкновения групп людей со схожим хозяйственно-культурным типом в пределах одной природно-географической зоны. Видным представителем данного направления является В.А. Могильников. Третье направление – антропологическое. В его рамках миграции, выражаясь словами Д. Энтони, «структурированное поведение,

которое присуще определенной группе людей с определенными целями, использующие известное направление и маршруты».⁷³ Данные подходы к изучению древних миграций сформировали определенные мнения на факторы миграций, их признаки и методы поиска в археологическом материале.

Представляется, на сложение эколого-экономического направления изучения древних миграций повлияла разработка Уилларда Либби радиоуглеродного датирования. Она позволила археологам достигнуть большей глубины во времени, что замедлило событийность в истории.⁷⁴ Вместе с этим сменился и взгляд на факторы миграций. Их главной причиной считается природная среда, повлиявшая на демографию древнего населения.⁷⁵ Наиболее развитое положение о миграций сформировал М.Ф. Косарев. Так, он предполагает, что причина переселений кроется в «несоответствии между медленными темпами развития производственных сил и относительно быстрыми темпами роста народонаселения».⁷⁶ Понимается, что природная среда, окружавшая человека в древности, влияла на все сферы его жизни и подталкивала к смене ландшафта природопользования через климатические кризисы. Они могли возникать в любую эпоху, и наиболее чувствительно сказываться на степных и лесных кочевниках. В результате, ощущалась нехватка существующих ресурсов для поддержания жизнедеятельности растущего общества. Как итог, необходимость миграции ощущалась сильнее, они были единственным способом сохранить культурное и социальное единство общества.

---

⁷³ Anthony D. Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater // American Anthropologist. 1990. Т. 92. pp. 895—915.

⁷⁴ Trigger, B.G. A History of Archaeological Thought. Cambridge: Cambridge University. 1997. P.305.

⁷⁵ Hakenbeck S. Migration in Archaeology: Are We Nearly There Yet? // Archaeological Review from Cambridge - 23. 2. 2008. P. 14.

⁷⁶ Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях миграций в Западной Сибири// СА. 1972. №4. С. 19—27.

Данное направление получило развитие в концепции «археолого-этнических типов» (АЭТ) В.Ф. Генинга.⁷⁷ Специфика памятников Урала и Южной Удмуртии раннесредневекового времени – синкретичность погребального обряда и гончарства проживавшего там населения, рассматривалась ученым через призму социально-экономического уровня развития общностей Средневековья (мегрэо).⁷⁸ Исследователь считает, что миграции были предвестником данного культурного разнообразия. Однако при выделении АЭТ возможно выделить этническое ядро и пришлые компоненты. Так В.Ф. Генинг дает указания к работе с материалом: «основными и наиболее массовыми археологическими материалами, определяющими этнос, принято считать керамику, погребальный обряд и специфический набор женских украшений».⁷⁹

Большой резонанс получили работы Л. Кавалли-Сфорца, основанные на модели «demic diffusion» (демографическая диффузия) и результатах генетики. Предложенная конструкция объясняет начало процесса распространения земледелия на территории Европы в эпоху Неолита демографическим взрывом на первоначальной ойкумене населения.⁸⁰ Данная идея была принята и развита К. Ренфрю. Он скоррелировал сведения о распространении индоевропейских языков с археологической информацией о появлении земледелия у населения Евразии, объясняя тем самым логику процессов миграции и диффузии.⁸¹ Идею соответствия с исследованиями К.Ренфрю и Л. Кавалли-Сфорца находим в работах И. Роуза (Rouse, 1987).⁸² Его модель основывается на формуле «cultural norms»: «народы в исторической ретроспективе формируют особенные комплексы обычаев и

⁷⁷ Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1970. С. 103—105.

⁷⁸ Там же, С. 98.

⁷⁹ Генинг В.Ф. Указ. соч. 1972. С. 250.

⁸⁰ Hakenbeck S. Указ. соч. 2008. P. 15—16.

⁸¹ Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins by Colin Renfrew Current Anthropology, Vol. 29, No. 3 (Jun., 1988). P. 437—468.

⁸² Rouse I. Migrations in Prehistory: Inferring Population Movement from Cultural Remains. New Haven: Yale University Press, 1986.

верований, которые выражаются в археологии через погребальную практику и инвентарь. Это и есть культурные нормы, из которых и состоит культура» (*Перевод мой – З.А.*).⁸³ Через картографирование, статистический анализ и хронологизацию «инновационных» культурных комплексов (элементы погребального обряда, импортные вещи и др.) для автохтонных групп древнего населения И.Роуз предложил схему древних миграций.

Несколько иные методологические построения у представителей социально-политического направления. Данный подход основывается на выявлении последствий влияния кочевников на культурное развитие автохтонного населения (рис. 2). В рамках этой идеи, инновации в археологической культуре рассматриваются, как не только ответ человека на изменение природно-климатических условий, но и результат активного взаимодействия пришлого и коренного населения.⁸⁴ Исходя из данного положения, существует возможность обнаружения следов инокультурных контактов. Так, материалы гетерогенных памятников Барнаульско-Бийского Приобья и Барабинской лесостепи, в частности, могильники Бижние Елбаны III и XIV, Курай IV, Чулым-2, Преображенка-3 позволили В.А. Могильникову выделить маркеры тюркского пребывания в лесостепи Южной Сибири, такие, как деформированные черепа, захоронение коня, меридиональная ориентировка погребенных и др.⁸⁵ Л.А. Чиндина и Т.Н. Троицкая, продолжая изучение тюркской миграционной волны, дополняют набор археологических следов миграций внимательным и подробным статистическим анализом керамического материала рёлкинской,⁸⁶

---

⁸³ Там же, Р. 181—185.

⁸⁴ Могильников В.А. Миграции и процесс тюркизации населения юга Западной Сибири // Смены культур и миграций в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1987. С. 109—113.

⁸⁵ Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века. Автореферат диссертации. Москва, 1990. С. 33.

⁸⁶ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. С. 27—48.

одинцовской и верхнеобской культур.⁸⁷ Таким образом, остатки погребального обряда и керамика — мощные маркеры процесса миграций.

Подобные представления о живом характере миграционных процессов и принятие гипотезы о прозрачных культурных границах в прошлом характерны для антропологического подхода к изучению миграций. Д. Энтони сформулировал новое понятие «миграции» для археологии: «это структурированное поведение, которое присуще определенной группе людей с определенными целями, использующие известное направление и маршруты».⁸⁸ С. Хэкенбек называет это «философским сдвигом» в основах понимания древних переселений.⁸⁹ С этого же времени критикуются работы Л.Кавалли-Сфорцы, К.Ренфрю и др. за субъективизм, политизированный характер размышлений и преждевременный переход к этническим интерпретациям археологического материала.⁹⁰ Теперь миграции рассматриваются, как самый сложный процесс человеческого поведения; археологам необходимо осваивать методы социологии, этнографии, лингвистики, ведь «только после понимания структуры миграционных процессов могут быть разработаны их археологические доказательства» (*Перевод мой — З.А.*).⁹¹ Понимая это, представители антропологического направления предлагают сместить акценты при анализе археологического материала: особые типы вещей, элементы украшений и проч. — это мода эпохи; миграции кроются под экономической оболочкой общества — устройство жилья (расположение входа-выхода, окон), структура поселений (круглая, шахматная),⁹² погребальной камеры (ориентировка, форма,

⁸⁷ Троицкая Т. Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской / Т. Н. Троицкая // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 126—132.

⁸⁸ Anthony D. Указ. соч. 1990. P. 895—915.

⁸⁹ Hakenbek S. Указ. соч. 2008. P. 17.

⁹⁰ Härke H. Archaeologists and Migrations: A Problem of Attitude? // Current Anthropology. 1998. Т. 39 (1). P. 19—46.

⁹¹ Burmeister S. 2000. Archaeology and migration // Current Anthropology 41(4). P. 540.

⁹² Prien R. Archäologie und Migration: Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Migrationsbewegungen. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2005. P. 15—20.

расположение вещей в могиле),⁹³ искусственная деформация тела⁹⁴ и др. В связи с этим, важны разработки Л.С. Клейна.⁹⁵ В его понимании миграции протекают в трассовых секвенциях – истории одного населения, когда происходит ее переброска из одной колонной секвенции в другую. При поиске миграций необходимо следовать нескольким критериям доказательности: 1) картографирование археологических признаков; 2) принцип *pars pro toto* (целое в частном); 3) только сильные признаки могут быть показателями миграций – керамика и погребальный обряд.

Итак, в подходах изучения миграций в археологии ставка делается на антропологический подход и социологию. Исследователи отмечают довольно важные положения: проницаемость культурных границ в прошлом, нивелирование длинных и коротких миграций, многоступенчатый процесс передвижения древних обществ, многообразие факторов и причин переселения. Активизируются миграции в переходные периоды археологических эпох. В это время фиксируется наибольшая мобильность населения под действием как внешних факторов (природно-климатических и политических), так и внутренних (перенаселение, демографический взрыв). При этом признаки миграции исследователи должны искать в погребальном обряде и гончарстве населения – наиболее чувствительные комплексы к внешнему историко-культурному воздействию.

1.2.2. Методы изучения миграций

Рассмотренные подходы к изучению миграций могут работать отдельно, так и в симбиозе. Выбор зависит от пространственного, временного и культурного контекста изучаемого материала. Его мы можем раскрыть при

---

⁹³ Cameron C. How People Moved among Ancient Societies: Broadening the View. // *American Anthropologist*, 115. P. 220—223.

⁹⁴ Hakenbek S. 'Hunnish' modified skulls: physical appearance, identity and the transformative nature of migrations // *Mortuary Practices and Social Identities in the Middle Ages: Essays in Burial Archaeology in Honour of Heinrich Härke*. 2009. P. 64—80.

⁹⁵ Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. 1999. №1. С. 52—71.

анализе погребального обряда, гончарства и деталей одежды. Поэтому важно определить наиболее эффективные методы исследования данных культурных комплексов.

Вещевой инвентарь является важным материалом при построении хронологии археологических памятников. В отличие от других видов инвентаря, например, керамики — бляшки, пряжки, ременные накладки и наконечники несут информацию о производственных центрах, задававшие моду всей евразийской долине на разных этапах ее истории. Существует объемный пласт работ по методам изучения вещевых наборов. Статистические методы использует В.Б. Ковалевская,⁹⁶ метод аналогий и описательно-сравнительный метод широко используется А.К. Амброзом (1966, 1989), А.В. Комаром (2000), И.О. Гавритухиным (2001), В.Ю. Малашевым (2000).

На сегодня нет работ, преследовавших цель синхронизировать во времени Приуралье и Западную Сибирь. Если раннесредневековые, в том числе позднесарматские и гуннские, вещевые комплексы Приуралья достаточно подробно хронологизированы,⁹⁷ то систематических работ по памятникам Западной Сибири практически нет. Отдельные вещи лесного и лесостепного Тоболо-Ишимья анализировались в объемном труде В.Б. Ковалевской. В.А. Могильниковым⁹⁸ и М.Ф. Косаревым⁹⁹ рамки раннего средневековья определены 2-й половиной I тыс. - началом II тыс. н.э. По новым данным поселенческих и могильных комплексов носителей бакальской АК (Устюг 1,

⁹⁶ Ковалевская В.Д. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. // САИ. 1979. Вып.Е1-2. С. 7—36.

⁹⁷ Богачёв А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: 1992. 208 с.; Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I / А.К. Амброз // СА. 1971а. № 2. С. 96—123; Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. М., 1979. Вып. 158; Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194—232; Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т.1. 2000. С. 19—55.

⁹⁸ Могильников В.А. Указ. соч. 1990. С. 5.

⁹⁹ Косарев М.Ф. Указ. соч. 1991. С. 15.

Козловский, Ипкульский, Пахомовский, Перейминский 1 могильники; Усть-Утяк 1, Коловское, Большое Бакальское, Красноярское и др. поселения нижнюю грань начала средневековой эпохи можно опустить до IV века нашей эры.¹⁰⁰

Статистика считается мощным инструментом анализа погребального обряда.¹⁰¹ Метод активно использовался для характеристики могильников средневековых культур Приуралья. При этом отмечаем отдельные попытки встроить западносибирские материалы в целях выделения компонентного состава аборигенного населения. Так, Ф.А. Сунгатов опровергает связь саргатских некрополей с турбаслинскими по результатам статистических расчетов ($C_3=0,60$), а отдельные схожие признаки объясняет участием тех и других в гуннской экспансии.¹⁰² А.С. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова, сравнивая неволинские и гороховские погребения, получили низкие показатели сходства (0,44) и отрицательный ответ на вопрос о связи приуральского и сибирского населения.¹⁰³ В.А. Иванов, сравнивая кушнаренковские и караякуповские древности с потчевашскими и молчановскими, установил их тесную связь ($C_3=0,90$).¹⁰⁴ Д.В. Шмуратко на основе кластерного анализа не обнаружил равенства между приуральскими некрополями и Козловским могильником, отмечая его сходство с позднесарматскими древностями.¹⁰⁵ Хотя существует серьезный недостаток в представленных примерах – асинхронность. Поэтому, для построения последующих корреляционных статистик важным условием является разработанная хронология для каждого культурного комплекса.

¹⁰⁰ Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные по ра-диоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140—151.

¹⁰¹ Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) \ В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков; Отв. ред. С.П. Пачкова. Киев, 1990. 304 с.

¹⁰² Сунгатов Ф.А. Указ. соч. 1998. С. 98.

¹⁰³ Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. ... С. 144.

¹⁰⁴ Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. ... С. 66.

¹⁰⁵ Шмуратко Д.В. Могильники харинского типа с территории северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа») // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 71.

В гончарстве раннесредневекового населения Приуралья и Западной Сибири, как мы отмечали выше, инокультурные признаки были выделены по морфологическим и орнаментальным особенностям посуды. Сегодня существует несколько подходов к их анализу.

Форма глиняной посуды традиционно считается сильнейшим этнокультурным маркером, что продемонстрировано на этнографическом и археологическом материале.¹⁰⁶ В.Ф. Генинг для изучения морфологии предложил методику, основанную на статистических расчетах отношения точек максимальной кривизны на теле сосуда.¹⁰⁷ Также им сформированы указатели для расчета форм, корреляция которых позволяет сформировать общее представление о типах древней посуды.¹⁰⁸ Однако, минусом «статистической обработки керамики» В.Ф. Генинга считается интуитивный поиск точек максимальной кривизны, что, естественно, субъективизирует расчеты. Х. Нордстрем разработал несколько иную методику, основанную на особенности размещения максимального диаметра на линии контура сосуда. Имеется в виду отношение радиуса максимального диаметра к его высоте, на которой он находится от основания.¹⁰⁹ Здесь как раз не вмешивается человеческий фактор в выборе мест на сосуде для измерения и задействованы абсолютно все точки кривизны сосуда. Данная методика сегодня может быть легко реализована при использовании цифровых графических редакторов.

Метод А.А. Бобринского исходит из представления о гончарстве как об области знаний о приемах и средствах превращения пластичного сырья в готовые изделия.¹¹⁰ Соответственно формообразование входит в набор производственных навыков гончара и несет важную этнокультурную

¹⁰⁶ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 187—193.

¹⁰⁷ Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С.114—136.

¹⁰⁸ Там же, С. 120—123.

¹⁰⁹ Nordström H. Указ. соч. 1972. Р. 72—73.

¹¹⁰ Бобринский А.А. Указ. соч. 1999. С. 5.

информацию.¹¹¹ А.А. Бобринский, глубоко понимая зависимость от традиций в гончарном ремесле, дал некоторые важные методические указания при поиске в археологических остатках следов адаптации ремесленника к новым территориальным, эпохальным и политическим условиям. Гончарная технология, в рамках данного подхода рассматривается как системное образование, состоящее из уровней – стадий керамического производства (подготовительная, созидательная и закрепительная), которые разделены на десять ступеней – обязательных задач, выполнение которых необходимо для изготовления сосуда. В рамках подготовительной стадии – это 1) отбор, 2) добыча и 3) обработка исходного сырья, 4) составление формовочной массы; созидательной стадии – 5) конструирование начина и 6) полого тела сосуда, 7) придание ему формы и 8) механическая обработка его поверхностей; закрепительной стадии – 9) придание сосуду прочности и 10) устранение влагопроницаемости его стенок. Кроме того, существуют две необязательные ступени в рамках созидательной стадии: 11) создание рельефных частей сосуда и 12) орнаментации сосуда. Изучение данных навыков изготовления гончарных изделий и сравнение полученных наблюдений позволяет наиболее детально и предельно объективно оценить процессы культурогенеза и миграции древнего населения.

Исходя из набора рассмотренных методов, в дальнейшем мы будем придерживаться следующему алгоритму анализа материалов. Вначале, с помощью метода аналогий создаем хронологическую сетку функционирования погребальных комплексов Западной Сибири (Козловский, Ипкульский, Устюг-1 некрополей), тем самым включаем данные материалы в историко-культурный контекст раннего средневековья Урало-Сибирского региона. Затем сравниваем признаки погребального обряда населения Западной Сибири и Приуралья, бакальской и карымской с

---

¹¹¹ Бобринский А.А. Указ. соч. 1978, С. 187—193.

одной стороны, и бахмутинско-турбаслинских, неволинских, кушнаренковских групп соответственно, с помощью методов статистики, кластерного анализа и расчетов коэффициентов сходства. С целью обнаружить общие и особенные элементы обрядности, которые могут быть перенесенными с одной территории на другую. Далее, рассматриваем гончарство предложенных культурных групп. С помощью технико-технологического анализа керамики в рамках историко-культурного подхода А.А. Бобринского анализируем гончарные навыки бакальских гончаров, т.к. аналогичная работа уже была проведена на приуральских материалах. Затем рассматриваем морфологию посуды с помощью методов Х. Нордстрема и А.А. Бобринского. В итоге, мы должны получить миграционные признаки, следы передвижения, взаимодействия и контактов населения Урало-Сибирского региона в раннем средневековье.

ГЛАВА 2. СРАВНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

2.1 Хронологизация погребальных памятников Западной Сибири

Для хронологической интерпретации некрополей Западной Сибири был проведен качественный и количественный анализ не менее двух категорий вещей (пряжки, бляшки, бусы и т.д.). В отличие от других видов инвентаря, например, керамики — бляшки, пряжки, ременные накладки и наконечники несут информацию о производственных центрах, задававшие моду всей евразийской долине на разных этапах ее истории. При анализе поясной гарнитуры мы опирались на работы А.К. Амброза (1966, 1971, 1980, 1989) и В.Ю. Малашева (2000). При этом хронологически важными были следующие характеристики: (для пряжек) форма и размер рамки, длина и толщина язычка, форма и способ крепления щитка, форма сечения кольца (см. Приложение, табл. 6).

При характеристике бус, за неимением химического анализа стекла, мы опирались на «триаду»: форма-размер-цвет. В основном, наше внимание было акцентировано на работы Е.М. Алексеевой (1975, 1978, 1982), Е.В. Голдиной (2010), О.С. Румянцевой (2006), Р.Р. Руслановой (2014). Если для бус не было найдено более точных аналогий, в типологической таблице оставляли хронологию, установленную авторами раскопок (см.: табл. 2). Если бусы давали широкий временной диапазон бытования, они не учитывались при составлении таблицы взаимно встречаемости инвентаря (см.: табл. 7).

Следует сказать, что подобная работа ранее была проведена с материалами некрополя Козлов-мыс-2.¹¹² По результатам которого, автором исследования — Н.П. Матвеевой была принята дата формирования некрополя в рамках периода 2-й половины IV — начала V вв. н.э. Поэтому

---

¹¹² Матвеева Н.П. Козловский могильник. ... С. 89—101.

для сравнения с другими могильными комплексами мы взяли уже датированные вещи и поместили их общую таблицу взаимно встречаемости (см.: табл. 6).

Н.П. Матвеева при изучении некрополя Устюг-1 в период с 2009 по 2012 гг. установила относительную датировку памятника в пределах IV-VII вв. В данной части нашей работы мы попытаемся сузить хронологические рамки формирования могильника более детальным анализом вещевых комплексов и уловить логику структуры некрополя.

Стоит уточнить, что анализ инвентаря проводим в определенной последовательности, проверяя гипотезу о том, что могильник формировался поэтапно: 1) с края мыса широтными рядами насыпей с Востока на Запад (группа I: 25, 26, 28, 29); 2) меридионально, с Севера на Юг (группа II: 40, 13, 14).

В дальнейшем, получившиеся таблицы были сведены в одну. В результате, получились хронологические пласты с определенным набором инвентаря: 1) III-IV вв.; 2) IV вв.; 3) V в. 4) VI в. и т.д. Однако из-за малого количества находок некоторые слои представлены единичными вещами, что дает не четкую датировку. Есть погребения, вещи которых входят сразу в несколько пластов — 29-3¹¹³ (бляшки, бусы), 14-2 (фибула, зооморфная подвеска, бляшки), 40-2 (серьга, бусы), 13-3 (бусы, зооморфная подвеска) и 25-2 (бусы, пряжки, зооморфные подвески). Попытаемся подробнее охарактеризовать данные погребения, что позволит нам сузить их хронологические рамки.

Для более узкой датировки наиболее репрезентативным материалом выглядят пряжки и бусы.

Погребения конца III- начала IV вв. н.э. (Группа I)

---

¹¹³ Номер погребения указывается в последовательности — № кургана - № погребения в кургане.

Представляется, одной из самых ранних в некрополе можно считать железную овалнорамчатую пряжку из *погребения 25-2* (см.: рис. 11: 1) с округлым в сечении дротом, коротким язычком равномерной толщины с небольшим прогибом по середине, горбиком в заднем конце и с замкнутой петлей. Такие пряжки характерны для III века и были распространены на широкой территории Евразии.¹¹⁴ Однако в этом же погребении была найдена еще одна небольшая овалнорамчатая пряжка (см.: рис. 11: 3) с круглым в сечении дротом, утолщенным передним концом, коротким равномерной толщины язычком, не выступающим за пределы рамки, небольшим уступом у основания, огибающий задний конец кольца петлей, овальным щитком с тремя гвоздиками — характерна для конца III - начала IV века. В.Ю. Малышев дает важные хронологические особенности деталей позднесарматских пряжек, в частности, подчеркивает, что со второй половины III в. до начала IV в. передний конец рамки становится утолщенным, преобладающая форма щитка - овальная, у основания язычка появляется уступ, а передний конец не заходит за пределы рамки.¹¹⁵ Ближайшие аналогии пряжке из могилы 25-2 находим в Козловском могильнике,¹¹⁶ Тарасовском могильнике, например, в погребении 1848,¹¹⁷ материалах пьяноборской.¹¹⁸

Бронзовые подвески (см.: рис. 11: 9) в виде стоящих медведей (росомах?) размерами (3,2x2,5x1,3 см). Голова опущена, морда вытянута, пасть закрыта. Глаза оконтурены желобком. Уши по бокам морды, над глазами. По бокам медведя нанесен контурный орнамент, выполненный желобками. Лапки отделены от орнамента поперечным вдавлением, когти оформлены

¹¹⁴ Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I / А.К. Амброз // СА. 1971а. № 2. С. 102.

¹¹⁵ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 209.

¹¹⁶ Матвеева Н.П. Козловский могильник. С. 84.

¹¹⁷ Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I—V вв. на Средней Каме. Т.2. Ижевск УдМГУ, 2004. С. 694.

¹¹⁸ Лещинская Н.А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I—V вв. н.э. бассейна р. Вятки // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. —XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Ижевск, 2012. С. 151. рис. 3.

желобками. По формам, орнаменту и стилю наши подвески похожи на подобные из Ипкульского могильника¹¹⁹ и отчасти (формой, орнаментом и позой) из Красноярского могильника III — IV вв., но там фигурка зверька на подставке.¹²⁰

Подчеркивают датировку погребения 25-2 грибовидные янтарные подвески (рис. 11: 7). А.В. Мастыкова, проведя всесторонний анализ янтарных грибовидных подвесок, указывает на их происхождение из Балтийского региона и общей моды на них в IV веке.¹²¹ Подобный нашему экземпляру находим в раннесредневековых памятниках Закавказья IV в.,¹²² в Бродовском могильнике Прикамья IV — V вв.¹²³

Раннюю датировку дает набор удлинненно-цилиндрического бисера (см.: рис. 11: 7) из черного стекла II — III вв..¹²⁴

Выделяются из ранних хронологических слоев темно-коричневые бусы (рис. 11: 7) самых разных форм (винтообразные, параллелепидально-удлиненные и пирамидальные).

Складывается неясная ситуация с определением центра производства бус из коричневого стекла. В работах Е.М. Алексеевой такие бусы отсутствуют. Бусы коричневого цвета мы находим в сарматских памятниках III в. до н.э. — VI в. н. э.,¹²⁵ но нет похожих форм. Без хим. анализа стекла наших образцов мы даем им ориентировочную датировку по позднесарматским памятникам III в. до н.э. — VI в. н. э.

¹¹⁹ Чикунова И.Ю. Бронзовые медведи Ипкульского могильника // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. 2012. С. 347: рис. 1 - 4,6.

¹²⁰ Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдмГУ, 1988. рис. 3—35.

¹²¹ Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок поздне римского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999. С. 176.

¹²² Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М.: «Наука», 1975. рис. 25—3.

¹²³ Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: УдмГУ, 2010. рис. 30. тип ХА10.

¹²⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm>: табл. 33, 71.

¹²⁵ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический контекст. Саратов, 1990. С. 78: Типы 02-1 и 07-1; Мастыкова А.В. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. С. 445.

Винтообразные (спиралевидные) бусы (тип XVIIIА, см.: рис. 11: 7), выполненные в технике навивки, из темно-коричневого стекла размерами 10x4 мм. У Е.М. Алексеевой бусы, свитые из жгута, определены в рамки III — IV вв.,¹²⁶ но нет из коричневого стекла. О.С. Румянцева считает, что коричневые винтообразные бусы на территории Средней Оки и Прикамья появляются не ранее, чем во второй трети V века, и ведут происхождение с территории Северо-Западного Кавказа, появившиеся там через караванную торговлю по среднеазиатским степям.¹²⁷

В целом, погребение можно датировать второй половиной III — первой третью IV вв.

Погребение 28-2 можно датировать по ременной двусоставной накладке (рис. 3: б), а также безщитковым пряжкам (см.: рис. 11: 4).

Пряжки из погребения 28-2 опираясь, на разработанную хронологию позднесарматских пряжек,¹²⁸ можно датировать 2й половиной III в. по начало IV века, учитывая такие признаки как, округлая форма, утолщение в передней части рамки, сравнительно удлиненный язычок, огибающий передний конец рамки и присутствие на нем заметного прогиба по центру.

Уточняет хронологию ременная двусоставная накладка с коротким зажимом и секировидной подвеской. В. Ю. Малышев отмечает: *«секировидное расширение — реалии уже второй трети IV в. Двухчастные наконечники-подвески с секировидным расширением в сильно модифицированных вариантах встречаются даже в гуннскую эпоху»*.¹²⁹ Причем наш вариант, по хронологии ременных накладок с секировидными подвесками В.Ю. Малышева, демонстрирует их последний этап развития

¹²⁶ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm>: Тип 203: табл. 33: 83

¹²⁷ Румянцева О.С. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник: Дис... канд. ист. наук. М., 2006. С. 138.

¹²⁸ Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. С. 102-103; Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. С. 209.

¹²⁹ Там же, С. 210.

(группа IV), когда подобные накладки утрачивают фасетировку, становятся короче.¹³⁰ Однако, у нашего экземпляра удлиненная подпрямоугольная подвеска, суженная по середине, с сегментированным концом. Предполагаем, что наш вариант является продолжением развития накладок с округлыми или овальными подвесками, характерных для второй половины III — начала IV вв. н.э.¹³¹ Аналогии находим в древностях джетысарской культуры, в погребениях IV-V вв. н.э. могильника Косасар-2.¹³² В прикамских памятниках, например в Тарасовском могильнике, они также присутствуют, но являются одночастными.¹³³

Погребение 29-3 датируется плоскими круглыми бляшками (см.: рис. 11: 15), а также набором красных бус (см.: рис. 11: 8).

Красные удлиненно-цилиндрическая, бочковидная и трехчастная с округлыми сегментами бусы. Бусы из красного стекла характерны для I — IV вв. н.э.¹³⁴ На Средней Оке данные бусы характерны для III — IV вв.¹³⁵ В мазунинских памятниках они встречаются в погребениях V века.¹³⁶

Плоские круглые серебряные бляшки диаметром 18 мм. Подобные бляшки широко известны в средневековый период, как один из элементов декора костюма. Встречаются в Прикамских памятниках. Поэтому невозможно опираться на них при составлении относительной хронологии.

Погребение 26-1 содержало бронзовую безщитковую круглорамчатую пряжку с остатками язычка. К сожалению, для датирования сохранилось мало деталей пряжки. Однако, мы можем заметить, что ее кольцо в переднем конце расширено, а остатки острия язычка слегка выходят за пределы рамки.

¹³⁰ Там же, рис. 12 —И.

¹³¹ Там же, С. 210, 226: рис. 7 - В1-3.

¹³² Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: ИФ Восточная литература. 1996. рис. 129—36.

¹³³ Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. — Т.2. Ижевск УдмГУ, 2004. табл. 677 - 3.

¹³⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm>: тип 3, тип 22.

¹³⁵ Румянцев О.С. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник. С. 259.

¹³⁶ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. С. 111.

Также по форме и размерам данный экземпляр напоминает пряжки из погребения 28-2.

Погребение 35-4 можно датировать по бронзовой круглорамчатой пряжке (рис. 11: 2). Форма кольца округлая, с расширением в переднем конце, основание частично сохранившего язычка плавно переходит в завиток, щиток прямоугольной формы, прикрепленный к рамке перегибом пластины. Судя по форме рамки пряжку можно датировать второй половиной III века н.э.¹³⁷

Таким образом, первую группу курганов можно датировать второй половиной III века по начало IV века н.э.

Курганы начала-конца IV- начала V вв. н.э.

Датировку погребение 40-2 дают калачиковая серьга-«лунница» (см.: рис. 12: 13), набор стеклянных бус и бисера.

Серьга-«лунница» литая из бронзы с округлым гнездом для вставок по центру и семью гнездами по периметру. Данные серьги хорошо известны в позднесарматских памятниках.¹³⁸ И.Э. Любчанский относит серьги-«лунницы» к предметам, выполненных в полихромном стиле, который становится популярным среди населения урало-казахстанских степей в течении II — VI вв. Предполагается, что возможным центром таких изделий были степи Средней Азии.¹³⁹ С.Г. Боталов прослеживает закономерность в развитии калачиковых сережек-«лунниц»: «Постепенно они приобретают более гроздевидную форму как за счет раздутий в нижней и боковой частях (Друженский, курган 3; Дербеневский, курган 7), так и за счет напаянных шариков (Байрамгулово, курган 2; Лебедевка VI, курган 28; Темясовский, курган 3). Наиболее поздние из них представляют собой форму переходную к

¹³⁷ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. С. 209.

¹³⁸ Любчанский И.Э. Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии. // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010. Вып. III. С. 32: рис. 7 - 1, 2, 6.

¹³⁹ Любчанский И.Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II — начале VI века н.э.: Полихромные изделия. // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2009. Вып. 38. С. 11-18.

гроздевидным серьгам салтовского, кушнаренковско-караякуповского и ломоватовского облика».¹⁴⁰ Наш образец можем датировать по аналогичному из Дребеневского некрополя III — IV вв. позднесарматской культуры.¹⁴¹

Укороченные бочковидные бусы (см.: рис. 12: 10) из грязно-синего стекла размерами 7x4. Подобные бусы встречаем в позднеримских материалах II — III вв..¹⁴²

Округлая поперечно-сжатая бусина из черного стекла размерами 10x6, выполненная в технике тянутой палочки (Тип IXГ, см.: рис. 12: 6). Е.М. Алексеева отмечает, что большинство черных округлых бус приходятся на период I — IV вв., также находим в ее выборке похожий образец.¹⁴³ Подобную нашим, только чуть меньшей высотой, видим в наборах бус башкирских памятников III — IV вв..¹⁴⁴

Двухчастная бочкообразная бусина из золоченного стекла, выполненная из тянутой трубочки (Тип ШБ, см.: рис. 12: 4). Золоченные бусы известны в широком хронологическом диапазоне — с античности до раннего средневековья. Отмечается, что главным центром их производства были мастерские Ближнего Востока. Известно два способа изготовления таких бус: 1) с применением жидкого стекла; 2) при помощи «напаивания» позолоченной.¹⁴⁵ Н.П. Довгалюк отмечает, что смена производства таких бус намечается в IV веке.¹⁴⁶ О.С. Румянцева приводит сведения о развитии золоченных бус на территории Средней Оки от крупных форм к мелким в

¹⁴⁰ Боталов С.Г. Гунны и Тюрки (Историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2008. — С. 190.

¹⁴¹ Пшеничук А.Х. Дребеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Хронология сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 79; рис. 7.

¹⁴² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pigushki.com/Alexeeva/Alex78.htm> 1978: Тип 29: табл. 33:4.

¹⁴³ Там же, Тип 1: табл. 33: 4.

¹⁴⁴ Русланова Р.Р. Бусы Уфимско-Бельского междуречья III-VIII вв.: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2014: Тип I.3A1e: рис. 27.

¹⁴⁵ Столярова Е.К. К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода / Е.К. Столярова // КСИА. Вып. 224. 2010. С. 323-333.

¹⁴⁶ Левина Л. М., Довгалюк Н.П. Бусы джетыясарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V / Джетыясарская культура. Ч.5. М., 1995. С. 212.

течение III — IV вв.¹⁴⁷ У нее также мы находим двухчастные золоченные бусы аналогичных размеров.¹⁴⁸

Таким образом, погребение 2 кургана 40 можно датировать концом III — первой половиной IV в. н.э.

Погребение 13-3 возможно датировать по нескольким типам бус и орнитоморфной подвеске. Сначала проанализируем бусы.

Выделяется из данного комплекса вещей четырнадцатигранная бусина из темно-синего стекла (см.: рис. 12: 2). Е.М. Алексеева говорит о развитии граненных одноцветных бус в позднеаримских материалах II — IV вв.¹⁴⁹ Однако В.Б. Деопик указывала, что данный тип одноцветных стеклянных бус, сменяя варианты из камня, распространяется в IV веке.¹⁵⁰ О. С. Румянцева при исследовании бус могильника Брут 2 аланской культуры говорит о том, что они появляются во II веке н.э. и существуют до VII века н.э.¹⁵¹ Данные бусы часто встречаются в памятниках позднеаримской культуры II-IV вв., например, в Дербеневском, во II Ахмеровском и Салиховском некрополях.¹⁵² Ближайшие аналогии находим в коллекции Бирского могильника,¹⁵³ неволинских древностях бродовской стадии к. IV — V вв.¹⁵⁴

Уплощенная параллелепидальная бусина из глухого голубого стекла, декорированная розетками с белыми сегментами и красным глазком (см.: рис. 12: 1). Аналогий в позднеаримских древностях практически нет. Лишь

¹⁴⁷ Румянцева О.С. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник. — С. 257-258.

¹⁴⁸ Там же, С. 84: Тип А12. рис. 7. - 6,8.

¹⁴⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pigushki.com/Alexeeva/Alex78.htm> — 1978: табл. 33. рис. 41.

¹⁵⁰ Деопик В.Б. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. 1959. №3. С. 55.

¹⁵¹ Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II-III века н.э. // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. — М.: ТАУС, 2009. — С. 365-366.

¹⁵² Пшеничук А.Х. Указ. соч. С. 79.

¹⁵³ Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 40.

¹⁵⁴ Голдина Е.В. Указ. соч. рис. 38—17.

один экземпляр по форме и размерам напоминает нашу,¹⁵⁵ но там бусина была изготовлена из глухого черного стекла с птицевидным орнаментом. Вероятно, мода на такие бусы начинает распространяться в раннем средневековье. Ближайшие аналогии находим в Бродовском могильнике к. IV — V вв.,¹⁵⁶ памятниках мазунинской культуры III — V вв.,¹⁵⁷ а также в Башкирских памятниках III — IV вв. чуть меньших размеров.¹⁵⁸

Треугольная подвеска, спаянная из черного, синего и желтого стекла, разделенное белыми полосками направленными вдоль канала отверстия (рис. 12: 3). Аналогии находим в римских древностях рубежа эр.¹⁵⁹

Поперечно сжатая бусина глухого желтого цвета (IXA, см.: рис. 12: 6) крупных размеров. Подобная форма характерна для первых веков н.э.,¹⁶⁰ но в выборке Е.М. Алексеевой данная бусина глухого белого цвета. Возможно, форма сохранилась и позднее в III — IV вв., но мода на цвет изменилась, как то произошло в позднеримское время. На эту мысль также наводят последние исследования бус раннесредневековых могильников Башкирии IV — VIII вв., среди которых бусины желтого цвета от крупных до мелких форм значительно преобладают (73% от всей выборки).¹⁶¹

Поперечно сжатые бусы из глухого желтого цвета небольших размеров (VIIIБ, см.: рис. 12: 8). Бусы подобных форм могли быть в употреблении с конца РЖВ и в первых веках н.э.,¹⁶² а также в наборах бус VI в. неволинских древностей.¹⁶³

¹⁵⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex75.htm> — 1975: табл. 12. 58.

¹⁵⁶ Голдина Е.В. Указ. соч. С. 148: рис. 38—17.

¹⁵⁷ Останина Т.И. Указ. соч. С. 267:рис. 21 —24.

¹⁵⁸ Русланова Р.Р. Указ. соч. Тип I.Б5а. рис. 27.

¹⁵⁹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm> — 1978: табл. 27—60-65.

¹⁶⁰ Там же, табл. 33: 4.

¹⁶¹ Русланова Р.Р. Указ. соч. С. 124.

¹⁶² Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm> — 1978: Тип 5. табл. 33—1.

¹⁶³ Голдина Е.В. Указ. соч. С. 140: рис. 30-VIA5.

Округлая бусина из синего стекла с оранжевыми глазками на желтом фоне (см.: рис. 12: 5). Похожую бусину встречаем в римских материалах,¹⁶⁴ но бусина с оранжевым глазком на белом фоне и отсутствует датировка. Близкие аналогии находим в Прикамье, могильнике Тураевский 1 IV — V вв.¹⁶⁵

Наконец, проанализируем птицевидную подвеску из бронзы (см.: рис. 12: 21). Орнаментированы туловище — треугольниками остриями вниз и продольной линией, шейка — тремя рядами узких полосок, лапки — двумя рядами узких полосок. На спинке заметно отверстие для подвешивания. Размеры: высота- 2,3 см; длина - 2 см. Подобную находим в 11 могиле Козловского могильника IV—начала V вв..¹⁶⁶

Сузить датировку погребения 14-2 возможно при помощи анализа крупной (ок. 7 см) бронзовой фибулы, орнаментированной насечками, с узкой коленчато изогнутой спинкой, завитком на конце приемника (см.: рис. 12: 14). А.К. Амброз считает, что фибулы с завитком на конце приемника — это особый вариант познесарматских фибул, распространенные широко на Восток вплоть до Южного Урала.¹⁶⁷ Наш вариант он датирует концом III — началом IV вв.¹⁶⁸ В.Ю. Малышев относит данный тип фибул ко второй половине III в.¹⁶⁹ Ближайшие аналогии встречаем в мазунинских древностях IV в., в частности, в погребении 25 Ижевского могильника, однако там фибула маленькая с плавно изогнутым приемником.¹⁷⁰ Наиболее точную

¹⁶⁴ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pigrushki.com/Alexeeva/Alex78.htm> — 1978: табл. 15—69.

¹⁶⁵ Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. — Ижевск, 2010. — С. 474: рис.2-IV Б52а.

¹⁶⁶ Матвеева Н.П. Козловский могильник. — С. 32: цв. вкл. V-3.

¹⁶⁷ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ. 1966. Вып. Д1 —30. С. 95.

¹⁶⁸ Там же, С. 46. табл. 5-19,20.

¹⁶⁹ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур познесарматского времени. С. 200. Тип Ф2.

¹⁷⁰ Останина Т.И. Указ. соч. рис. 24. 4.

аналогию находим в инвентаре Дребеневского могильника III-IV вв. н.э. позднесарматской культуры.¹⁷¹

Выпуклые круглые ременные накладки из бронзы с приемником (Тип Б2, см.: рис. 12: 14). Аналогичная нашим бляшкам-накладкам имеется в наборах Нырғындинского могильника II — III вв..¹⁷² Похожие находим в инвентаре 651 погребения Тарасовского могильника вместе с набором овальнорамчатых пряжек с утолщенным передним концом и коротким язычком с прогибом по центру, характерных для первой половины III — начала IV вв.¹⁷³

Бусы удлиненные цилиндрические из грязно-синего стекла, выполненные делением тянутой палочки (Тип VIБ, см.: рис. 12: 9). Е.М. Алексеева отмечает, что цилиндрические бусы с диаметром поперечного сечения 2-5 мм из тянутых трубочек набирают популярность в позднеримское время II — IV вв., причем одним из распространенных цветов являлся грязно-синий. Похожие типы находим в башкирских наборах V века.¹⁷⁴

Бусы бочковидные поперечно сжатые из непрозрачного желтого стекла (Тип IXБ, см.: рис. 12: 7). Похожие формы встречаем в позднеримских материалах,¹⁷⁵ а также в Прикамских наборах Бродовского могильника IV — V вв..¹⁷⁶

Раннюю датировку дает набор удлиненно-цилиндрического бисера из черного стекла II-III вв., аналогичный образцам из 25-2 погребения.

Вторую группу курганнов можно датировать концом III-первой половиной IV века н.э.

¹⁷¹ Пшеничук А.Х. Указ. соч. С. 79: рис. 18.

¹⁷² Голдина Р.Д. Хронология Нырғындинского могильника II-III вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. — XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Ижевск, 2012. С. 63: рис.6.

¹⁷³ Голдина Р.Д. Тарасовский могильник. табл. 271.

¹⁷⁴ Русланова Р.Р. Указ. соч. Тип I.2A5в1: рис. 8.

¹⁷⁵ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm> табл. 33: 1.

¹⁷⁶ Голдина Г.В. Указ соч. Тип IA4: рис. 34.

Таким образом, после детальной характеристики инвентаря некрополя Устюг-1 можно высказать предположение о поэтапном времени его формирования со второй половины III в. по начало IV в. н.э.

Теперь сравним выделенные нами группы курганов по погребальному обряду и посуде.

Погребальный обряд Группы I характеризуется следующими признаками: погребения находились под овальными курганными насыпями высотой от 0,3 до 0,8 м, размерами 8х4-8,5 м; ориентировка могил на СЗ, у погребенных пестрый половозрастной состав, черепа деформированы; могильные ямы, в основном, глубокие, широкие, средней длины, овальной и подквадратной формы. Особо можно выделить такие признаки, как захоронение коня, кенотафы и групповые погребения от двух до трех человек в одной камере.

Керамика представлена группой бакальских, «среднеазиатских» и псевдокушнаренковских сосудов (горшки и кувшины). Посуда в могиле находилась у изголовья могилы. Отметим, что посуда среднеазиатского типа была найдена только в курганах данной группы.

Погребальный обряд Группы II: погребения под округлыми насыпями высотой 0,5 м и диаметром 6,5-7 м; могилы ориентированы строго на С, у погребенных пестрый половозрастной состав, черепа деформированы; могильные ямы подквадратной формы, размеры могильных ям уменьшаются, в отличие от группы I.

Керамика представлена группой бакальских и псевдокушнаренковских сосудов. Посуда находилась у головы умершего. Интересно отметить, что орнаментика посуды данной группы разнообразнее, наводит на мысль о влиянии лесных культур, в частности, карымской.

Таким образом, мы видим некоторые отличия в вещевых комплексах, погребальном обряде и посуде могильника Устюг-1. Можно предположить, что площадка могильника начала формироваться с южной части мыса

широтными рядами курганных насыпей по направлению с Востока на Запад (курганы Группы I), затем курганы насыпались в меридиональной последовательности с Севера на Юг (курганы Группы II) (рис. 10).

Хронологическая интерпретация Ипкульского могильника

Вещевого материала для реконструкции хронологии некрополя чрезвычайно мало. Также нужно учитывать, что большая часть некрополя не изучена археологическими раскопками. Тем не менее, часть его, которая была вскрыта, дает возможность датировать некоторые курганы, а также дать первоначальную трактовку логики его формирования.

Для анализа был взят инвентарь из курганов 1 (зооморфная подвеска), 3 (бусы, удила), 4 (пряжки), 5 (пряжки).

Наиболее представительный материал содержался в южной группе курганных насыпей (№ 3,4 и 5).

Погребение 3-1 можно датировать по наборам бус (рис. 14: 8-11) и кольчатым удилам (см.: рис. 14: 7).

Представляют интерес железные кольчатые удила с бронзовыми ременными зажимами на кольцах. Подобные нашим встречаются в памятниках гунно-сарматского круга, в частности, в комплексах (II Сибайский могильник, Малковский, Агаповский), приуроченных к большекараганскому этапу II — III вв. н.э.¹⁷⁷ В. Ю. Малышев считает, что распространение удил с овальными зажимами произошло во второй половине III века н.э.¹⁷⁸ Если для других категорий вещей аналогии были найдены в ближайших регионах Прикамья (пряжки, бляшки и др.), то для элементов конской узды в материалах пьяноборских, мазунинских, неволинских мы не находим. Уже в конце III века н.э. удила в обозначенных регионах значительно изменяются: кольца становятся шире, зажимы

¹⁷⁷ Боталов С.Г. Указ. соч. С. 201: рис. 46 - 25.

¹⁷⁸ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. С. 199.

массивнее, приобретают прямоугольную форму.¹⁷⁹ Такая же ситуация с удилами некрополя Устюг-1. Таким образом ипкульский вариант удила можно датировать второй половиной III в.н.э.

Бусы погребения 3-1 можно разделить на несколько разрядов: глазчатые, одноцветные и позолоченные.

Глазчатые бусы из глухого синего стекла (см.: рис. 14: 11) округлой поперечно сжатой формой размерами 6x7 украшены красными или черными глазками в белой округлой рамке. Система расположения орнамента читается только на бусах с красными глазками — по центру бусины поперек канала. Похожие бусы находим в римских материалах рубежа эр.¹⁸⁰

Наборы черных бус (см.: рис. 14: 10) самых различных форм: коротко и удлинённо цилиндрические, округлые, бочковидные удлинённые и поперечно сжатые, зонные, параллелипедальные, искривлённые гранённые бусы. Подобные типы бус находим в поздне римских материалах I — IV вв. н.э..¹⁸¹

Наборы бус из синего стекла (рис. 14: 11) разнообразных по форме: зонные, коротко-цилиндрические, бочковидные поперечно сжатые, округлые поперечно сжатые. Подобные нашим находим в выборке поздне римских бус первых веков н.э..¹⁸²

Позолоченные округлые поперечно сжатые бусы (см.: рис. 14: 8). Золоченные бусы известны в широком хронологическом диапазоне — с античности до раннего средневековья. Отмечается, что главным центром их производства были мастерские Ближнего Востока. Известно два способа изготовления таких бус: 1) с применением жидкого стекла; 2) при помощи

¹⁷⁹ Останина Т.И. Указ. соч. С. 266: рис. 20 - 6.

¹⁸⁰ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex75.htm>— 1975: табл. 15: рис. 21,22, 41.

¹⁸¹ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://pirushki.com/Alexeeva/Alex78.htm>— 1978: Тип 1, 18, 19, 54,137.

¹⁸² Там же, Тип 15, Тип 29, Тип 68.

«напаивания» позолоченной.¹⁸³ Н.П. Довгалюк отмечает, что смена производства таких бус намечается в IV веке.¹⁸⁴ О.С. Румянцева приводит сведения о развитии золоченных бус на территории Средней Оки от крупных форм к мелким в течение III — IV вв.¹⁸⁵ У нее также мы находим двухчастные золоченные бусы аналогичных размеров.¹⁸⁶

Пряжки из погребения 4-3 (см.: рис. 14: 1) однородного облика: с овальным граненым кольцом, основание которого слегка спрямлено, из дрота равномерной толщины, плоским язычком равномерной толщины, основание которого плавного переходит в петлю, овальным или круглым щитком, который крепился к ремню гвоздиком с округлой выпуклой шляпкой. А.К. Амброз считает, что «уже в III в. н.э. кольца и язычки многих округлых пряжек равномерно утолщены, иногда гранены».¹⁸⁷ Подобные пряжки встречаем в классификации В.Ю. Малышева, в частности, в группе Ша (2-я пол. III в. н.э.) таких памятников как Экажево I.¹⁸⁸ Похожие экземпляры находим в азелинских и мазунинских материалах Прикамья.¹⁸⁹

Поясная гарнитура в погребении 4-3 также представлена двусоставными наконечниками-подвесками и ременными накладками (см.: рис. 14: 3-4).

Двусоставные наконечники-подвески из бронзы, длина подвески значительно превышает длину зажима, овальная форма расширения в нижней части подвески, верхняя часть зажима округлой формы с гвоздем для крепежа, нижняя часть подпрямоугольной формы. Второй экземпляр чуть

¹⁸³ Столярова Е.К. К вопросу о технологии изготовления стеклянных золоченых бус домонгольского периода / Е.К. Столярова // КСИА. Вып. 224. 2010. С. 323—333.

¹⁸⁴ Левина Л. М., Довгалюк Н.П. Бусы джетыясарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V / Джетыясарская культура. Ч.5. М., 1995. С. 212.

¹⁸⁵ Румянцева О.С. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник. С. 257—258.

¹⁸⁶ Там же, С. 84: Тип А12. рис. 7. - 6,8.

¹⁸⁷ Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. С. 100. Рис. 2 - 2.

¹⁸⁸ Воронов К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Тб. М.: ИА РАН, 2006. С. 70: рис. 9-9.

¹⁸⁹ Геннинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. С. 98: рис., Дб.

меньше по размерам, оформление подвески аналогично первому варианту, одно отличие — зажим листовидной формы. Подобные подвески-накладки встречаем в позднесарматских древностях — Байрамгулово к.2, п. 2, Экажево I к.3.¹⁹⁰ Однако, главная особенность «ипкульских» вариантов — фигурное выполнение зажимов, что, вероятно, отражает дальнейшее развитие двухчастных наконечников-подвесок. Исходя из того, что уже в IV веке резко изменяется стиль и форма изготовления ременных гарнитур,¹⁹¹ наши варианты датируем второй половиной III века н.э. — началом IV.

Ременные накладки из кургана 4-3 (см.: рис. 14: 3) дополняют подвески-наконечники и пряжки, образуя целый набор. Форма накладок напоминает «пешку»: верхняя часть округлой формы, нижняя — треугольной, лицевая сторона по краям покатая так, что по середине образовался слегка заметный хребет, на задней части закреплен зажим небольшим гвоздиком. На некоторых экземплярах наблюдается стилизация в виде насечек по верхней части накладок. Точных аналогий нам не удалось найти. Похожие находим в Прикамье, в частности, в материалах Тарасовского могильника.¹⁹² Однако, в Тарасово накладки несколько отличаются от наших — нижняя часть накладок ромбовидной формы, верхняя и нижняя части более четко разделены, лицевая сторона плоская. Тем не менее, исходя из того, что данные накладки в погребении находились вместе с другими элементами поясного набора, которые имеют более точные аналогии, датируем их также второй половиной III века н.э. — началом IV.

В целом, погребение 4-3 можно датировать второй половиной III — началом IV в.н.э.

В погребении 5-1 были обнаружены безщитковые бронзовые пряжки (рис. 14: 2). Их форма разительно отличается от пряжек кургана 4-3: рамки

¹⁹⁰ Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. С. 225-226: рис. 6 Д4-6; рис. 7 Д1-3.

¹⁹¹ Любчанский И.Э. Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии. С. 17-21.

¹⁹² Голдина Р.Д. Тарасовский могильник. С. 342: табл. 340.

овальные с утолщенной передней частью кольца, язычок слегка прогнут по центру, его острие облегает передний конец рамки, у основания горбик. Отметим, что подобные пряжки есть в «устюжских» наборах. Подобные формы характерны для начала IV века.

В погребении 1 кургана 1 были обнаружены зооморфные подвески (см.: рис. 14: б) из бронзы в виде медведей и росомых, по стилизации и оформлению аналогичные «устюжским» вариантам (погребение 25-2). Поэтому датируем их III — IV вв. н.э.

Анализ вещей из могильников Ипкульский, Устюг-1, Козлов-мыс 2 показал, что наиболее надежную датировку дают наборы поясной гарнитуры. Отсюда, возможно выстроить линию развития данного типа инвентаря (см. рис. 16), дополнив хронологическую шкалу другими артефактами. Таким образом, была сформирована таблица взаимно встречаемости категорий вещей (см. Приложение, табл. 6). Все это позволит нам привести погребения данных некрополей к узкому хронологическому периоду.

Наиболее архаичными представляются пряжки типов П6, П14 и П15 из погребений 25-2 Устюга и 4-3 из Иркуля: овальные рамки равномерной ширины, язычок слегка прогнут, не доходит либо слегка выступает за пределы кольца, овальный щиток. Как мы уже указывали, подобные пряжки датируются второй половиной III века н.э. Дополняют данный набор подвески-наконечники погребения 4-3, удила с бронзовыми зажимами, голубые и позолоченные бусы из погребения 3-1. Усиливает надежность данной датировки сосуд позднесаргатского облика погребения 4-3.

Далее, пряжки типов П4 (У. 25-2, 28-2; К. 20, 12а), П5 (И. 5-1; У 28-2) и П7 (У. 26-1) приобретают иной облик: передняя часть рамки утолщается, сами кольца — массивнее, язычок становится длиннее, его основание приобретает уступ. Следующие вещи, ременная накладка с секировидной подвеской (У. 28-2), колачи́ковая серьга-лунница (40-2), перстень с

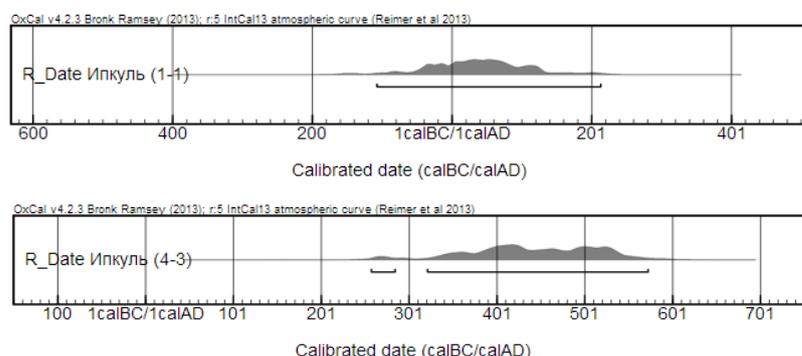
ромбическим щитком (К. 12а), коленчатая фибула (14-2), браслеты (К. 20, 12а, 39, 12) зооморфные подвески (У. 25-2; И. 1-1), дополняют набор вещей, характерных для конца III - начала IV вв. Керамика также соответствует указанному периоду, в частности, сосуды позднесаргатского и позднекашинского облика (К. 16 и 36; У. 29-3).

Следующая группа пряжек типов П8 (К. 48), П11 (К. 21), П10 (К. 70) получает дальнейшее развитие: округлые рамки с еще более расширенным передним концом, чем у ранней группы погребений, расширенные у основания плоские язычки, выходящие за пределы рамки (в частности, П10 имеет хоботковидный язычок), сегментированные щитки с двумя гвоздиками. Стоит отметить в этой группе зооморфные подвески (К. 11, 12а), которые по стилю и технике выполнения значительно отличаются от предшествующей группы. Бронзовые пинцеты (К. 70, 45, 13-3, 54). В погребениях увеличивается число карымской посуды. Все это отражает реалии IV века н.э.

Наконец, пряжки типов П9 (К. 5,7,29), П12 (К. 2,6,27,31, 51, 57,91,13-3), П13 (К. 47) обладают более широким кольцом, обладающим невыраженным утолщением, выступающим язычком, щитками подпрямоугольной формы — тенденции характерные для начала V века н.э. Подчеркивают датировку бронзовые круглопроволочные (К. 1) и свернутые из фольги гривны (К. 1, 12а, 13-3, 36, 47, 54).

Таким образом, можно говорить о поэтапном формировании некрополей Ипкульский, Устюг-1, Козлов-мыс 2. Представляется, самым ранним из них можно считать Ипкульский могильник, о чем говорит присутствие вещей некрополя в ранней группе инвентаря. Подтверждает его датировку две пробы С¹⁴ из погребений 1-1 и 4-3, с помощью которых были получены даты

СОАН-8605 1960 ± 60 , СОАН-8606 1620 ± 65 соответственно.¹⁹³ С помощью программы OxCal 4.2 мы произвели калибровку полученных дат. С вероятностью 95,4 % хронологический интервал погребения 1-1 будет 108 BC-214 AD, 92,4 % — 322-573 AD погребения 4-3.

График 1. Калибровка дат Ипкульского могильника

Представляется, следующим по хронологической ленте происходило формирование некрополя Устюг-1. Как мы уже отмечали, внутри могильника можно выделить два периода: 1) конец III — начало IV вв. н.э. Погребения группы 1 по некоторым типам вещам синхронны с ипкульскими могилами; 2) вторая половина IV века н.э. В северной группе могил некрополя некоторые вещи находили аналогии в материалах Козловского могильника. Интересно, что керамика в данной группе приобретает черты карымской посуды с соответствующей орнаментацией и морфологией — еще одно подтверждение родственности с Козлов-мыс 2.

Итак мы проанализировали хронологию погребальных памятников лесостепи и подтаежной зоны Западной Сибири. В ходе исследования выявились, что памятники формировались поэтапно в период второй половины III — начала V вв. н.э. Из этого фиксируется постепенное уменьшение курганных насыпей, погребений подквадратной формы бакальской культуры, и наоборот, увеличение присутствия грунтовых захоронений овальной формы, кремации, керамики карымского облика.

¹⁹³ Чикункова И.Ю. Отчет о раскопках Ипкульского курганного могильника в Нижнетавдинском районе Тюменской области в 2010 и 2011 гг. // Архив ИПОС СО РАН, № 7/14. Тюмень, 2012. С. 62.

Данные свидетельства позволяют сравнить данные погребальные памятники с синхронными некрополями Приуралья с целью предположить возможные контакты бахмутинско-турбаслинских, неволинских, и кушнареновско-караякуповских групп с сибирскими насельниками.

2.2. Уровень сходства некрополей IV-VII вв.н.э. Урало-Сибирского региона

Идея об участии в культурогенезе населения Приуралья мигрантов из Западной Сибири в переходный период от раннего железного века к средневековью (IV-VII вв.н.э.) не получала веского обоснования, в виду недостатка в Зауралье датированных массовых источников, в том числе некрополей. Вместе с этим появляются исследования с применением формализованных методов, оценивающие возможность переселения сибирского населения в Приуралье. Так, Ф.А. Сунгатов опровергает связь саргатских некрополей с турбаслинскими результатами статистических расчетов ($C_3=0,60$), а отдельные схожие признаки объясняет участием тех и других в гуннской экспансии.¹⁹⁴ А.С. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова, используя формально-статистический метод при сравнении неволинских и гороховских погребений, получили низкие показатели сходства (0,44) и отрицательный ответ на вопрос о связи приуральского и сибирского населения.¹⁹⁵ В.А. Иванов, сравнивая кушнарниковские и караякуповские древности с потчевашскими и молчановскими, установил их тесную связь ($C_3=0,90$).¹⁹⁶ Д.В. Шмуратко с помощью кластерного анализа не обнаружил сходства приуральских некрополей и Козловского могильника, отмечая его близость с позднесарматскими древностями.¹⁹⁷ Однако, новые материалы, полученные в ходе исследования ряда могильников тюменского Притоболья в период с 2009 по 2014 гг., позволяют пересмотреть позиции относительно вопроса миграции сибирского населения за Урал.

Исследование некрополей Устюг-1, и Ипкульполнило корпус источников эпохи Великого переселения народов, доведя его до 102

---

¹⁹⁴ Сунгатов Ф.А. Указ. соч. 1998. С. 98.

¹⁹⁵ Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009. С. 69-70.

¹⁹⁶ Иванов В.А. Указ. соч. 1999. С. 66.

¹⁹⁷ Шмуратко Д.В. Указ. соч. 2014. С. 71.

погребений бакальского и карымского населения северной лесостепи и подтаежной части Зауралья.¹⁹⁸

Для суммарной характеристики могил мы составили базу данных (см. табл. 1, 2), учитывая минимальный порог представительности признаков (при вероятности в 0,95 равен не менее 3%).¹⁹⁹ Для решения вопроса об участии бакальского населения в культурогенезе неволинского, бахмутинско-турбаслинского, кушнареновско-караякуповского был проведен сравнительный анализ погребальных комплексов обозначенных культур. Для этого был подсчитан коэффициент сходства (C_3) (см. табл. 2) с использованием уже опубликованных ранее данных по приуральским некрополям,²⁰⁰ а также применен метод кластерного анализа в пакете программы Statistica 10. Отметим, что для сравнения с кушнареновскими и караякуповскими комплексами был использован список признаков В.А. Иванова.²⁰¹

Приводим суммарную характеристику погребального обряда раннесредневекового населения Нижнего Притоболья (рис. 7-8). Большинство погребений совершены под курганом (62 %), однако на Козловском могильнике большая представительность грунтовых захоронений (42%); преобладают одиночные захоронения (88%), редко несколько погребений под насыпью (11%), еще реже они парные (7%); овальная (50%) и подпрямоугольная (26%) форма могил; ориентировка

¹⁹⁸ Чикунова И.Ю. Новые данные о погребальном обряде населения южнотаежного Притоболья в раннем средневековье (по материалам Ипкульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 1. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 220—224; Чикунова И.Ю. Этнокультурное взаимодействие в южнотаежном Притоболье в средневековье // Материалы II Междунар. конгр. средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 96—98; Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012а. 178 с. Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009-2010 годов // Ab Origine: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Тюмень: 2012б. С. 38—76.

¹⁹⁹ Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990. С. 64.

²⁰⁰ Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997. С. 207-226; Сунгатов Ф.А. Указ. соч. 1998. С. 151—153.

²⁰¹ Иванов В.А. Прослеживается ли генетическая связь между носителями кушнареновской, караякуповской и неволинской культур? // Проблемы бакальской культуры. Челябинск - Шадринск, 2008. С. 96—97.

северная (47%), чуть реже под 45% к Северу (39%); большинство ям неглубокие (75%), узкие (70%), средней длины (53%); умершие в позе вытянуто на спине (29%), руки вдоль туловища (11%); у погребенных искусственная деформация головы (31%); жертвенные комплексы у могилы в виде костей лошади и сосудов (42%); наблюдается культ огня в виде прокалов у могилы (5%) и внутри нее (6%); в могилу клали оружие (17%), бытовые вещи (23%), конскую упряжь (9%), поясную гарнитуру (25%) и бусы (19%).

Исходя из получившихся значений коэффициента сходства (табл. 3), притобольские некрополи ближе всего к турбаслинским ($C_3 = 0,82$), ранним неволинским ($C_3 = 0,65$) и кушнаренковским группам памятников ($C_3 = 0,65$), и значительно отдалены от мазунинских ($C_3 = 0,54$) и караякуповских древностей ($C_3 = 0,45$).

Результаты сравнения погребального обряда бакальского и неволинского населения (рис. 5) представляют совместные признаки у двух традиций: могилы под курганом, жертвенные комплексы в виде прокалов от кострищ, сосудов, уздечки в могиле; захоронение совершалось в простых одиночных ямах, ориентированных на север и северо-запад, погребенные в позе вытянуто на спине. При этом отмечаем важные отличия, в частности, у бакальских погребений отсутствуют ровики, камни в могиле, треть неволинских погребений ориентированы на Запад, чего в притобольских некрополях не наблюдается, присутствие костей лошади в могиле и у могилы, скорченное положение костяков – признаки, отдаляющие неволинскую культуру от бакальской. Представляется, объяснение в данном случае лежит в едином корне данных культур – саргатском, что уже приходилось отмечать ранее.²⁰² Этому не противоречит и мнение Р.Д. Голдиной, объясняющее культурогенез населения Среднего Урала в IV-V вв. включением в местную среду саргатских мигрантов, с чем связывается

²⁰² Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. С. 128.

появление в погребальном обряде Бродовского и Верх-Саинского могильников курганных насыпей, узких могил, ровиков и т.д.²⁰³

В проведенном анализе мы получили высокий коэффициент сходства $C_3=0,82$ с бахмутинско-турбаслинским типом памятников (рис. 4) лесостепного Приуралья. В пользу тесной связи бакальского и карымского с населением Южного Урала практически все признаки, представленные в табл. 1. Главные отличия только в том, что у зауральского населения нет погребений с подбоем (вероятно, из-за специфики почв в сибирской лесостепи), встречаются парные и групповые погребения. Вместе с тем находят сходство в морфологии посуда могильников. На данное обстоятельство ранее обратил внимание В.Ф. Генинг, отмечая характерную для керамики Западной Сибири полуяйцевидную форму тулова в материалах Бирского и Ново-Турбаслиновского могильников.²⁰⁴ Таким образом, считаем вывод Ф.А. Сунгатова не безосновательным в плане участия западносибирского населения в союзе гуннских племен,²⁰⁵ логичны и полученные им низкие показатели сходства саргатских и турбаслинских материалов, исходя из точки зрения, что миграция имела место позднее, в середине IV – начале V вв. уже бакальского населения. Результаты кластерного анализа Д.В. Шмуратко только подтверждают данный вывод, представляя тесную связь Козловского могильника с Ново-Турбаслинским.²⁰⁶

Коэффициент сходства $C_3=0,65$ притобольских могильников и кушнаренковских погребальных комплексов (рис. 6) показывает их связь практически по всем важнейшим признакам, представленным в таблицах В.А. Иванова.²⁰⁷ курганные и грунтовые захоронения, одиночные камеры для погребенных, простые могильные ямы, ориентированные на Север, наличие

²⁰³ Голдина Р.Д. Указ. соч. 2004. С. 268—269.

²⁰⁴ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. №, 1972. С. 278.

²⁰⁵ Сунгатов Ф.А. Указ. соч. 1998. С. 98.

²⁰⁶ Шмуратко Д.В. Указ. соч. 2014. С. 71.

²⁰⁷ Иванов В.А. Указ. соч. 1999. С. 60.

костей лошади в качестве жертвенного комплекса, «всаднические погребения» и др. В сущности, сибирские памятники обладают аналогичным набором признаков, но с некоторыми деталями: часть могил сужаются, обладают деревянным перекрытием, часть погребенных положены скорчено, в могилах уголь и следы кремации. Данные сведения, вероятно, тесно связаны с внутренними миграционными процессами в западносибирской лесостепи, когда карымское население таежной полосы Зауралья продвигается на юг в IV-V вв. н.э., заимствуя лесостепные традиции, как пример могильник Усть-Тара-7 (рис. 9),²⁰⁸ и формирует новые очаги культурогенеза в ареале потчевашской и релкинской культур в VI-VII вв., занимая широкую территорию северной лесостепи от Тобола до Ишима, Иртыша и Верхней Оби.²⁰⁹ Исходя из этого, представительные коэффициенты сходства ($C_3=0,90$) В.А. Иванова молчановской, потчевашской и кушнареноквской культур демонстрируют третий этап переселений населения Зауралья на Запад.

Сходство способа захоронений у западносибирских и приуральских групп населения также проявилось при кластерном анализе и построении иерархических связей в программе Statistica 10 (рис. 17-18). На полученных графиках видно, что наиболее тесные связи имеют бакальские, кушнареноквско-караякуповские и бахмутинско-турбаслинские комплексы, несколько отдалены от них ранние неволинские погребения. Данные результаты позволяют продолжить корреляцию в рамках изучения гончарных навыков, как одного из важнейших маркеров миграции.

---

²⁰⁸ Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья // Проблемы Бакальской культуры: матр. Семинара. Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей». 2008. С.45—60.

²⁰⁹ Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов (Саргатский район Омской области) / А. П. Зыков // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. "Культ. наследие народов Зап. Сибири" (Тобольск, 9-11 дек. 2002 г.). Тобольск, 2002. С. 47—50.

2.3. Инновации в гончарном ремесле

В раннесредневековой Урало-Сибирской археологии довольно остро стоит вопрос об уровнях взаимодействия бахмутинского, неволинского и кушнаренковского населения с бакальским, при этом часто для обоснования культурогенеза приуральских культур исследователи обращаются к сибирским керамическим аналогиям, сравнению их морфологических особенностей. На данном этапе исследования проблемы существует значительный пробел – практически отсутствуют работы аналитического плана, нацеленные на детальное сравнение характеристик гончарных изделий. При этом исследователи в целом солидарны, что орнамент для данных культурных групп является общим. Действительно, бедная орнаментальная композиция, состоящая из двух-трех элементов, выполненных в технике нарезов и вдавлений, скорее отражает историко-культурный контекст Урало-Сибирского региона в IV-VII вв. и схожий мобильный, кочевой образ жизни населения. Представляется, в данном случае как мощный этнокультурный маркер можно рассматривать технологию изготовления и морфологию посуды.

Попытки систематизации представлений о бакальском гончарстве предпринимались в рамках описательного (вторая половина XX века), формально-классификационного и историко-культурного подходов (начало XXI века). В итоге сегодня выделены морфологические группы бакальской керамики,²¹⁰ их функциональное предназначение.²¹¹ Вместе с этим детализирован компонентный состав бакальского культурогенеза, где в числе саргатской наблюдается влияние среднеазиатской традиции.²¹² Однако при относительной изученности бакальского материала, остается не раскрытым вопрос о навыках гончарного производства раннесредневекового населения

²¹⁰ Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного тоболо-ишимья: дисс. ... канд. ист. наук / Т.Н. Рафикова. Тюмень, 2010.

²¹¹ Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.

²¹² Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3. (22). С. 68—78.

Западной Сибири, что затрудняет проводить аналогии с приуральской гончарной традицией.

С целью выявления традиций в керамическом производстве бакальской культуры проведен технико-технологический анализ 22 сосудов бакальской культуры из коллекции Коловского городища. Он осуществлялся в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства.²¹³ Для более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки от каждого экземпляра были подвергнуты дополнительному нагреву в муфельной печи до 850 °С. Следует отметить, что изученный материал в силу своей фрагментированности позволил выявить лишь приспособительные навыки труда гончаров бакальской культуры (отбор исходного пластичного сырья, составление формовочных масс, обработка поверхностей сосудов и обжиг изделий).

Отбор, добыча, подготовка исходного сырья (ступени 1-3). По изученному материалу выявлено два вида исходного пластичного сырья (далее – ИПС): природные ожелезненные глины (Г) (16 сосудов) и илистые глины (ИГ) (6 сосудов). В обоих видах ИПС наблюдаются следующие естественные примеси: 1) тонкозернистый и среднезернистый прозрачный, матовый полуокатанный и окатанный песок размером от менее 0,1 до 0,5 мм, встречаются включения до 0,8 мм; 2) рыхлые железистые включения коричневого и рыжего цветов размером 0,2-0,5 мм, редко – 1,0-3,0 мм; 3) бурый железняк оолитовой формы размером 0,8-4,0 мм; 4) встречаются листочки слюды размером до 0,3 мм. В изломах сосудов, изготовленных из илистых глин²¹⁴ кроме вышеперечисленных естественных компонентов зафиксированы отпечатки от обрывков водной и околородной

²¹³ Бобринский А.А. Указ. соч. 1978,1999.

²¹⁴ Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73—83.

растительности длиной от 2,5 до 8,0 мм, а также обломки костей (размером 1,0-2,0 мм) и чешуи (размером 5,0 мм) рыб.

Различная степень запесоченности ИПС, выявленная в ходе изучения состава формовочных масс бакальских сосудов, позволяет говорить о том, что при их изготовлении использовалось слабозапесоченное, среднезапесоченное и сильнозапесоченное сырье. Слабозапесоченное ИПС (8 сосудов) содержит незначительное количество пылевидного песка (менее 0,1 мм), а также мелкий песок размером 0,1-0,3 мм (10-20 включений на 1 см²), вместе с этим встречаются единичные песчинки размером от 0,4 до 0,7 мм. Среднезапесоченное ИПС (5 сосудов) содержит песок размером от менее 0,1 до 0,1-0,3 мм в концентрации 40-70 включений на 1 см². Сильнозапесоченное ИПС (9 сосудов) характеризуется наличием пылевидной фракции и песчинками размером 0,1-0,3 мм, редко - 0,5-1,5 мм, в концентрации более 80 включений на 1 см².

Исходя из наблюдений, представляется, традиционным для бакальского гончарства был отбор запесоченных ожелезненных глин, о чем говорит превалирование данного ИПС в выборке.

Отсутствие признаков предварительного высушивания и дробления ИПС (не растворившиеся комочки глины, линзы разной цветности, следы дробления естественных примесей и др.), позволяет говорить об использовании всех выделенных видов сырья в состоянии естественной увлажненности.

Составление формовочных масс (ступень 4). Искусственные примеси, вводимые в ИПС бакальскими гончарами, представлены шамотом, органическими растворами и навозом жвачных животных.

Шамот (Ш) присутствует во всех образцах. Данная примесь, скорее всего, не подвергалась калибровке, а допускалась лишь верхняя его крупность чаще всего не превышающая 3,0 мм, при этом зачастую фиксируются включения размером до 7,0 мм. Концентрация данной

минеральной примеси в формовочной массе составляет 1:5 (9 сосудов) и 1:6 (11 сосудов), редко 1:4 (1 сосуд) и 1:7 (1 сосуд).

Органические компоненты формовочных масс сосудов представлены органическими растворами. На сегодняшний день мы можем предположить две его разновидности. Первый органический компонент формовочной массы фиксируется по присутствию в изломах удлинённых трещин размером 1-3 мм, а также маслянистыми бесцветными, черными углистыми налетами на участках изломов. Данные признаки указывают на наличие органических растворов (ОР), изготовленных на основе веществ животного или растительного происхождения.

Другой органический раствор характеризуется присутствием в изломах незначительного количества отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,3–2,0 мм, аморфных и конусовидных трещин с внешним диаметром до 2,0-2,5 мм, а также матовых или серых налетов на участках изломов. По особенностям следов, оставленных выгоревшей органикой, предполагается наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных.

Следы использования навоза жвачных животных (Н) зафиксированы по изломам лишь двух сосудов. Данная примесь характеризуется наличием отпечатков и обуглившихся остатков растительности со следами деформации (перекусывание, расщепление) размером до 2,0-2,5 мм в достаточно высокой концентрации.

Таким образом, на основании сочетания различных видов ИПС и выявленных искусственных примесей удалось выделить пять рецептов, характерных для бакальской керамики с Коловского городища: Г+Ш+Н (3 сосуда); Г+Ш+В (9 сосудов); Г+Ш+ОР (2 сосуда); Г+Ш (1 сосуд); ИГ+Ш+ОР (7 сосудов). Техничко-технологическому анализу подвергался также и шамот как основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях

гончарного производства.²¹⁵ Наблюдения показали, что раздробленные и пошедшие на шамот сосуды изготавливались из сырья различной степени запесоченности. В семи сосудах в составе шамота отмечен шамот, в двух образцах – в сочетании с отпечатками растительности. В изломах одного сосуда обнаружен шамот с тальком. Анализ состава формовочных масс шамота свидетельствует о доминировании традиции применения его в качестве искусственной примеси. Наличие единичных включений шамота, в состав которого входит тальк может указывать на контакты бакальского населения с группами, владеющими данными навыками гончарного производства.

Способы механической обработки поверхности (ступень 8) удалось определить у половины сосудов. Практически во всех случаях внешняя и внутренняя поверхности изделий обрабатывались путем заглаживания твердым предметом, возможно деревянным ножом или щепой.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) осуществлялось путем обжига высушенных изделий. Наблюдения показали, что часть сосудов имеет однородный темно-серый излом (13 сосудов). Другая часть сосудов имеет двухцветную окрашенность излома – темно-серую сердцевину и светло-коричневую прослойку мощностью от 1,0 до 2,5 мм, прилегающую к внешней или внутренней стенке сосудов (9 сосудов). Данные цветовые особенности указывают на то, что большая часть сосудов обжигалась в условиях восстановительной среды. Остальная посуда, имеющая двухцветную окрашенность излома, обжигалась в окислительно-восстановительной среде с непродолжительным воздействием температур каления глины (от 650°-700° и выше).

Таким образом, для керамического производства бакальского населения Коловского городища было характерным использование в качестве

---

²¹⁵ Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9—15.

исходного сырья ожелезненных природных глин, реже – илистых глин. В исходное сырье добавлялись шамот и органика, представленная выжимкой из навоза жвачных животных и органическими растворами навозом жвачных животных, выжимкой из него и органическими растворами. Обработка поверхности осуществлялась твердыми предметами, возможно щепой или деревянным ножом. Обжиг производился, в основном, в восстановительной и окислительно-восстановительной средах при непродолжительном воздействии температур каления. В отличие от экземпляров с ранних некрополей (Устю-1 и Козловский) исчезает традиция добавления песка и дробленой кости в состав формовочной массы, что может говорить о смене историко-культурной обстановки в V-VIII вв. н.э. в ареале бакальской культуры.²¹⁶

Анализ форм проводился нами на четырех культурных группах посуды: 1) бакальская группа (рис. 19. 1–6) с некрополей Устюг-1 и Козлов-мыс 2, датированных концом III – первой пол. V вв.;²¹⁷ 2) бахмутинские сосуды (рис. 19. 7–12) из погребений Бирского могильника, датированных V-VI вв.;²¹⁸ 3) керамика неволинской культуры (рис. 19. 13–18) с некрополей IV-VII вв. н.э. Бродовский, Верх-Саинский, Неволинский;²¹⁹ 4) кушнаренковская группа (рис. 19. 19–23) из сосудов с Бирского и Лагеревских курганов, хронологизированных в рамках VI-VIII вв. н.э..²²⁰ Учитывались сосуды горшковидной формы: по 20 шт. бакальских и бахмутинских, 18 – неволинских и кушнаренковских. Выборка составлена, исходя из качества

²¹⁶ Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3. (22). С. 68–78.

²¹⁷ Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012а. 178 с.; Матвеева Н.П. Могильник Устюг-1 по раскопкам 2009-2010 годов // Ab Origine: археолого-этнографический сборник ТюмГУ. Тюмень: 2012б. С. 38–76.

²¹⁸ Султанова А. Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: дисс. ... канд. ист. наук / А.Н. Султанова. Уфа, 2000.

²¹⁹ Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 1990; Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Ижевск: Удм. Ун-т, 1986. С. 47–98.

²²⁰ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977.

опубликованных иллюстраций посуды, при этом добивалось относительное равенство количества для каждой культурной группы.

В ходе анализа применялось несколько методик, способных сформировать представление о формах и пропорциях сосудов.

Важным маркером этапа формообразования в гончарном ремесле являются точки максимальной кривизны – указатель, отмечающий места наибольшего усилия, прилагаемого гончаром при формировании изделий, а также отражающий взгляды ремесленника на конечный продукт, в частности, расположение функциональных (емкостных) частей на теле посуды.²²¹ Х. Нордстрем разработал методику, основанную на особенности размещения максимального диаметра на линии контура сосуда. Имеется в виду отношение радиуса максимального диаметра к его высоте, на которой он находится от основания; отклонения в равенстве данных показателей интерпретируется как изменение традиции.²²² Для реализации данной методики все сосуды приводились к масштабу 10x10 см с фиксацией отношения максимального радиуса к максимальной высоте его расположения от основания.

А.А. Бобринский, глубоко понимая зависимость от традиций в гончарном ремесле, дал некоторые важные методические указания при поиске в археологических остатках следов адаптации ремесленника к новым территориальным, эпохальным и политическим условиям. В этом плане знаковой является методика поиска «сосудов-подражаний» и общей пропорциональности сосудов.²²³ Методика сформирована, исходя из наблюдений за профессиональными гончарами, в результате чего была выявлена закономерность в том, что процесс ломки навыков

²²¹ Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1987. С. 137—157; Цетлин Ю.Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. Москва, 2012. 379 с.

²²² Nordström H.A. Cultural Ecology of ceramic technology. Early Nubian Cultures NHI Image (Scion Image): National Institute of Health (Scion Corporation: Windows) V and IV millennium B.C. Stockholm, 1972. P. 72—73.

²²³ Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 53—54.

формообразования у ремесленников происходит медленно, в случае изменений их этнокультурного окружения.²²⁴ Для определения традиционных и новых форм у гончаров раннесредневекового населения Урало-Сибирского региона мы провели ряд действий.

Изображения посуды из публикаций были обведены и приведены к единому масштабу, далее фигуры были разбиты на простые геометрические формы для удобства подсчета площади (S) их плоскостного изображения и объема (V). Для поиска форм подражаний сосуда были приведены к масштабу 20x20 см. Затем высчитывалось отношение $S/V*10$, определяющее категорию пропорциональности: высокие, высокие-средние, средние, средние-низкие и низкие.

Для сравнения полученных данных в ходе анализа кривизны контуров сосудов и их пропорциональности мы сформировали точечные графики (рис. 20–21), а также провели факторный анализ в пакете программы Statistica 10 для каждого из показателей, тем самым выявив возможные взаимосвязи между значениями измерений исследуемых групп (рис. 22–23).

По результатам анализа кривизны сосудов по методике Х. Нордстрема и построенному графику (рис. 20), видим, что отчетливо выделяются четыре куста сосудов. Неволинские горшки приземистые с расширенным туловом, при этом емкостные части (тулово, придонная часть и дно) занимают менее 50% от общей высоты; средний индекс кривизны – 1,4, демонстрирующий несформированность традиции. Бахмутинские сосуды сконцентрированы более кучно, радиус наибольшей кривизны в целом не превышает высоту ее расположения, емкостные части занимают 50% от высоты сосуда, средний индекс кривизны – 1,0. Кушнарниковская посуда наиболее удалена от перечисленных выше групп: емкостные части занимают 40–45 % высоты сосуда, при этом радиус не превышает показатель высоты его расположения, данную зависимость наблюдаем при вычислении индекса – 1,0. Емкостные

---

²²⁴ Цетлин Ю.Б. Указ. соч. 2012. С. 161—162.

части бакальской выборки располагаются выше, чем у приуральских экземпляров, занимают 50-60% высоты сосуда, но при этом радиус кривизны пропорционален высоте. Результаты факторного анализа показывают более тесную связь именно бахмутинской и бакальской посуды, наиболее отдалены от них неволинская и кушнаренковская группы, которые в свою очередь являют собой самостоятельные единицы. Таким образом, мы видим, что некоторые сосуды выходят из обозначенных ареалов и средних показателей индекса, предполагая возможную интеграцию инноваций в традиционное гончарство населения раннего средневековья на этапах их культурогенеза.

Результаты изучения общей пропорциональности сосудов по методике А.А. Бобринского демонстрируют следующую картину (табл. 4). Наиболее сформированными очертаниями обладают бахмутинские экземпляры с индексами средних пропорций 0,6–0,8 (рис. 21), и лишь пять сосудов вышли за границы данного интервала. Бакальская посуда больше тяготеет к средним пропорциям, по примеру бахмутинских, на что указывает факторный анализ измерений. Основная часть неволинской посуды обладает формами низких-средних пропорций, большая доля которых из Неволинского могильника, сосуды из других некрополей рассеялись равнозначно (табл. 4). Снова выделяются из общего фона кушнаренковские экземпляры, индекс пропорциональности которых составил 0,7–1,1: девять сосудов средних-высоких пропорций, семь сосудов средних пропорций и два сосуда высоких пропорций.

Вкупе с результатами технико-технологического анализа посуды с памятников бакальской, бахмутинско-турбаслинской, неволинской и кушнаренковской культур приходим к следующим выводам. В зауральской выборке сосуды средних пропорций из погребений некрополя Устюг-1 второй половины III – начала IV вв. – это привычные очертания формы, видимо, сохранившиеся с саргатского периода. Они изменяются и доходят в виде сосудов низких-средних пропорций (подражаний) к периоду

функционирования Козловского некрополя конца IV – начала V вв. Данная смена представлений о морфологии у бакальских гончаров обусловлена динамичными контактами западносибирского населения в эпоху великого переселения народов. Средние пропорции бакальской и бахмутинско-турбаслинской керамики могут свидетельствовать в пользу мнения о едином историко-культурном поле данных культурных единиц, имевших общий субстрат на заре их формирования, в частности, в раннем железном веке. Об этом свидетельствует схожие индексы пропорциональности сосудов и кривизна форм, а также рецептура формовочных масс ИПС+шамот+органика. Низкие-средние пропорции мы обнаружили также в неволинской выборке. Вероятно, в конце IV – начале V вв. существовала тесная связь сылвенских и притобольских групп, проявившаяся в переходных формах посуды. Поэтому стоит согласиться с мнением Р.Д. Голдиной о проникновении на Средний Урал во второй половине IV в. н.э. небольших групп зауральских мигрантов, растворившихся к VII веку в среде местного населения. В пользу данной гипотезы традиция добавления раковины в ФМ у подтаежных групп Приуралья, к которой, вероятнее всего, вынуждено приспособились зауральские мигранты. Сочетание высоких, высоких-средних, средних пропорций в формах у кушнаренковских гончаров указывает на поликультурный состав населения и влияние разноэтничных групп на этапах его формирования. Поэтому возможны два варианта развития форм. Во-первых, под влиянием лесостепных культур: тому подтверждение средние пропорции сосудов, характерные для бакальской и бахмутинской выборки. Во-вторых, выявленные подражания сосудам с высокими пропорциями позволяют искать аналогии в среде степного населения, например, экземпляры новинковского типа.²²⁵ Также данному тезису не противоречат другие гончарные навыки кушнаренковцев, в

---

²²⁵ Матвеева Г. И., Богачёв А. В. Памятники раннеболгарского времени // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000: : табл. 15.

частности, отбор сырья и составление формовочной массы, которые находят определенное сходство в среде приуральских и сибирских гончаров.

ГЛАВА 3. РЕКОНСТРУКЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УРАЛО-СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ В IV-VII ВВ. Н.Э.

3.1. Признаки и факторы миграций в раннесредневековых комплексах Приуралья и Западной Сибири

Сравнение навыков гончарства и традиции погребального обряда показало преимущественное их сходство у населения Западной Сибири и Приуралья. Цементирует культурные связи хронологический контекст начала IV-VII вв. н.э., в котором формировались бакальская, карымская, бахмутинско-турбаслинская, неволинская и кушнаренковская культуры. Территориальная удаленность их памятников, особенности культуросогенеза в предыдущие эпохи, позволяет связывать данное сходство с миграционными процессами в Урало-Сибирском регионе.

Все использованные в работе памятники, Козловский, Ипкульский, Устюг-1, Бирский, Бродовский и др. можно охарактеризовать как смешанные. В частности, на Козловском могильнике значительна выборка карымской посуды, наряду с подкурганскими захоронениями большое количество грунтовых погребений, обнаружены следы культа огня. Как и Козлов-Мыс 2 Ипкульский могильник изобилует лесной керамикой и характерным для карымской посуды орнаментом и морфологией сосудов. Могильник Устюг 1 показывает процесс смешения лесостепного населения бакальской культуры со степными кочевниками, что прослеживается в выборке среднеазиатской посуды. На поселенческих памятниках Коловское и Большое бакальское городище обнаружена посуда кушнаренковского облика, также на Усть-Утякском есть керамика среднеазиатского типа.²²⁶ Бирский могильник формировался поэтапно: V-VI вв. – бахмутинскими группами, VI-VII вв. н.э. кушнаренковскими, что прослежено по смене подпрямоугольных могил с подбоем узкими неглубокими погребениями с характерной

²²⁶ Матвеева Н.П. Коловское городище / Н.П. Матвеева, С.В. Берлина, Т.Н. Рафикова. Новосибирск: Наука, 2008.

протомадьярской фигурно-штамповой керамикой. Присутствие на Бродовском могильнике курганной и грунтовой традиции захоронений, приземистых и раздутых горшков с низкими и средними шейками также указывает на включение мигрантных групп в культурогенез неволинской культуры.

Отмечаем также, что на формирование могильников оказали влияние представители степных кочевых культур. Об этом говорят такие признаки погребального обряда как традиция массовой деформации черепов, меридиональная ориентировка погребенных, захоронение частей или целого трупа лошади.

При анализе вещевых комплексов и поиске им аналогий было выделено два центра возможного импорта: Приуральская лесостепь и степное пространство Приуралья и Средней Азии. Наблюдаем ситуацию, когда на Ипкульском и Устюге-1 могильнике возрастает число вещей характерных для позднесарматского мира. Можно предположить, что данные изменения связаны с активизацией в степи тюркских номадов, обусловившей формирование тесной контактной зоны в лесостепи Урало-Сибирского региона между бахмутинско-турбаслинскими, кушнаренковскими, неволинскими и бакальскими группами населения, что также подтверждается распространением в их керамическом производстве рецепта глина+шамот+органика,²²⁷ схожих форм и орнаментальных мотивов в посуде.

Исходя из наблюдений за сходством культурных комплексов населения северной лесостепи, подтаежной зоны Западной Сибири и Приуралья, можно говорить минимум о трех миграционных волнах с Востока на Запад в эпоху Великого переселения народов. В конце III-начале IV вв. носители

---

²²⁷ Фазрахманова А.К. Приспособительные гончарные традиции населения, оставившего Бирский могильник // Материалы IV Башкирской археологической конференции. Сибай, 2011. С. 116—118; Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XII вв. Екатеринбург, 1993. С. 44—46.

саргатской культуры проникают на территорию Среднего Урала и участвуют в формировании неволинской культуры, в середине IV-V вв. н.э. генетически связанное саргатской культурой бакальское население участвует совместно с бахмутинско-турбаслинским в союзе гуннских племен, в VI-VII веках носители карымской культуры, заимствуя традиции лесостепного бакальского населения, включается в культурогенез кушнаренковской культуры.

Далее, мы попробуем реконструировать механизм миграционных процессов в Урало-Сибирском регионе, предположим участников переселений.

Миграции мы рассматриваем через анализ трех тесно связанных между собой факторов (экологический, экономический и политический), что, по нашему мнению, наиболее полно отражает столь сложный процесс.

Экологический фактор

Лесостепная зона Урало-Сибирского региона охватывает территорию от ветки рр. Исети и Пышмы до р. Белая далее на юг до степной зоны. Подтаежная зона расположена от севера лесостепи в бассейнах рр.Тобол и Сылвы..²²⁸

В переходный период от РЖВ к Средневековью на данной территории наблюдается понижение температур и увеличение влажности,²²⁹ как и на всем Евразийском континенте. Представляется, население лесостепной полосы Урало-Сибирского региона важное место уделяло кочевому скотоводству в виду увеличения степных зон,²³⁰ при этом «буфер» хозяйства

²²⁸ Рафикова Т.Н. Чикунова И.Ю. Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 81—90.

²²⁹ Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Семочкина Т.Г. Изменение палеогеографических условий Тоболо-Ишимья в среднем и позднем голоцене как основа для реконструкции среды обитания древнего человека // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 94.

²³⁰ Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск, 2005. С. 7—12.

составляло рыболовство, связанное с развитой системой рек, и охота на лося и оленя известное аборигенам Сибири со времен неолита и до нашего времени.²³¹ В подтаежной части усиливается роль присваивающего хозяйства в виду традиционной залесенности и заболоченности района.

Например, последние исследования поселенческих памятников бакальской культуры говорят в пользу того, что ее носители занимались кочевым скотоводством, это характеризуется тем, что поселения в основном малочисленные, коротковременные, могли формироваться на заброшенных памятниках предыдущих культур (например, Коловское), постройки на них наземные, легкие. Также подтверждает данный тезис зоологическая коллекция указанных памятников, и преобладание в ней доли лошади и крупного рогатого скота. В том числе, инвентарь бакальских памятников свидетельствует о знании раннесредневековым населением охоты (костянные наконечники стрел) и рыболовства (грузила, крючки). Исследования нагаров посуды из коллекций бакальских памятников дают сведения о питании, оставивших их людей, ухой, мясной похлебкой, молоком, кашей и др., что снова подтверждает тезис о многоукладном хозяйстве раннесредневекового населения.²³²

Следовательно, экология региона в раннее средневековье позволяло вести многоукладное хозяйство, в связи с чем, в условиях природно-климатического кризиса на крайних широтах подобные комфортные зоны привлекали кочевое население независимо от их хозяйственного уклада.

Экономический фактор

---

²³¹ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. С. 59.

²³² Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Рафикова Т.Н. Изучение диеты средневековых насельников Зауралья // Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф. Тюмень, 2007а. Вып. 3. С. 111—116.

Очаговая экономика таежного населения и степного, кочевого населения экстенсивна и зависит от природно-климатических и ландшафтных условий регионов проживания.

Для таежных районов характерно комплексное рыболовецко-охотничье хозяйство.²³³ Причем, приоритетным выглядит рыболовство, так как в данном регионе есть возможность круглогодично иметь стабильный лов.²³⁴ Для представителей данного хозяйственного облика характерно меридиональное передвижение по развитой системе рек, вытоптаным тропам животных, с помощью собачьей и оленьей упряжи. Полагаем, что такой хозяйственный уклад существовал и в раннем средневековье, был традиционным для носителей нижнеобской культуры (карымский этап, IV — нач. VI вв.), оставивших следы своего пребывания в памятниках лесостепи Притоболье²³⁵ и Северного Прикамья (Чирва II, Лисья Курья).²³⁶

Для кочевого скотоводства благоприятны территории степной зоны, полупустыни, горно-альпийской луговой подзоне.²³⁷ Для кочевников в кризисные ситуации, связанные с уменьшением растительности в степях, подножного корма, необходимой мерой стабильного хозяйства было расширение пастбищных зон.²³⁸ Часто это могло приводить к военным столкновениям среди кочевых племен, как следствие, происходило оттеснение слабого племени. Подобная ситуация наблюдается на территории Средней Азии во II-III в. н.э., когда хуннов вытесняют гунны. Для представителей данного хозяйственного уклада характерно широтное передвижение, в связи с чем увеличивается роль лошади и ее культ в обрядах захоронения. Важно обратить внимание на древности

²³³ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. С.82.

²³⁴ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 37—52.

²³⁵ Борзунов В.А. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики/В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, 2012. .Вып. 10. С.155—216.

²³⁶ Борзунов В.А. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики/В. А. Борзунов, Ю. П. Чемякин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, 2012. .Вып. 10. С.155—216.

²³⁷ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. С. 34.

²³⁸ Там же. С. 41—42.

джетыасарской культуры (третий этап, II — IV в. н.э.), позднесарматской культуры и раннегосударственных образований тюрок.²³⁹

Таким образом, экономический фактор связан с демографическим взрывом, при котором происходит отток части населения в виду уменьшения ресурсов для поддержания необходимого уровня их системы жизнеобеспечения. В данном случае, характерными являются субкультурные или частичные миграции населения.²⁴⁰

Политический фактор

Как внешний фактор миграции характеризуется инфильтрацией носителей чуждых культур, увеличением гетерогенных памятников с признаками пришлых культур, военными столкновениями (увеличение числа вооружения, следы насилия), увеличением оборонительных укреплений на поселенческих памятниках. Особенно ярко данные сюжеты представлены в Приуралье. Несмотря на отдаленность данной территории от степной зоны, где совершались основные события великого переселения народов и тюркской экспансии, она в виду связи с одной из главных водных артерий Евразии – Волгой – оказалась вовлеченной в процессы переселений. Сегодня нам известно несколько миграционных волн германско-славянских групп населения, представленных материалами азеленского, тураевского и именьковского типов. Могильники Азеленский, Суворовский, Худяковский, Тураевский иллюстрируют вариант проникновения хорошо вооруженных воинских групп, ассоциируемых с готами, вероятно, с целью защиты границ своих владений от варварских набегов. Однако сведений о последствиях данной инфильтрации в среду аборигенного населения не обнаружено.²⁴¹ Наоборот носители именьковской культуры славянского происхождения, преемников черняховской культуры, массово переселившись на территорию

---

²³⁹ Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века. С. 33—38.

²⁴⁰ Клейн Л.С. Миграции: археологические признаки. С. 67.

²⁴¹ Генинг В.Ф. Азелинская культура. Ижевск, 1963.

лесостепного и подтаежного Волго-Камья, искали место для ведения хозяйства, расширения пастбищных и пахотных угодий, вместе с этим потеснили местное гляденовское население в подтаежную зону Прикамья.²⁴²

В Западной Сибири политическая ситуация менее активна. После гуннских переселений и завоеваний, саргатские племена уходят с авансены сибирской истории, лесостепь данного региона запустевает.²⁴³ Часть постсаргатского общества переселяется на север, вступая во взаимодействие с местными кашинскими племенами.²⁴⁴ Только к концу IV- началу V века начинается активное заселение Притоболья, связанное с формированием бакальского населения. Стоит обратить внимание на мнение Ж.-Н. Бирабена об окончании к V веку первого общемирового демографического взрыва.²⁴⁵ Труднее описать события VI-VII вв., так как данный временной отрезок не представлен достаточным количеством археологических памятников. Однако можно не ошибиться, предположив, что тюркская экспансия дошла до низовьев Тобола и Иртыша. Об этом свидетельствуют памятники Усть-Суерка, Перийминский 1, Усть-Тара-7, Викуловское кладбище при исследовании которых обнаружены вещи, приближенные к «тюркской» моде (рис. 9). Восточные соседи бакальцев – носители потчевашской,²⁴⁶ релкинской²⁴⁷ и одинцовской²⁴⁸ культур, проживавшие на Иртыше и Верхнем Приобье, уже в начале VI века испытывают мощное воздействие тюрков, впитывая их традиции и обычаи, например, искусственной

²⁴² Голдина Р.Д. Указ. соч. С. 252-269.

²⁴³ Корякова Л.Н., Морозов В.М. К вопросу об особенностях переходного периода от раннего железного века к средневековью // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 89-91.

²⁴⁴ Овчинникова Б.Б. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. С. 141-152.

²⁴⁵ Крадин Н.Н. Политическая антропология. 2002. С. 252.

²⁴⁶ Елагин В. С. Бараба в начале I тысячелетия н.э. / В. С. Елагин, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 125 с.

²⁴⁷ Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. 179 с.

²⁴⁸ Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье / Т. Н. Троицкая // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С.101-120.

деформации голов, меридиональной ориентировки погребенных, захоронение части или целой туши лошади и др.

Данная политическая обстановка не могла не сказаться на формировании миграционных путей и их характер у раннесредневекового населения Урало-Сибирского региона.

3.2. Пути миграций

Теперь попытаемся определить вид и характер миграции таежного и степного населения Урало-Сибирского региона.

Новые исследования в Притоболье памятников бакальской АК говорят об увеличении подвижности населения, вероятно, происходит переход от оседлого скотоводства к подвижному в переходный период под влиянием природно-климатических факторов, разложения саргатского общества и миграции южных кочевников.²⁴⁹ После ее распада образуется ряд этнокультурных общностей Приуралья (неволинская, бахмутинско-турбаслинское)²⁵⁰ и Зауралья (бакальская, подчевашская),²⁵¹ имеющие саргатские корни. Можно предположить, что отдельные части саргатского населения в IV веке начинают расселяться по широтной полосе из Притоболья на Западе дойдя до Кунгурской лесостепи, а на Востоке — до южного Прииртышья. Возможно, происходит частичная миграция постсаргатского-бакальского населения. Например, Р.Д. Голдина связывает присутствие восточных мигрантов с появлением традиции курганных захоронений (Курганная часть Варнинского могильника полумской АК, группа памятников неволинской АК, харинско-ломоватовская группа некрополей (Бродовский, Бурковский и др.)),²⁵² также отмечается, что социальной основой миграции кочевников были мужчины-войны, этот тезис

²⁴⁹ Матвеева Н.П. Саргатская культура Среднего Притоболья. Новосибирск, 1993. С. 119.

²⁵⁰ Голдина Р.Д. Древняя и Средневековая история Удмуртского народа. Ижевск, 2004. С. 268—269; Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате полумской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в Раннем Средневековье. Ижевск, 1999. С. 6—42.

²⁵¹ Могильников В.А. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 182—183;

²⁵² Голдина Р.Д. Древняя и Средневековая история Удмуртского народа. С. 254.

подтверждается анализом антропологической коллекции Бродовского могильника.²⁵³ В этой связи, интересно отметить, что на синхронном Прикамском памятнике Устюг-1 содержит в основном захоронения женщин с детьми. Также серьезного воздействия бакальских групп на культурогенез неволинцев не показал морфологический и технико-технологический анализ посуды. Вероятно, наиболее сильный миграционный импульс лесостепных кочевников Западной Сибири произошел позднее, в V-VI вв. н.э. в ареал бахмутинско-турбаслинских насельников Южного Приуралья. Данную миграционную волну можно определить как массовую. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, в комплексах маркирующих миграции, гончарстве и погребальном обряде приуральские и западносибирские группы демонстрируют наибольшее сходство, сохраняя при этом отдельные особенности. Во-вторых, равные экологические условия двух ареалов, способствовавшие развитию тесных торговых контактов и брачных отношений.

Характер миграции азиатских кочевников частичный, в лесостепь Притоболья могли проникать только небольшие военные группировки, в виду традиционной залесенности региона. Вероятно, в виду опустынивания степей в период III-IV вв. н.э. активизировались походы мигрантов из Волго-Уральского региона в лесостепные зоны, в частности представителей гунно-сарматского мира.²⁵⁴ В. Ю. Малышев и М.Г. Мошкова среди факторов миграции позднесарматского населения связывают военные столкновения с аланскими племенами.²⁵⁵ Возможно, с этим можно связать значительное количество вещей из Ипкульского и Устюг-1 могильника, аналогии которым мы нашли в сарматских памятниках. Интересно, что некоторые признаки погребального обряда (СЗ ориентировка), а также традиция прижизненной

---

²⁵³ Там же, С. 268

²⁵⁴ Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. С. 169.

²⁵⁵ Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Становление позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Вып. III. Волгоград, 2010. С. 52.

деформации головы, похожие формы сосудов находят свое отражение и в позднесарматских могильниках.²⁵⁶ Интересно, что еще К.В. Сальников характеризовал бакальскую культуру как позднесарматскую.²⁵⁷

Первые следы северных групп населения нижнеобского (карымский этап) можно наблюдать в подтаежной зоне Притоболья, на берегу Андреевского озера, где расположен Козловский могильник. По особенностям погребального обряда, особому месту культа огня в погребальной традиции,²⁵⁸ сходству керамического материала (присутствие в выборке карымских сосудов с особенной для них орнаментацией фигурным штампом, увеличение в бакальской керамике доли мисок, появление воротничков и карнизиков на венчиках и проч.)²⁵⁹ можно говорить о пребывании на данной территории северных групп населения. Вероятно, в V-VI вв. таежное население с частью местного уходит на Восток, на территорию Омского Прииртышья, где участвует в формировании местных культур, в частности, потчевашской. Об этом говорят материалы раннесредневекового могильника Усть-Тара-VII, расположенного в зоне южнотаежного Приишимья.

Однако, передвижение карымского населения в иную природно-климатическую зону предрешило их взаимодействие с кочевыми народами, вследствие, происходит увеличение роли лошади в стаде, религиозном культе, что подтверждается на материалах погребальных комплексов (Ипкульский, Козловский, Усть-тара VII мог-ки). Эту традицию они могли привнести в Прииртышье и Приишимье о чем свидетельствуют могильники Окунево III, Айткулово II, в которых признаки обряда захоронения схожи с лесостепными памятниками Притоболья: СЗ ориентировка, положение погребенных на спине, вытянуто головой на СЗ, погребальная пища в виде

²⁵⁶ Там же, С. 48—49.

²⁵⁷ Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // СА. XXV. 1956. С. 189—214.

²⁵⁸ Матвеева Н.П. Козловский могильник. С. 63—64, 103.

²⁵⁹ Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3. (22). С. 68—78.

остатков лошади, в инвентаре присутствуют остатки конской упряжи и т.д.²⁶⁰ Также эти памятники содержат карымские признаки, в частности, посуда, ее орнаментация и морфология сходна с керамикой из очаговых памятников.²⁶¹

Как представляется, характер передвижения таежного населения был спорадическим. Постепенно на соседнюю территорию, в подтаежную и лесостепную, проникали субкультурные группы населения (ремесленники, торговцы), о чем говорят находки бронзолитейного производства (подвески в виде медведя на памятниках Козловский, Устюг) в памятниках бахмутинского и неволинского круга. О данном характере передвижения за Урал карымцев свидетельствуют обнаруженные фрагменты фигурно-штамповой керамики на поселенческих комплексах подтаежного и лесостепного Приуралья. Не противоречит этому мнению А.М. Белавина о том, что в большинстве случаев «керамика зауральско-сибирских типов маркирует, прежде всего, брачные связи жителей Прикамья...»,²⁶² т. е. кратковременные непосредственные контакты между инообщинными группами населения. Это подтверждается немногочисленными находками керамики нижнеобского типа на Приуральской территории.

Как мы видим, в лесостепи Притоболья в раннем средневековье активизируется подвижность населения под воздействием экологических, экономических и политических факторов.

Можно выделить виды миграций характерные для данного периода и региона: 1) массовое переселение народа (на примере населения гунносарматского мира, раннебакальского населения); 2) переселение народа в соседнюю местность (пример карымской и бакальской культур); 3) военные набеги («среднеазиатские кочевники»). Это иллюстрирует сложные

---

²⁶⁰ Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Наука, 2007. С. 53—80.

²⁶¹ Борзунов В.А. Указ. соч. С. 39.

²⁶² Белавин А.М. Взаимодействие населения Западной Сибири и Предуралья в эпоху средневековья // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 48.

миграционные процессы, протекавшие на территории лесостепи и подтаежной зоны Урало-Сибирского региона в раннесредневековое время, изменившие образ жизни местного и пришлого населения. Мы видим, как переселение народов серьезным образом повлияло на сложение этнокультурной карты региона и традиционного хозяйства местного населения, на историческую судьбу средневековых обществ (см.: рис. 24).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках исследования мы охарактеризовали миграции раннесредневекового населения Урало-Сибирского региона.

Итак, мы установили, что в археологии Приуралья и Западной Сибири исследователями выделяются два комплекса инноваций в гончарстве и погребальном обряде раннесредневекового населения.

Распространение традиции раздутых среднегорлых и высокогорлых сосудов с округлым дном в Приуралье в IV-V вв. н.э. в бахмутинских, харинских, турбаслинских, кушнаренковских и неволинских материалах и ее угасание к VII-VIII вв. говорит о возможности миграционного импульса из лесостепи Западной Сибири. Нехарактерная для лесостепного и подтаежного населения Приуралья курганная обрядность, захоронения в широких и глубоких могилах, искусственная деформация голов и наборы вещей «гуннского» круга – новые и существовавшие непродолжительное время традиции, которые были заимствованы местным населением у мигрантов. При этом с переселенцами связывают население бакальской культуры. Однако твердых аналогий и сравнений на сегодня не было проведено в связи с отсутствием продолжительное время раннесредневековых материалов в Западной Сибири. Последние исследования Устюг-1, Ипкульского и Козловского некрополей дали возможность получить необходимые для решения «миграционной» проблемы аргументы.

В ходе изучения хронологии могильников Ипкульский, Козловский, Устюг-1 обнаружено, что данные памятники формировались поэтапно в период второй половины III — начала V вв. н.э. Установленный хронологический контекст позволил сравнить данные некрополи с синхронными культурными традициями Приуралья, в частности, неволинскими, бахмутинско-турбаслинскими и кушнаренковскими. Сравнение морфологии сосудов данных культур, вкупе с технико-технологическим анализом образцов бакальской керамики позволило прийти

к следующим выводам. Средние пропорции бакальской и бахмутинско-турбаслинской керамики могут свидетельствовать в пользу мнения о едином историко-культурном поле данных культурных единиц, имевших общий субстрат на заре их формирования. Об этом свидетельствует схожие индексы пропорциональности сосудов и кривизна форм, а также рецептура формовочных масс ИПС+шамот+органика. Низкие-средние пропорции мы обнаружили также в неволинской выборке. Вероятно, в конце IV – начале V вв. существовала тесная связь неволинских и притобольских групп, проявившаяся в переходных формах посуды. Поэтому стоит согласиться с мнением Р.Д. Голдиной о проникновении на Средний Урал во второй половине IV в. н.э. небольших групп зауральских мигрантов, растворившихся к VII веку в среде местного населения. В пользу данной гипотезы - традиция добавления раковины в ФМ у подтаежных групп Приуралья, к которой, вероятнее всего, вынуждено приспособились зауральские мигранты. Сочетание высоких, высоких-средних, средних пропорций в формах у кушнаренковских гончаров указывает на поликультурный состав населения и влияние разноэтничных групп на этапах его формирования. Поэтому возможны два варианта развития форм. Во-первых, под влиянием лесостепных культур: тому подтверждение средние пропорции сосудов, характерные для бакальской и бахмутинской выборки. Во-вторых, выявленные подражания сосудам с высокими пропорциями позволяют искать аналогии в среде степного населения, например, экземпляры новинковского типа. Также данному тезису не противоречат другие гончарные навыки кушнаренковцев, в частности, отбор сырья и составление формовочной массы, которые находят определенное сходство в среде приуральских и сибирских гончаров.

Исходя из наблюдений за сходством культурных комплексов населения северной лесостепи, подтаежной зоны Западной Сибири и Приуралья, можно говорить минимум о трех миграционных волнах с Востока на Запад через

Уральские горы в эпоху раннего средневековья. В конце III-начале IV вв. носители саргатской культуры проникают на территорию Среднего Урала и участвуют в формировании неволинской культуры, в середине IV-V вв. н.э. генетически связанное саргатской культурой бакальское население участвует совместно с бахмутинско-турбаслинским в союзе гуннских племен и образует тесные торговые и брачные связи, в VI-VII веках носители карымской культуры, заимствуя традиции лесостепного бакальского населения, включается в культурогенез кушнаренковской культуры. При этом выделяются виды миграций характерные для данного периода и региона: 1) массовое переселение народа (на примере населения гунносарматского мира, раннебакальского населения); 2) переселение народа в схожую экологическую зону (пример карымской и бакальской культур); 3) военные набеги («среднеазиатские кочевники»). Причины данных переселений: 1) установление брачных контактов; 2) желание участвовать в более активных торговых отношениях; 3) ухудшение экологической ситуации на очаговой территории; 4) экспансия более сильных кочевнических групп. Это иллюстрирует сложные миграционные процессы, протекавшие на территории лесостепи и подтаежной зоны Урало-Сибирского региона в раннесредневековое время, изменившие образ жизни местного и пришлого населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Апробация

1. Зеленков А.С. Тюркизация и историческая судьба населения бакальской АК // Тезисы докладов с XLV Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых. Ижевск, 2013.
2. Зеленков А.С. Формирование населения лесостепи Притоболья по материалам некрополя периода Раннего Средневековья Устюг-1 // Материалы 51-й международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2013.
3. Зеленков А.С. Миграции населения Притоболья в Раннем Средневековье // Тезисы докладов XLVI Урало-Поволжской археологической конференции студентов и молодых ученых. – Ульяновск, 2014. С. 207—210.
4. Зеленков А.С. Итоги и проблемы изучения миграций раннесредневекового населения лесостепи Западной Сибири // Материалы 52-й международной студенческой научной конференции МНСК-2014. - Новосибирск, 2014. С. 97—98.
5. Зеленков А.С. Могильный комплекс Устюг-1 как археологический источник // Региональный конкурс студенческих научных работ — 2013 (16 сентября — 26 ноября 2013 г.): сборник рефератов работ дипломантов конкурса. Тюмень: РИЦ ТГАКИиСТ, 2014. С. 57—64.
6. Зеленков А.С. Хронологическая интерпретация могильников переходного времени от Раннего железного века к Раннему Средневековью в Зауралье, *Ab Origine*: археолого-этнографический сборник ТюмГУ, Тюмень, 2014, С. 5 – 26 (в соавторстве с Н.П. Матвеевой, И.Ю. Чикуновой)
7. Зеленков А.С. Кушнаренковский тип керамики городища Уфа-II// Вестник ТюмГУ, 2015.

8. Зеленков А.С. Проблемы изучения кушнаренковской и караякуповской гончарной традиции // Материалы Российской Археолого-Этнографической Конференции молодых ученых, 2015.
9. Зеленков А.С. Ревда-2-1 новый памятник средневековой эпохи Западной Сибири // *Ab origine-7*, 2015. С. 60—76. (в соавторстве с Н.П. Матвеевой).
10. Зеленков А.С. К вопросу о миграции западносибирского населения в Приуралье // Материалы Уральского археологического совещания, 2016 (в соавторстве с Н.П. Матвеевой).
11. Зеленков А.С. К вопросу о принципах изучения миграций в средневековой археологии Западной Сибири в конце XX вв. // *Ab origine-7*. 2015. С. 19—26.
12. Зеленков А.С. Особенности гончарства как показатель взаимодействия населения Урало-Сибирского региона в раннем средневековье // *Вестник Пермского университета*, 2016. (в печати).
13. Зеленков А.С. Приспособительные навыки гончаров бакальской культуры (по материалам Коловского городища) // *Экология древних и традиционных обществ: материалы конференции*, Тюмень. 2006. (в печати).

Архивные материалы

1. Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок в Тюменском и Заводоуковском районах Тюменской области в 2009 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2010.
2. Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок могильника Устюг-1 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2010 году // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2011.
3. Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок могильника Устюг-1 на площади многослойного поселения Устюг-2 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2011 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2012.

4. Матвеева Н.П. Отчет о проведении археологических раскопок могильника Устюг-1 на площади многослойного поселения Устюг-2 в Заводоуковском районе Тюменской области в 2012 г. // Архив ИГИ ТюмГУ. Тюмень, 2013.
5. Чикунова И.Ю. Отчет о раскопках Ипкульского курганного могильника в Нижнетавдинском районе Тюменской области в 2010 и 2011 гг. // Архив ИПОС СО РАН, № 7/14. Тюмень, 2012.

Список литературы

1. Акбулатов И.М. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 31—52.
2. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М. 1968.
3. Акимова М.С. Некоторые итоги изучения палеоантропологии Приуралья. М.1964.
4. Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркоязычных народов восточной Европы в свете данных антропологии // Вопр. этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: Тат. кн. изд-во, 1971. С. 232—271.
5. Акишев К.А., Кумаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата. 1963.
6. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 3—56.
7. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
8. Атавин А.Г. Погребения VII—VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.

9. Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 22—54.
10. Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
11. Бадер О. Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь: Кн. изд-во, 1958. 244 с.
12. Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
13. Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железного века и раннего средневековья: Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 65 с.
14. Багаутдинов Р.С. Новые раннеболгарские курганы Самарской Луки // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
15. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.
16. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
17. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII в.н.э. Томск, 1983.
18. Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы — средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 79—86.
19. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л.1940.
20. Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. 1951.
21. Бобров В.В., Васюткин А.С., Васюткин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск, 2003.

22. Богачев А.В. К вопросу о поздней дате древностей "гуннского круга" // СА. №3. 1996.
23. Богачев А.В. К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV-VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992.
24. Богачёв А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: 1992. 208 с.
25. Боталов С.Г. Гунны и Тюрки (Историко-археологическая реконструкция). Челябинск: Рифей, 2008. 672 с.
26. Боталов С.Г. Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы Magna Hungaria // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №11 (265). История. Вып. 50. С. 128-146.
27. Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в урало-казахстанских степях эпохи средневековья в свете новых археологических данных // Этнические взаимодействия на Южном Урале. 2013. С. 201-207.
28. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
29. Боталов С.Г., Гущина Е. В., Кайдалов А. И. , Сечко Е. А. К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта // II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред.:С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 14—38.
30. Боталов С.Г., Мосин В. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праугро-самодийского единства) // Finno-ugrica. № 10. 2007. С. 7-73.
31. Боталов С.Г., Подушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III-V вв. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
32. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000.

33. Буданова В.П., Горский А.А., И.Е. Ермолова Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011.
34. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991.
35. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы древнетюркской культуры // СЭ. №3. 1966.
36. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X-XII вв. Екатеринбург, 1993.
37. Васильева И.Н. О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73-83.
38. Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
39. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV-V в. в Башкирии // СА. 1986. №2.
40. Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Свердловск, 1969. 20 с.
41. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург, 2008. 206 с.
42. Воронов К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия: Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Тб. М.: ИА РАН, 2006. 152 с.
43. Гавритухин И.О. К изучению ременных гарнитур Поволжья // Культуры Евразийских степей. Самара, 1996.
44. Гавритухин И.О. Хронология "среднеаварского" периода // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т.2. 2001. С. 45—163.
45. Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // СМАЭ. 1963. Т. 21. С. 297—337.

46. Геддон А. Переселение народов / под ред. В.Г. Бонгараса-Тана. М., 1923.
47. Генинг В.Ф. Бродовский могильник // КСИИМК АН СССР, вып. 52. — М., 1953. С. 87—98.
48. Генинг В.Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК АН СССР, вып. 57. М., 1955. С. 115—123;
49. Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
50. Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Т2. Казань, 1959.
51. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ, вып. 7. Ижевск-Свердловск, 1967. С. 7—84.
52. Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. — Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1970.
53. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. №, 1972. С. 221—295.
54. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С.114—136.
55. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ, вып. 12. Свердловск, 1973. С. 121.
56. Генинг В.Ф. Памятники у села Кушнаренково на р. Белой (VI-VII) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
57. Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV-IX вв.). Ижевск: УдмГУ, 2010. 264 с.
58. Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. М., 1979. Вып. 158.

59. Голдина Р.Д. Взгляд на памятники "великого переселения народов" в Прикамье // XIII УАС. Уфа, 1996.
60. Голдина Р.Д. Древняя и Средневековая история Удмуртского народа. Ижевск, 2004.
61. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
62. Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. Ижевск: Удм. Ун-т, 1986. С. 47—98.
63. Голдина Р.Д. Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред.: С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 89—110.
64. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.2. Ижевск УдмГУ, 2004.
65. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск, 2010.
66. Гордиенко А.В. К вопросу о развитии западносибирских культур эпохи раннего средневековья / Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). 222—226.
67. Гордиенко А.В. Молчановско-андрюшинская культура лесного Зауралья // Вестник Томского государственного университета. 2013. №2(22). С. 31—36.
68. Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. н.э. (По материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 47—57.
69. Грачев М.А., Грачева О.Е., Данченко Е.М., Плеханов А.В. Новый карымский могильник в южнотаежном Прииртышье // III Сев. археол. конгр.: Тез. докл. Екатеринбург, 2010. С. 239—240.

70. Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья // Проблемы Бакальской культуры: матр. Семинара. Челябинск: ООО «ЦИКР Рифей». 2008. С.45—60.
71. Долуханов П.М. Истоки миграций (моделирование демографических процессов по археологическим и этнографическим данным) // Проблемы археологии. Т. II. Л. 1978. С. 38—43.
72. Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы, 2013.
73. Древности эпохи великого переселения народов V-VIII/ отв. ред. А.К. Амброз. М.: Наука. 1982.
74. Егоров Н. И. Проблемы этнокультурной идентификации средневековых древностей урало-поволжья: финно-угры или огуры? // II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред.:С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 38-71.
75. Елагин В. С. Бараба в начале I тысячелетия н.э / В. С. Елагин, В. И. Молодин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 125 с.
76. Засецкая И.П. Гунны в Нижнем Поволжье // Древняя и Средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
77. Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи (Постановка вопроса) // СА. 1978. №1.
78. Зах В.А. Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 4—12.
79. Зах В.А., Кочегов Е.И. О некоторых южных элементах в средневековой культуре Нижнего Приоболья // Сибирские татары: Материалы 1-го Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск: ОмГПУ, 1998. С. 20—21.

80. Зах В.А., Цембалюк С.И. Комплексы раннего железа и средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 54—67.
81. Зах В.А., Чикунова И.Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107—118.
82. Зыков А.П. Результаты металлографического изучения железных изделий Пахомовского могильника // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досветский период: Сб. статей. Свердловск: Институт истории и археологии УрО АН СССР, 1990. С. 3—11.
83. Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в Раннем Средневековье. Ижевск, 1999. — С. 6-53.
84. Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
85. Иванов В.А. Урало-сибирские истоки погребального обряда венгров периода «Обретения Родины» // II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред.: С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 75—84.
86. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа, 2014. 396 с.
87. Илюшина В. В. Потчевашские погребения из грунтового могильника «Викуловское кладбище» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №10. С. 74—83.
88. Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

89. Казаков Е.П. О хронологической типологии и этнокультурных контактах кушнаренковских памятников Татарии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. 1987.
90. Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. 2007.
91. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей от древности к Новому времени (Orientalia). 2009.
92. Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдмГУ, 1988. С. 44-65.
93. Кайдалов А.И., Гайдученко Л.Л., Сечко Е.А. Средневековое население городища Усть-Утяк-1 // Емельяновские чтения: Материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2006. С. 26—27.
94. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб, 2005.
95. Комар А.В. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т.1. 2000. С. 19—55.
96. Конигов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Наука, 2007. 466 с.
97. Корякова Л.Н., Федоров Р.О. гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам иркульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. 1993.
98. Корякова Л.Н., Морозов В.М. К вопросу об особенностях переходного периода от раннего железного века к средневековью // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 89—91.
99. Косарев М.Ф. О причинах и социальных последствиях миграций в Западной Сибири// Советская археология. 1972. №4. С. 19—27.
100. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга

- России. Вып. III. Сборник статей. Ростов-на-Дону: изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 146—164.
101. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. — М.: ИФ Восточная литература, 1996. — 396 с.
102. Лещинская Н.А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятки // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. — Ижевск, 2012. — С. 124-164.
103. Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001-2002 гг. // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005. С. 68—75.
104. Любчанский И.Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II — начале VI века н.э.: Полихромные изделия. // Вестник Челябинского Государственного Университета. 2009. Вып. 38. С. 11—18
105. Любчанский И.Э. Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии. // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010. Вып. III. С. 7—36.
106. Мажитов Н.А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // АЭБ, Т4. Уфа, 1971.
107. Мажитов Н.А. Южный Урал в IX–X в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
108. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977.
109. Малашев В.Ю. Археологические пятачки южноуральских степей второй половины II–IV вв. н.э. позднесарматская или гунно-сарматская культуры // РА. 2007. №3. С. 111—121.
110. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194—232.

111. Малашев В.Ю., Мошкова Г.М. Становление позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры. Волгоград, 2010. Вып. III. С. 37—53.
112. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2007.
113. Мандельштам А.М. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
114. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
115. Маслюженко Д.Н. Бакальская культура и миграционные процессы в лесостепном Притоболе в период раннего Средневековья // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей», 2008. С. 61—73.
116. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притобольшья в Средние века. Курган, 2008. 168 с.
117. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. К проблеме тюркизации населения бакальской культуры в историческом контексте // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Сб. статей. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. С. 169—173.
118. Маслюженко Д.Н., Шилов С.Н., Хаврин С.В. Раннесредневековый могильник Усть-Суерское-1 в лесостепном Притоболье // *Ab Origine*. Археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. Вып. 3. Тюмень. 2011. С. 72—86.
119. Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 1999.

120. Мастыкова А.В. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. С. 438—453.
121. Матвеева Г.И. О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов // Средневековая археология Евразийских степей. 2007. Т. II. С. 75—86.
122. Матвеева Г.И. Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой // Археология и Этнография Башкирии. 1968. Т. III. С. 113—125.
123. Матвеева Н. П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.
124. Матвеева Н.П. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов. Тюмень, 2012. 178 с.
125. Матвеева Н.П. Коловское городище / Н.П. Матвеева, С.В. Берлина, Т.Н. Рафикова. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
126. Матвеева Н.П. Новые данные о средневековых культурах лесостепного Зауралья // История и культура Средневековых народов степной Евразии: материалы II международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 88—91.
127. Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. 1997. С. 245—263.
128. Матвеева Н.П. О формировании раннесредневекового населения в лесостепном Зауралье // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред.: С. Г. Боталов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 7—14.
129. Матвеева Н.П. Саргатская культура Среднего Притоболья. Новосибирск, 1993.

130. Матвеева Н.П. Ульянова Е.Н. К вопросу о технологии производства керамики юдинской культуры / Н. П. Матвеева, Е. Н. Ульянова // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник / Тюмен. гос. ун-т; отв. ред. А. В. Матвеев. Тюмень : ТГУ, 2011. Вып. 3. С. 87—102.
131. Матвеева Н.П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье// АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. С. 63—75.
132. Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н. Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 174—184.
133. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
134. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // РА. 2009. № 1. С. 140—151.
135. Матвеева Н.П., Зайцева Е.А. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 5. С. 51—63.
136. Матвеева Н.П., Кобелева Л.С. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №3. (22). С. 68—78.
137. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск, 2005.
138. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Рафикова Т.Н. Изучение диеты средневековых насельников Зауралья // Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф. Тюмень, 2007. Вып. 3. С. 111—116.
139. Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Рафикова Т.Н. Изучение пищи средневекового населения лесного Зауралья по нагарам на посуде // Вестн.

археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 110—119.

140. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н. К вопросу о тюркизации населения Зауралья (по археологическим данным)// «Сулеймановские чтения-2006»: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции/ под ред. Яркова А.П. — Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2006. С. 64—67.

141. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ)// АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. С. 76—98.

142. Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В. К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ)// АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. — Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2007. С. 76—98.

143. Матюшко И.В. Кочевнические культуры Южного Урала (по признакам взаимовстречаемости погребального обряда) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.9, № 2, 2007. С. 512—522.

144. Мельничук А.Ф., Пескоков М.Л. Керамика нижнеобского облика на памятниках северного Прикамья // Вестник Томского университета. История. №3 (23). 2014.

145. Могильников В.А. К генезису культур Западной Сибири в раннем железном веке // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. 1997. С. 126—133.

146. Могильников В.А. Лесостепное Зауралье (бакальская культура) // Финно-угры и балты в эпоху средневековья/ Серия: Археология СССР. Москва, 1987. С. 179—183.

147. Могильников В.А. Лесостепное Зауралье // Финно-угры и балты в эпоху средневековья/ Серия: Археология СССР. Москва, 1987.

148. Могильников В.А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века. Автореферат диссертации. Москва, 1990.
149. Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: К истории изучения // Междунар.(XVI Урал.) археол. совещание: Материалы междунар. науч. конф., 6–10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С. 166—167
150. Морозов В.М. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. (ВАУ. Вып. 16). С. 125—141
151. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. - IV в. н.э. // РА. №3. 2007. С. 121—132.
152. Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА, вып. 170. М.: 1982. С. 80-87.
153. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.
154. Пастушенко И.Ю. История изучения так называемой «сылвенской» культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Сборник статей. Ижевск: Издательский дом «Удмурдский университет», 2002. С. 171—187.
155. Пастушенко И.Ю., Волков С.Р. Курманаевский могильник на средней Сылве: (итоги предварительного изучения) // Пермский мир в Раннем Средневековье. Ижевск, 1999.
156. Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
157. Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.
158. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. 1983.

159. Пшеничук А.Х. Дребеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западном Приуралье // Хронология сарматской культуры. Саратов, 1992.
160. Рафикова Т.Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного тоболо-ишимья: дисс. ... канд. ист. наук / Т.Н. Рафикова. Тюмень, 2010.
161. Рафикова Т.Н. К вопросу об этногенезе сибирских татар (по материалам Царева городища) / Т. Н. Рафикова // Сулеймановские чтения (тринадцатые): Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 95—99.
162. Рафикова Т.Н. Чикунова И.Ю. Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 81—90.
163. Рафикова Т.Н. Чикунова И.Ю. Хозяйство средневекового населения лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 81—90.
164. Румянцева О.С. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II-III века н.э. // Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. — М.: ТАУС, 2009. С. 341—438.
165. Румянцева О.С. Бусы населения Средней Оки эпохи Великого переселения народов как исторический источник: Дис... канд. ист. наук. / О.С. Румянцева М., 2006. 383 с.
166. Русланова Р.Р. Бусы Уфимско-Бельского междуречья III—VIII вв.: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2014.
167. Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Семочкина Т.Г. Изменение палеогеографических условий Тоболо-Ишимья в среднем и позднем голоцене как основа для реконструкции среды обитания древнего человека // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 85—96.

168. Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. Спб., 2008.
169. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. 1984
170. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. 1994.
171. Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // Советская археология. XXV. 1956. С. 189—214.
172. Сальников К.В. К вопросу о составе населения Южной Башкирии в I тыс. н.э. // СА. 1958. №4.
173. Сальников К.В. Итоги и задачи археологического изучения Башкирии //АЭБ. Т.Н. Уфа, 1974.-С. 7—15.
174. Скандаков И.Е., Данченко Е.М. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Сер. «Преемственность»: Ежегодн. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160—186.
175. Серегин Н.Н. (2013) Детские погребения раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 3 (22). С. 87—94.
176. Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 61—69.
177. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический контекст. Саратов, 1990.
178. Слепченко С.М., Пошехова О.Е., Скочина С.Н. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (По

материалам могильника Устюг-1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №1 (20). С. 58—66.

179. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 192 с.

180. Сорокин С.С. О датировки и Толковании Кенкольского могильника // КСИА. 1956. вып. 64.

181. Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. вып.18.

182. Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху Раннего Средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т.3. М., 1997. С. 290—297.

183. Сташенков Д.А. Этнокультурная ситуация в Самарском Поволжье в начале эпохи Великого переселения народов // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы учредительного съезда международного конгресса. Т.1. Казань, 2007. С. 75—81.

184. Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Форум «Идель-Алтай»: матер. Конф. Казань, 2009. С. 228—229.

185. Султанова А. Н. Бирский могильник: историко-археологическая характеристика: дисс. ... канд. ист. наук / А.Н. Султанова. Уфа, 2000.

186. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. - Уфа, Гилем, 1998.

187. Троицкая Т. Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской / Т. Н. Троицкая // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 126—132.

188. Троицкая Т. Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье / Т. Н. Троицкая // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. — Новосибирск, 1981. С.101—120.

189. Троицкая Т.Н. Пояса из погребений Новосибирского Приобья II-IV вв. // КСИА. 1973. Вып. 136.

190. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Нсб., 1998.
191. Файзрахманов Г. Древние тюрки Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000.
192. Хабдулина М.К. Северный Казахстан в эпоху раннего железного века. Автореф. ... дис. Канд. Наук. Алма-Ата, 1982.
193. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.
194. Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья //СА, 1976, № 3.
195. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.
196. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э // МИА.№58 1958.
197. Чикунова И.Ю. Бронзовые медведи Ипкульского могильника // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. 2012. С. 346-349.
198. Чикунова И.Ю. Новые данные о погребальном обряде населения южнотаежного Притоболья в раннем средневековье (по материалам Ипкульского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Т. 1. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. С. 220-224.
199. Чикунова И.Ю. Этнокультурное взаимодействие в южнотаежном Притоболье в средневековье // Материалы II Междунар. конгр. средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 96–98.
200. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1984. 254 с.
201. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. 179 с.

202. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 26—35.
203. Фазрахманова А.К. Приспособительные гончарные традиции населения, оставившего Бирский могильник // Материалы IV Башкирской археологической конференции. Сибай, 2011. С. 116—118.
204. Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9—15.
205. Шмуратко Д.В. Могильники харинского типа с территории северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа») // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 66—72.
206. Anthony D. Migration in Archeology: The Baby and the Bathwater // *American Anthropologist*. 1990. Т. 92. P. 895- 914.
207. Anthony D. The Bath Refilled: Migration in Archeology again // *American Anthropologist*, New Series, Vol. 94, No. 1 (Mar., 1992). P. 174-176.
208. Burmeister, S. 2000. Archaeology and migration // *Current Anthropology* 41(4). P. 539—567.
209. Cameron C. How People Moved among Ancient Societies: Broadening the View // *American Anthropologist*, 115. P. 218—231.
210. Chapman, J. and Dolukhanov, P.M. The baby and the bathwater: Pulling the plug on migrations // *American Anthropologist* 94. P. 169—174. 1992.
211. Chapman, J. The impact of modern invasions and migrations on archaeological explanation. In Hamerow, H. (ed.) *Migration and Invasion in Archaeological Explanation* (British Archaeological Reports International Series 664). Oxford: Archaeopress, P.11—20. 1997.
212. Dommelen P. Moving On: Archaeological Perspectives on Mobility and Migration // *World Archaeology: mobility and migration*. 2014. №46. P. 477-484.

213. Frachetti M. Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology // *Annu. Rev. Anthropol.* 2011. 40. P. 195—212.
214. "Hakenbeck S. 'Hunnish' modified skulls: physical appearance, identity and the transformative nature of migrations // *Mortuary Practices and Social Identities in the Middle Ages.* 2009. P. 64 —80.
215. Hakenbeck S. Migration in Archaeology: Are We Nearly There Yet? // *Archaeological Review from Cambridge.* 23. 2. 2008. P. 9—26.
216. Härke H. Archaeologists and Migrations: A Problem of Attitude? — *Current Anthropology.* 1998. T. 39 (1). P. 19—46.
217. Linderholm A. Migration in Prehistory : DNA and stable isotope analyses of Swedish skeletal material. 2008.
218. Michael D. Frachetti Migration Concepts in Central Eurasian Archaeology *Annual Review of Anthropology.* Vol. 40. P. 195—212.
219. Michael E. Weale Y Chromosome Evidence for Anglo-Saxon Mass Migration *Oxford Journals Medicine & Health & Science & Mathematics Molecular Biology and Evolution* Volume 19, Issue 7. P. 1008—1021.
220. Prien R. *Archäologie und Migration: Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Migrationsbewegungen.* Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 2005.
221. Renfrew C. *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins* by Colin Renfrew *Current Anthropology*, Vol. 29, No. 3 (Jun., 1988). P. 437—468.
222. Rouse I. *Migrations in Prehistory: Inferring Population Movement from Cultural Remains.* New Haven: Yale University Press, 1986.
223. Show D. More on Migration in Prehistory: Accommodating New Evidence in the Northern Iroquoian case // *American Antiquity*, Vol. 61, No. 4 (Oct., 1996), P. 791—796.
224. Trigger, B.G. *A History of Archaeological Thought.* Cambridge: Cambridge University. 1997.

ТЕКСТОВОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Группа	Признак	Бакал	Броды	Мазунино	Турбаслы	Группа	Признак	Бакал	Броды	Мазунино	Турбаслы
		N=102, в %	N=94, в %	N=1405, в %	N=251, %			N=102, в %	N=94, в %	N=1405, в %	N=251, %
Вид	курган	57,3	100,0	0	67,6	Размеры	Узкие (0,4 – 1,19 м)	69,6	64,9	37	нет
	Грунт.	42,5	0,0	100	32,4		Средние (1,2 – 1,5 м)	12,5	18,1	0	нет
Форма могилы	Овал	50,0	4,3	7,2	0		Широкие (1,6 – 2,1 м)	12,9	11,7	0	нет
	Прямоуг.	25,9	92,6	92,8	62	Поза	Вытянуто на спине	28,7	71,3	33	60
	Квадрат	1,9	3,2	0	0		Скорчено	4,6	1,1	4	0
Характер погребений	Кенотаф	1,9	0,0	0	0		Всадника	1,9	0,0	0	0
	Одиноч.	87,8	85,1	100	24		Руки вдоль тела	11,1	26,6	83	37,6
	Многомог. курган	11,1	3,2	0	13,6		Кисти на тазу	2,8	1,1	5,2	3,2
	Парное	7,4	7,4	0	0,4		Деформация	27,8	1,1	0	19,2
	Коллект.	0,9	2,1	0,5	нет		Культ коня	Захоронение коня	1,9	0,0	0
Ориентир	на С	47,2	3,2	2,2	46,8	Кости лошади в могиле		4,2	0,0	0	16,8
	На Ю	0	27,7	6,86	0,8	Кости лошади у могилы		7	0,0	0	8,1
	На СЗ, СВ	38,9	22,3	48	10,4	Сосуды в могиле		58,8	0,0	0,8	72,4
	На З, ЗСЗ	0	42,6	33,2	?	Культ огня	Прокал, уголь в могиле	5	20,2	0	19,3
Размеры	Заплечики	1,9	5,3	0	2,4		Прокал, уголь рядом	5,6	8,5	0	4,8
	Мелкие (до 0,4 м)	75,1	10,6	15	нет	Инвентарь	Предметы быта	23,1	77,7	21,3	13,9
	неглубокие (0,41-0,8 м)	10,3	37,2	59,1	нет		Оружие	16,7	19,1	0	13,9
	Глубокие (0,81-1,8 м)	9,3	52,1	25,8	нет		Конская упряжь	9,3	17,0	0	6,1
	Короткие (0,9 – 1,8 м)	9,3	10,6	7,6	нет		Поясная гарнитура	25	45,7	13,2	26,3
	Средние (1,82 – 2,19 м)	52,8	27,7	43,7	нет		Бусы, пронизки	19,4	38,3	68,2	81
	Удлин. (2,2 – 3,3 м)	32,4	59,6	48,7	нет		Подвески	9,8	6,4	29,9	30
	Очень дл. (3,25-4,5 м)	0	3,2	0	нет		Кольца, браслеты	Кольца, браслеты	5,9	10,6	7,1
Очень широкие (2,2-2,75 м)	0	10,6	0	0							

Таблица 1. Суммарная характеристика погребений бакальской, неволинской (бродовская стадия)*, мазунинской** и турбаслинской культур***

* по Р.Д. Голдиной, ** Т.И. Останиной, *** Ф.А. Сунгатову

	Признак/культура	Бакальская	Кушнаренковская	Караякуповская
1	Курганные погребения	57	77,2	54,8
2	Бескурганые	43	22,6	45,1
3	Кострища в насыпи	6	0	0
4	Кости коня в насыпи	7	20,6	30,5
5	Ровик вокруг насыпи	0	0	0
6	Одно погребение в насыпи	83	58,6	47,2
7	Два и более погребений	11	41,4	52
8	Погребение одиночное	87,8	91,2	94,9
9	Погребение парное	7	0	0
10	Могила простая	98	84,3	92,4
11	Стенки сужаются	0	0	0
12	Деревянное перекрытие	3	0	0
13	Стенки обложены камнем	0	0	0
14	Камни в могиле	0	0	0
15	Ориентировка на Запад	0	0	43,6
16	Ориентировка на восток	0	0	0
17	Ориентировка на север	47,2	50,8	0
18	Ориентировка на юг	0	0	0
19	Ориентировка на юго-запад	0	0	14,9
20	Ориентировка на юго-восток	0	0	0
21	Ориентировка на север с отклонениями	38,9	30,5	33,9
22	Поза на спине с вытянутыми руками	28,7	96,1	76,6
23	На спине с согнутыми руками	7	0	23,3
24	Гробовища	5	0	0
25	Сосуд в могиле	58,8	87,7	72
26	Кости животных в могиле	9	35,1	35,3
27	Угли в могиле	5	0	0
28	Кости коня в могиле	6	0	14,6

Таблица 2. Суммарная характеристика погребений бакальской, кушнаренковской и караякуповской культуры ****

**** по В.А. Иванову

типологическое сходство (С ₃)	мазунинская	турбаслинская	неволинская	кушнарь	каряк
бакальская культура	0,49	0,76	0,64	0,65	0,6

Таблица 3. Типологическое сходство погребального обряда населения Зауралья и Приуралья в IV-VII вв.

культура	памятник	категория пропорциональности			
		низкие-средние	средние	средние-высокие	высокие
бакальская	Устюг-1	2	3		
	Козловский	8	7		
бахмутинская	Бирский	5	15		
неволинская	Бродовский	2	1		
	Верх-Саинский	3	1		
	Неволинский	7	4		
кушнаренковская	Бирский		1	7	
	Лагереvский		5	2	3

Таблица 4. Распределение сосудов по категориям пропорциональности

№	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII
12	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
16	1	4	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	4	0	0	5	0	0	0	3
1,1	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	2	0	0	0	0	
81	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
6	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	1	0	1	0	0	0	0	0
48	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	4	0	1	0	0	0	0	0
61	4	4	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	2	0	4	0	1	1	0	0	0	0
54	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	0	0	1	1	0	0	0	0
36	0	0	0	0	0	0	2	4	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0
12a	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	0	2	0	1	2	0	0	0	0
56	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	4	0	0	2	0	0	0	1
5	2	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	2	0	1	1	1	2	1	1	0	0
39	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	2	0	4	1	1	2	0	0	0	0
11	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3	1	2	0	1	0	1	0	0	0	0	0
26,1	0	2	0	0	0	0	1	5	1	1	0	1	0	1	3	1	7	1	1	0	1	0	0	0	1	1
4,1	5	1	1	1	0	0	1	5	1	0	0	1	0	1	2	1	1	1	2	1	0	2	0	0	0	0
27	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	6	0	4	1	1	2	0	0	0	3
31	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	2	0	4	1	1	0	0	0	0	0
51	1	1	4	4	0	0	1	5	1	0	0	0	0	1	3	1	2	0	1	1	1	0	0	0	0	1
57	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	1	1	2	0	4	0	1	0	0	0	0	0
63	1	1	1	0	0	0	2	4	1	0	0	0	0	1	3	1	2	0	4	1	1	2	0	0	0	1
67	1	3	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	2	1	2	0	4	0	1	2	0	0	0	0
13,3	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	2	0	2	0	1	2	0	0	0	0
4,2	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	1	1	1	2	3	2	0	1	6	0	0	0	0
7	2	2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	2	0	1	0	1	0	0	0	0	0
47	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	2	1	2	0	0	0	1	2	0	0	0	3
70	1	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	3	1	7	0	4	0	1	2	0	0	0	0
20	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1	1	2	0	4	0	1	2	0	0	0	0
45	10	10	0	0	0	0	0	5	1	0	0	0	0	1	2	1	2	0	4	0	1	0	0	0	0	0
21	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	1	7	0	4	0	1	1	0	0	0	0
5,1	2	2	1	1	0	0	1	4	1	0	0	0	1	2	3	1	6	2	1	1	1	0	1	1	0	1
40,2	3	1	3	1	1	3	2	4	1	1	0	1	0	2	2	1	2	1	2	1	1	0	0	0	0	0
29,3	0	2	0	0	0	0	2	3	1	0	0	1	0	2	3	1	2	2	2	0	1	2	0	0	0	3
2	1	1	1	0	2	1	2	4	1	0	0	0	0	2	2	1	6	1	1	1	1	3	1	1	0	0
4,3	2	2	1	0	0	0	1 и2	0	0	0	1	0	0	1	2	2	7	2	1	1	1	2	0	0	0	0
28,2 Б	3	3	0	0	0	0	0	1	1	0	3	1	0	2	1	2	2	2	4	1	1	3	1	1	0	1
22	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	2	2	3	0	0	1	1	1	0	0	0	1
25,2С	2	2	1	0	0	2	0	2	1	1	2	1	0	3	3	2	7	1	1	1	1	0	0	0	0	0
35,4	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	3	3	2	6	2	2	1	1	2	0	0	0	0
14,2	0	1	0	0	0	0	0	3	0	0	0	1	0	1	3	3	6	2	1	0	1	5	0	0	0	0
91	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	3	2	0	4	0	1	0	0	0	0	0
29	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	3	2	0	4	0	1	2	0	0	0	3
13,3	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	1	2	3	3	6	2	1	0	1	2	0	0	0	2
34,1	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	3	3	3	2	2	1	0	1	7	1	1	1	0

Таблица 5. База данных признаков погребального обряда с датированными вещами

Категория	Тип Вещей	№ погребений	Описание	кол-во	Аналогии	Дата
Пряжки	П1	У-1: 4-1	круглорамчатые с боковыми утолщениями безщитковые из бронзы без щитка и язычка	2	неинформативны	?
	П3	У-1:35-4	круглорамчатая из бронзы с прямоугольным щитком и утолщением в переднем конце с сегментированным язычком	1	Мальшев, 2000. С. 209	2я пол. III
	П4	У-1: 25-2, 28-4; К: 12а	овальнорамчатая из бронзы с сегментированным щитком с тремя гвоздиками с прогнутым язычком	8	Мальшев, 2000. С. 209; Матвеева, 2012. С. 84; Голдина, 2003. С. 694; Лещинская, 2012. С. 151. рис. 3	2я пол. III - нач. IV AD
	П5	У-1: 28-2; И: 5-1	круглорамчатые с утолщением в переднем конце безщитковые из бронзы с подвижным фигурным язычком	3	Амброз, 1971. С. 102-103; Мальшев, 2000. С. 209	2я пол. III - нач. IV AD
	П6	У-1: 25-1	овальнорамчатая безщитковая пряжка с подвижным из прогнутым язычком	1	Амброз, 1971. С. 102.	III AD
	П7	У-1: 26-1	круглорамчатая безщитковая со слегка утолщенной передней частью кольца и частично сохранившимся язычком, слегка выступающим за пределы рамки	1	Аналогичны П6.	
	П8	К: 70	Бронзовая овално рамчатая с язычком и подвижным язычком и подвижным соединением с прямоугольным удлиненным щитком, заууженным по середине	1	Матвеева, 2012. С. 85.	V AD
	П9	К: 5, 7, 29	Круглорамчатая бронзовая с прямоугольным щитком и выступающим язычком	4	Там же.	V AD
	П10	К: 70	Бронзовая круглорамчатая с трапециевидным щитком и хоботовидным язычком	1	Там же.	IV-нач. V вв.
	П11	К: 21	Железная яйцевидная, язычок не заходит за пределы рамки, рамка уплощенная	1	Там же.	IV AD
	П12	К: 2, 6, 27, 31, 51, 57, 91, 13-3	Маленькие круглорамчатые и овалнорамчатые бесщитковые с подвижным язычком.	8	Там же, С. 84.	V AD
	П13	К: 47	Бронзовая трапециевидная бесщитковая с неподвижным выступающим шпеньком из погребения	1	Там же.	V AD
	П14	И: 4-3	бронзовая пряжка с овальной равномерной ширины рамкой, овальным щитком с одним гвоздиком и с плоским язычком	3	Амброз, 1971. С. 100. Рис. 2 - 2; Мальшев, 2000. С. 226: рис. 7 - 4В; Воронов, Малашев, 2006. С. 70: рис. 9-9; Геннинг, 1979. С. 98: рис., Д6	
	Ременные накладки	Н1	У-1: 28-2	с секировидной подвеской из бронзы	1	Мальшев, 2000. рис. 12 - И; Левина, 1996. рис. 129 - 36; Голдина, 2003. табл. 677 - 3
Н2		И: 4-3	Накладки бронзовые с треугольным навершием с крепежными кольцами, округлыми концами с насечками, на задней стороне штифт для крепления к ремню.	8	Мальшев, 2000. С. 225-226: рис. 6 Д4-6; рис. 7 Д1-3; Голдина, 2003. С. 342: табл. 340	2я пол. III - нач. IV AD
Бляшки	Б1	У-1: 29-3	плоские серебряные с отверстиями для подвешивания диаметром 18 мм.	4	неинформативны.	?
	Б2	У-1: 14-2	бляшки-накладки на ремешки из бронзы с конической шляпкой с петелькой на обороте диаметром 15 мм.	3	Голдина, 2012. С. 63: рис. 6; Голдина, 2003. табл. 271	II-IV AD
	Б3	У-1: 26-1	Выпуклые из бронзы с отверстиями для пришивания имеют прямоугольную форму со скругленными углами, их размеры 1,8 x 2 см, и 2,2 x 2 см.	2	неинформативны.	
	Б4	К: 36	Бронзовая прямоугольная бляшка, декорированная пусонавым узором	1	Матвеева, 2012. С. 83.	V AD
Зооморфные подвески	31	У-1: 25-2; И: 1-1	Зооморфные подвески в виде росамах и медведей стилизованные	6	Чикунцова, 2012. С. 347: рис. 1 - 4, 6; Казанцева, 1988, рис. 3-35	III- IV AD
	32	У-1: 13-3; К: 11	Зооморфные подвески в виде птиц стилизованные	2	Матвеева, 2012. С. 32: цв. вкл. V - 3	IV-нач. V вв.
	33	К: 11	Зооморфные фигурки медведей (?)	1		
Украшения	Фибула	У-1: 14-2	коленчатая бронзовая фибула	1	Амброз, 1966. С. 46. табл. 5-19, 20; Мальшев, 2000. С. 200. Тип Ф2; Останина, 1997. рис. 24. 4; Пшеничук, 1992. С. 79: рис. 18	III-IV AD
	Браслет 1	К: 20, 12а	круглопроволочные	5	Матвеева, 2012. С. 83.	2я пол. III - нач. IV AD
	Браслет 2	К: 36	составные из витой проволоки и бус		Там же.	V AD
	Гринвны	К: 12а, 13-3, 36, 54		4	Там же, С. 82.	
	Серьга	У-1: 40-2	колачиновая луновидная с гроздьями и пазами для инкрустаций	1	Любчанский, 2010. С. 32: рис. 7 - 1, 2, 6; Пшеничук, 1992. С. 79: рис. 7; Боталов, 2008. С. 190	III-IV AD
Перстень	К: 12а	с ромбовидной печатью	1	Матвеева, 2012. С. 83.	2я пол. III - нач. IV AD	
Бытовые вещи	Пинцеты	К: 70, 45	Бронзовые с расширяющимися щипчиками	1	Матвеева, 2012. С. 82.	IV AD
Бусы			См. таблицу №			

Таблица 6. Хронологические типы вещей из могильников Западной Сибири

№ погр.	Тип	Форма	Цвет	Размер в мм.	Аналогии	Дата
У-1: 25,2	А	I. Пирамидальная	мутный темно-коричневый	7 x 3,5	Скрипкин, 1990. С. 78: <i>Типы 02-1 и 07-1</i> ; Мاستыкова, 2009. С. 445.	II до н.э. - III н.э.
»	А	II. Параллелепидально удлинённая	прозрачное светло-зелёный	5 x 4	Мажитов, 1968. табл. 4-18	IV н.э.
»	Б	»	темно-коричневый	10 x 4	Скрипкин, 1990. С. 78: <i>Типы 02-1 и 07-1</i> ; Мастыкова, 2009. С. 445.	II до н.э. - III н.э.
У-1: 40,2	А	III. Двухчастная	Золоченное с золотыми листиками	12x5	Румянцева, 2006.С. 84: <i>Тип А12. рис. 7. - 6,8</i>	III-IV н.э.
»	А	IV. Цилиндрические	прозрачное бирюзовое	5 x 4	Левина, 1996, рис. 146-22	IV-VII н.э.
»	Б	»	мутный темно-коричневый	5 x 2,5 мм	Голдина, 2010, рис. 146 - 4,8	IV-VII н.э.
К: 12а,70	А	V. Коротко цилиндрические	Глухой голубой и зелёный	4,5x1,7-2	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VII н.э.
К: 20,21,45,70	Б	»	Голубые прозрачные и глухие; темно-синие глухие	3-5x2-3	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-V н.э.
К: 12а,70,47	В	»	Синий	3,5-5x1,5-3	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VI н.э.
К: 45,56	Г	»	Синий	11,5x4	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI-VIII н.э.
К:45,56	Д	»	желтый	4x2,5 и 4	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-IX н.э.
К:70	Е	»	Светло-зелёные	4x2-3	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV н.э.
К:70	Ж	»	Белые	5,5x2,5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-V н.э.
У-1: 29,3	А	VI. Удлиненно цилиндрический	красный	4 x 2,5	Алексеева, 1978. тип 3, тип 22; Румянцева, 2006. С. 259; Останина, 1996. С. 111	I-IV н.э.
У-1: 14,2	Б	»	грязно-синий	5 x 2,5	Русланова, 2014. Тип I.2A5в1: <i>рис. 8</i>	IV-V н.э.
У-1: 25,2	В	»	глухой голубой	5 x 2,5	Левина, 1996, рис. 145-31	IV-VII н.э.
»	Г	»	голубой	5 x 2,5	Левина, 1996, рис. 146-1	IV-VII н.э.
»	Д	»	черный	8 x 2,5	Алексеева, 1978. табл. 33, 71	II-III н.э.
К: 16	Е	»	золотой	3x15	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-II н.э.

Таблица 7. Хронология бус с могильников Западной Сибири

У-1:13,3	А	XIV. Округлые	темно-синий с красными глазками	7x7	Алексеева, 1978. табл. 15-69; Голдина, Бернц, 2010. С. 474; рис.2-IV Б52а	II н.э.
К: 16	Б	»	Глухой желтый с синими разводами	9	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VIII н.э.
К: 16	В	»	Гухой голубой	6,5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	II-IV н.э.
»	Д	»	Синий	10	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI-VIII н.э.
К: 56	Е	»	Зеленый	?	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VI н.э.
И: 4,2	Ж	»	черная		см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI н.э.
У-1:13,3	А	XV. Треугольные	Черно-синие-желтый	15x2,5	Алексеева, 1978. табл. 27? 60-65	II н.э.
У-1: 25,2	А	XVI. Трехгранно-призматическая	черный	7x7	Левина, 1996, рис. 146-54	IV-IX н.э.
У-1: 25,2	А	XVII. Веретеновидные	мутный темно-кор.	10 x 4	Алексеева, 1978. Тип 203: табл. 33: 83; Румянцева, 2006. С. 138	III-IV н.э.
К: 56	А	XVIII. Зонная	золотой	4,5x1,5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-IV н.э.
	Б	»	Фиолетовый	4,4x2,5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VII н.э.
К: 16,56	В	»	Голубой	5-6x2	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	II-III н.э.
К: 56	А	XIX. Округлые и бочковидные	Черные с черными и красными глазками в желтых ободках	8x10	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI н.э.
К: 20,21,70	А	XX. Бисер Зонный	красный	3-1,5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	II-III н.э.
К: 21	Б	Бисер Цилиндрический	Оливково-зеленый	2,5x4,5-5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI н.э.
К: 45,56	В	XXII. Бисер Цилиндрический	Темно-синий	3,5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	II-III н.э.
К: 56	Г	Бисер Бочковидный поперечно сжатый	Синий	3-3,5x1,5-2	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VII н.э.
К: 56	Д	Бисер Бочковидный поперечно сжатый	Голубой	»	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VII н.э.

Таблица 7. Продолжение

К: 16,56	К	»	Голубой прозрачный	3,5x5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-IV н.э.
К: 16	А	VII. Усеченно-конические	Синий	3x14	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI н.э.
У-1: 29,3	А	VIII. Бочковидные	глухой красный	7x7	Голдина Е.В., 2010, рис. 35- IB19	VII-IX н.э.
У-1: 13,3	Б	»	желтый	5 x 6,5 мм	Алексеева. 1978: Тип 5. табл. 33-1; Голдина, 2010: рис. 30- <i>VI</i> A5	I-VI н.э.
К: 12a	В	»	Глухой голубой и зеленый	3x3,3	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VIII н.э.
К: 20,21	Г	»	Ярко-голубой	4,5x2	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VI н.э.
К: 16	Д	»	Оранжево-красный	6-8x4-5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI-VIII н.э.
К: 81	Е	»	Голубой и синий	6,5-8x5-8	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	V-VIII н.э.
И: 7,1; К: 16,56,81	Ж	»	Темно-синий	7-8x7-8	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	VI н.э.
И: 4,2, 3-1	З	»	Синий с красными глазками и бежевым ободком	6x7	Алексеева, 1975: табл. 15: рис. 21,22, 41	VIII н.э.
У-1: 13,3	А	IX. Бочковидная поперечно сжатая	глухой желтый	9x12	Голдина, Бернц, 2010. С. 474; рис.2- <i>IV B5a</i>	IV-V н.э.
У-1: 14,2; К.21	Б	»	желтый	6 x 3	Алексеева, 1978. табл. 33: 1; Голдина, 2010. Тип IA4: рис. 34	IV-V н.э.
У-1: 40,2	В	»	грязно-синий	7 x 4 мм	Алексеева, 1978. Тип 29: табл. 33:4	II-III н.э.
У-1: 40,2	Г	»	черный	6x10	Алексеева, 1978. Тип 1: табл. 33: 4; Русланова, 2014. Тип I.3A1e: рис. 27	III-IV н.э.
К: 47, 56	Д	»	золотой	6x3-4	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-IV н.э.
К: 70	Е	»	Голубой	4-4,5x2-4	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV н.э.
К: 20,70	Ж	»	Синий	3,5-5x2-5	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	IV-VII н.э.
К: 70	А	X. Биконические	Синий	10-12x7-8	см. Матвеева, 2012. С. 86-89	I-IV н.э.
У-1: 29,3	А	XI. Трехчастные с бочковидными сегментами	красная	5x3	Голдина Е.В., 2010, рис. 35- IB13	VII-IX н.э.
У-1: 13,3	А	XII. 14-гранные	темно-синий	12 мм x 8 мм	Алексеева, 1978. табл. 33. рис. 41; Голдина, 2010: рис. 38-17	IV-VI н.э.
К: 36	Б	»	Пурпурные	13x7x5	»	IV-V н.э.

Таблица 7. Продолжение

Ориентировка индивида: 1. Север; 2. СЗ; 3. ССЗ; 4. СВ; 5. ССВ; 6. ЮЗ; 7. ЮЮЗ; 8. ЮВ; 9. ЮЮВ; 10. З-В; II. Ориентировка погребения. Аналогично предыдущему; III. Поза погребенного: 1. Вытянуто на спине; 2. На левом боку; 3. На правом боку; 4. поза всадника; IV. Положение рук: 1. Вдоль туловища; 2. На бедрах; 3. Руки под левой щекой; 4. одна на тазу, другая вдоль тела. V. Ориентировка лица: 1. Запад; 2. Восток; VI. Вместительность погребенного: 1. Дощатое гробовище; 2. Настил из органических материалов; 3. Покрывало; VII. Пол погребенного: 1. Муж; 2. Жен; VIII. Возраст: 1. Дети (1,1 - 11); 2. Подростки (12-16); 3. Юные (17-25); 4. Взрослые (26 - 35); 5. Зрелые (36 - 55); 6. Старые (56 - 70); IX. Деформация головы. 1-да, 0-нет; X. Следы насилия. 1-да, 0-нет; XI. Групповое. 1. М и Ж; 2. Ж и Р; 3. Р и Р; 4. Ж и Ж; XII. Форма стенок: 1. Отвесные; 2. Наклонные; XIII. Заплечики. 1-да, 0-нет; XIV. Глубина погребений: 1. Неглубокие (0 - 0,36); 2. Средней глубины (0,36 - 0,77); 3. Глубокие (0,77 - 1,1); XV. Длина погребений: 1. Короткие (1,35 - 1,6); 2. Средние (1,82 - 2,15); 3. Удлиненные (2,19 - 3,05); XVI. Ширина погребений: 1. Узкие (0,71 - 1,14); 2. Средние (1,2 - 1,5); 3. Широкие (1,6 - 2,1); XVII. Форма погребений: 1. Трапецевидная; 2. Овальная; 3. Грушевидная; 4. Яйцевидная; 5. Подквадратная; 6. Подпрямоугольная; 7. Подпрямоугольная со скругленными углами; XVIII. Форма дна погребения: 1. Покатое так, что головной конец выше; 2. Плоское; 3. Корытообразное; XIX. Положение погребения: 1. Центральное в кургане; 2. Впускное; 3. Вводное; 4. Безкурганное; XX. Сохранность погребений: 1. Целое; 0. ограблено; XXI. Наличие инвентаря в могиле: 1-да, 0-нет; XXII. Количество сосудов в погребении: от 0 до 4х; XXIII. Количество бакальских сосудов; XXIV. Количество кушнаренковских сосудов; XXV. Количество карымских сосудов; XXVI. Количество саргатских сосудов; XXVII. Количество среднеазиатских сосудов; XXVIII. Положение сосудов в погребении: 1. Справа у головы; 2. В изголовье по центру; 3. Слева у головы; 4. У ног; 5. В головном и ножном концах; 6. По центру погребения; 7. В восточной половине погребения; XXIX. Наличие костей животных в погребениях. 1-да, 0-нет; XXX. Положение костей животных в погребениях: 1. В изголовье. 2 - у бедра. 0 - нет; XXXI. Захоронение коня: 1-да, 0-нет; XXXII. Следы от тризны: 1. Развалы сосудов у погребений; 2. Ямки; 3. Угольные пятна.

Таблица 8. Приложение к таблице 5

ИЛЮСТРАЦИИ

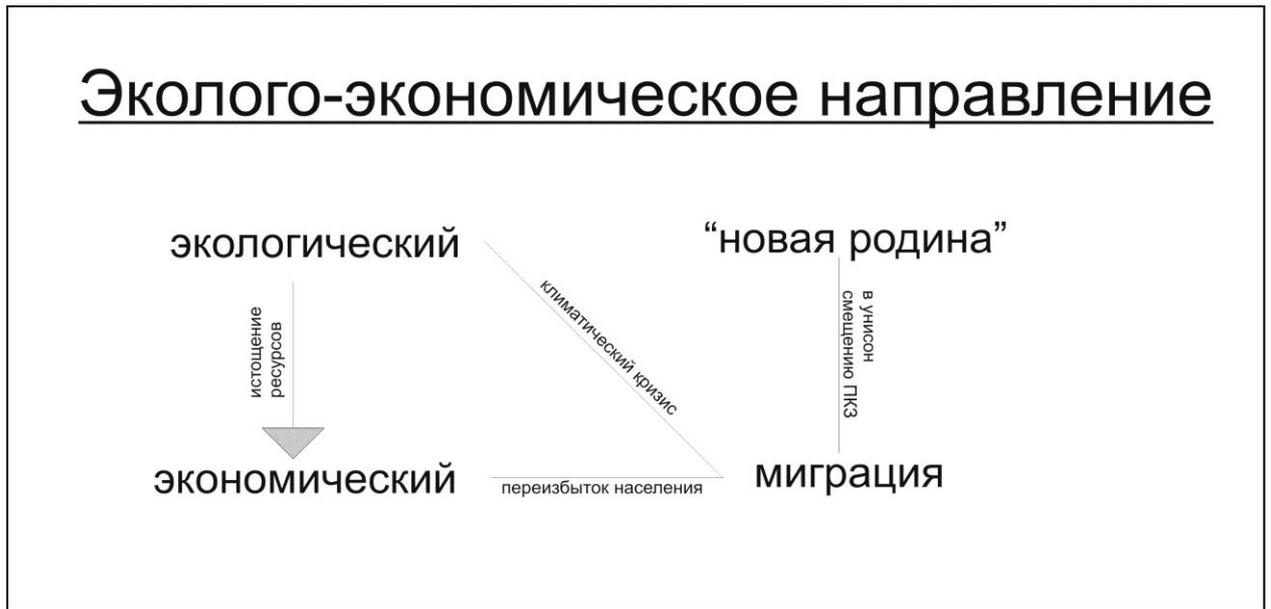

Рис. 1. Схема формирования миграций в эколого-экономическом направлении

Рис. 2. Схема формирования миграций в социально-политическом направлении

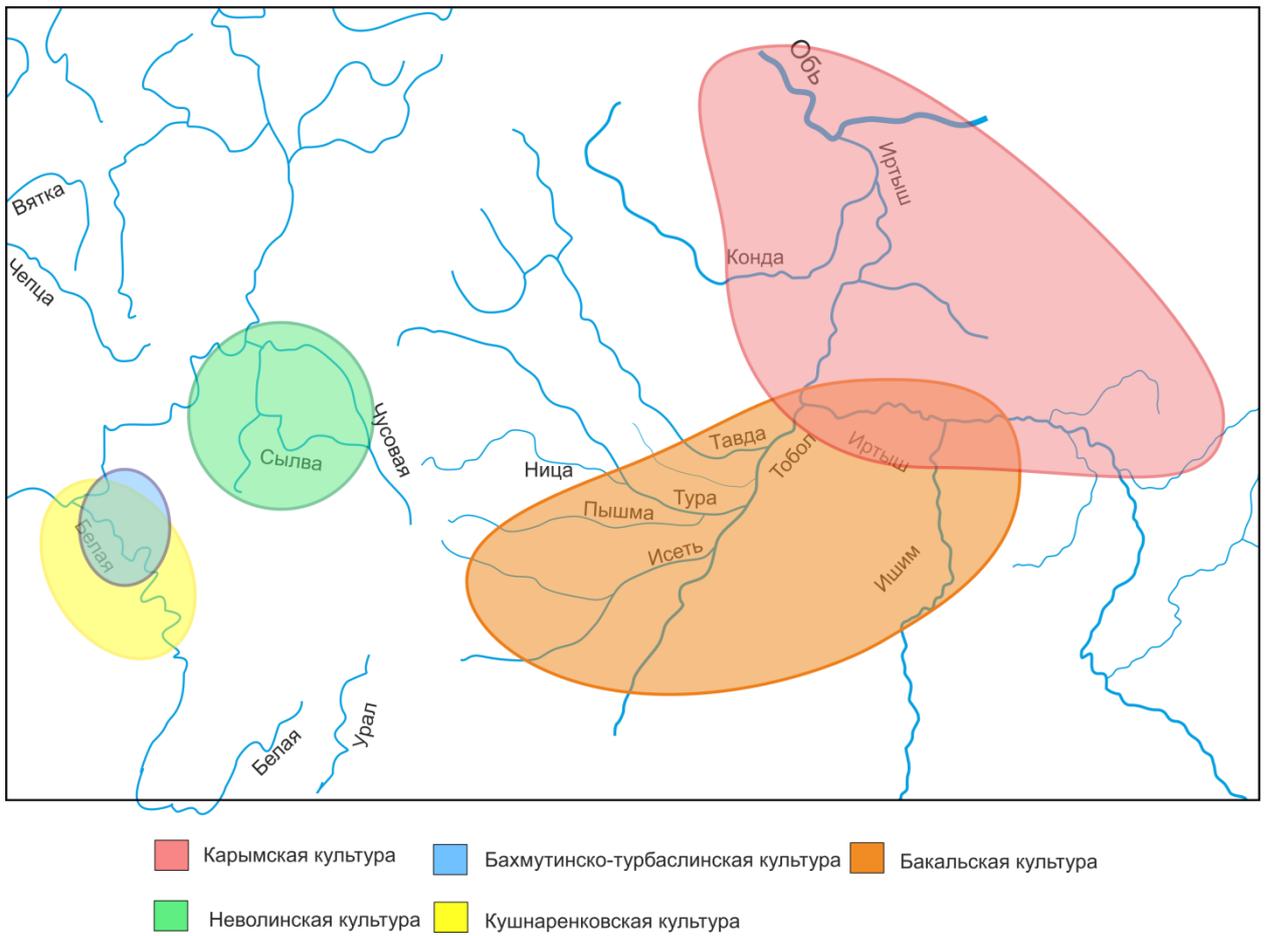

Рис.3. Ареалы культур Западной Сибири и Приуралья IV-VII вв.

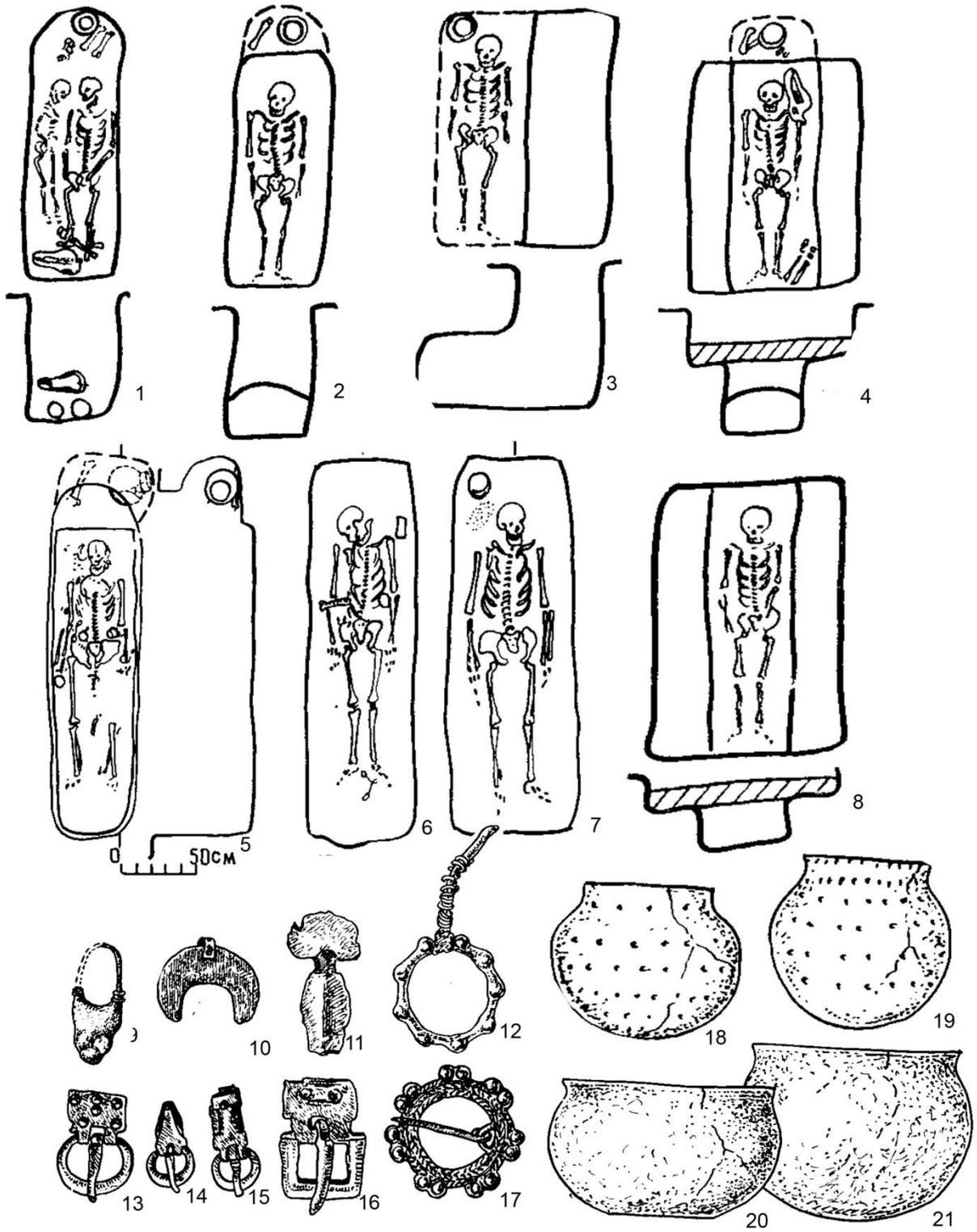

Рис. 4. Бахмутинско-турбаслинский тип захоронений

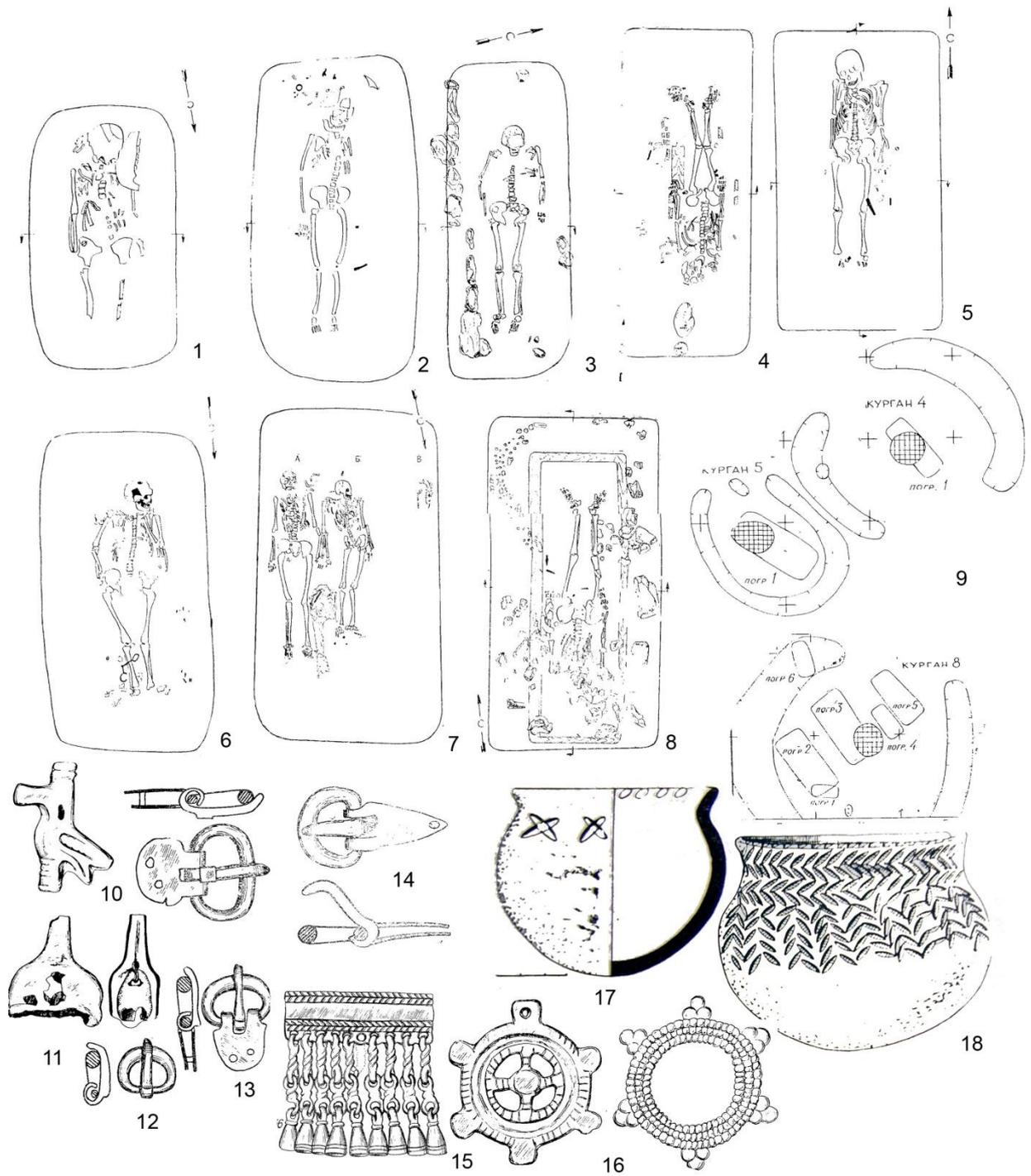

Рис. 5. Неволинский тип захоронений

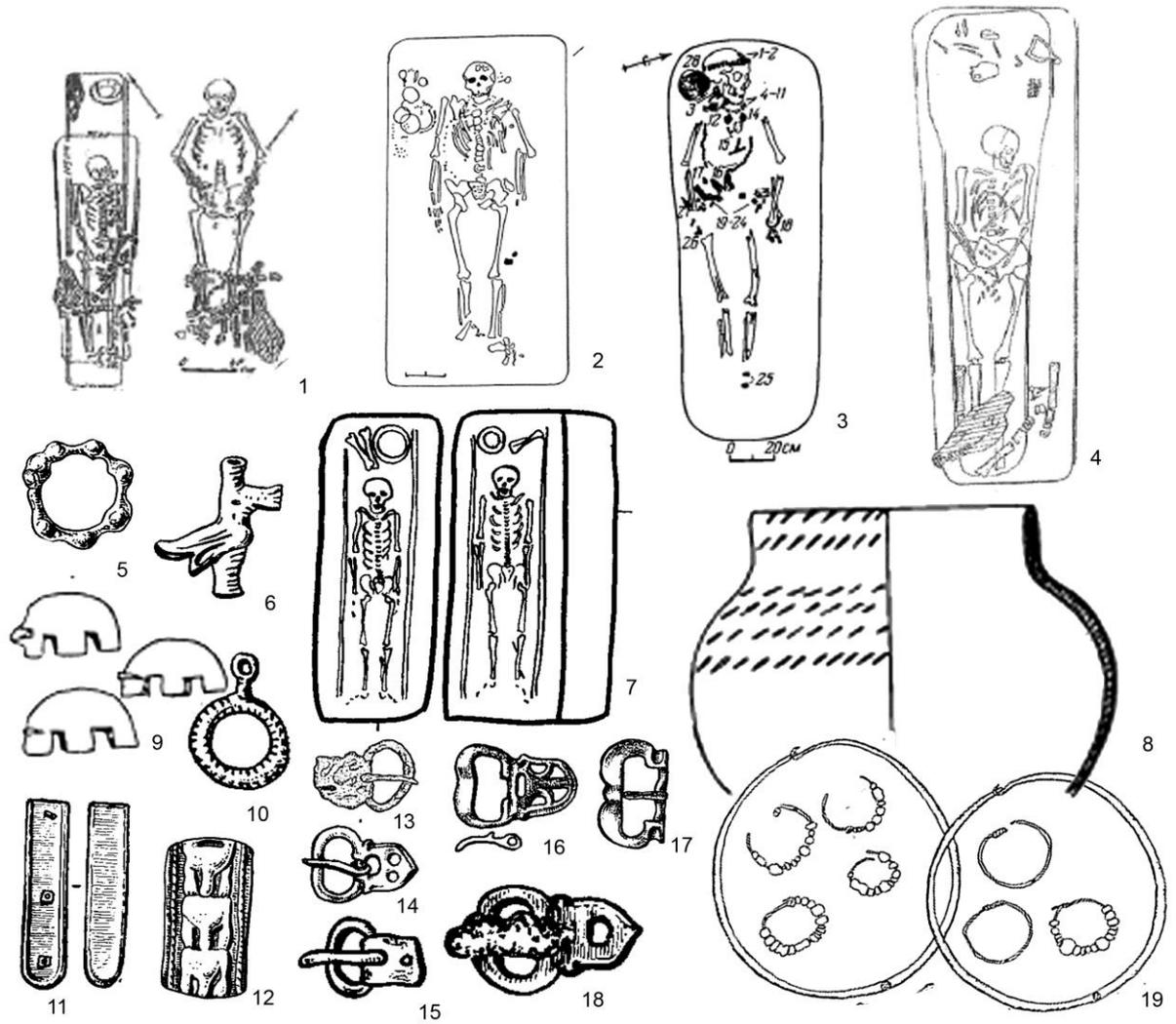

Рис. 6. Кушнаренокво-караякуповский тип захоронений

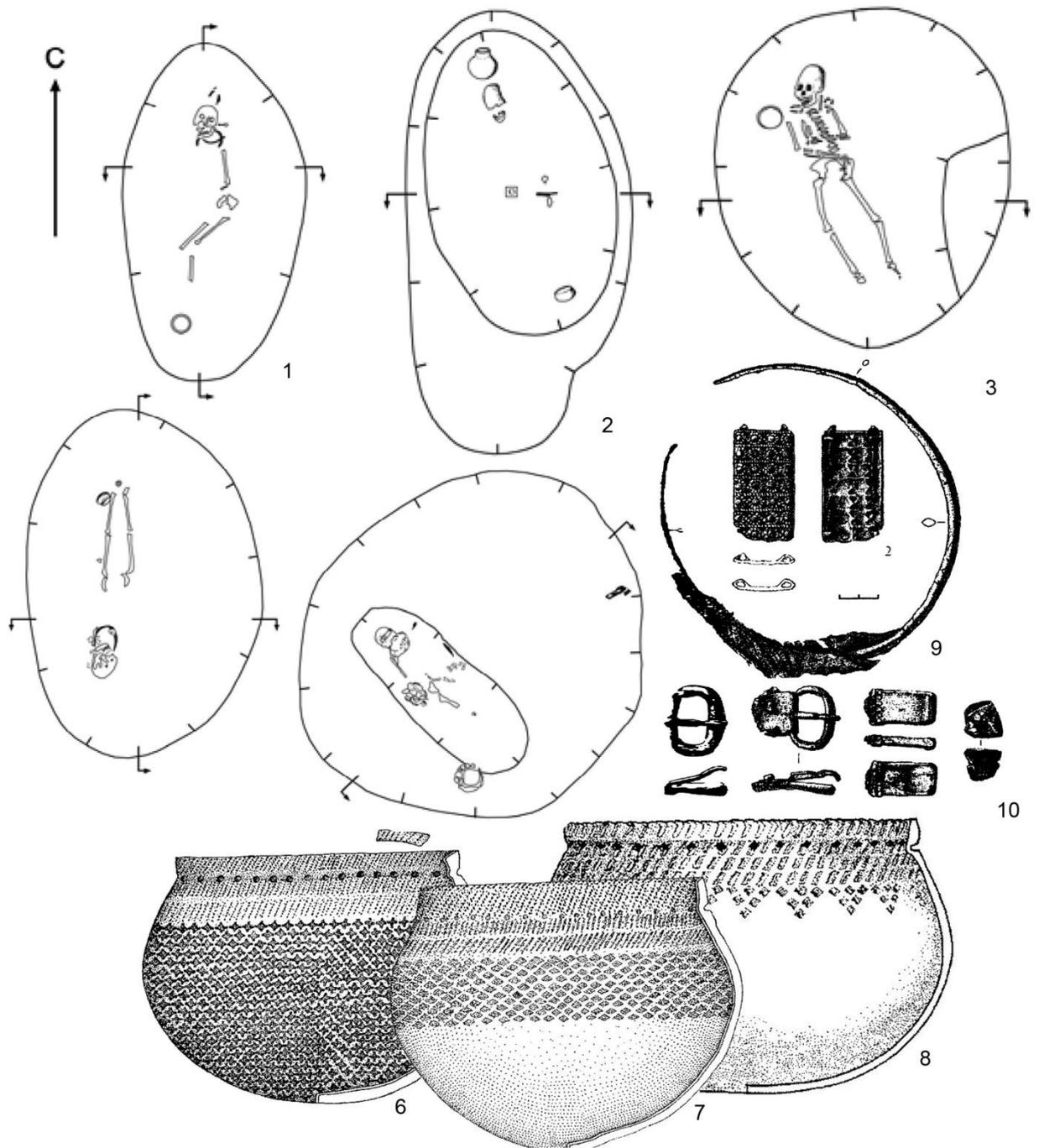

Рис. 7. Карымский тип захоронений

Рис. 9. Кушнарэнко-караякуповский тип захоронений Западной Сибири

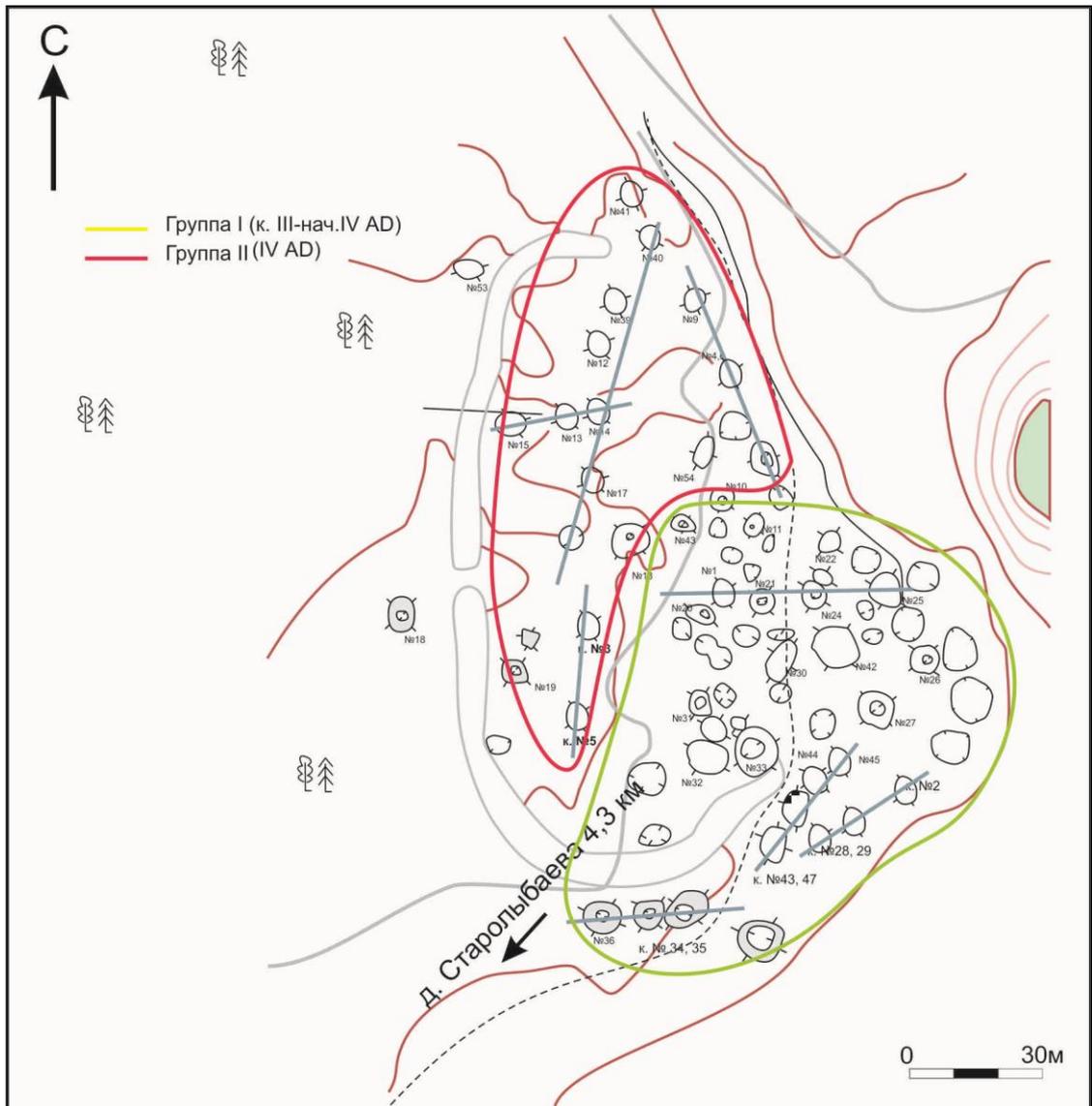

Рис. 10. Структура некрополя Устюг-1

Инвентарь погребений Группы I

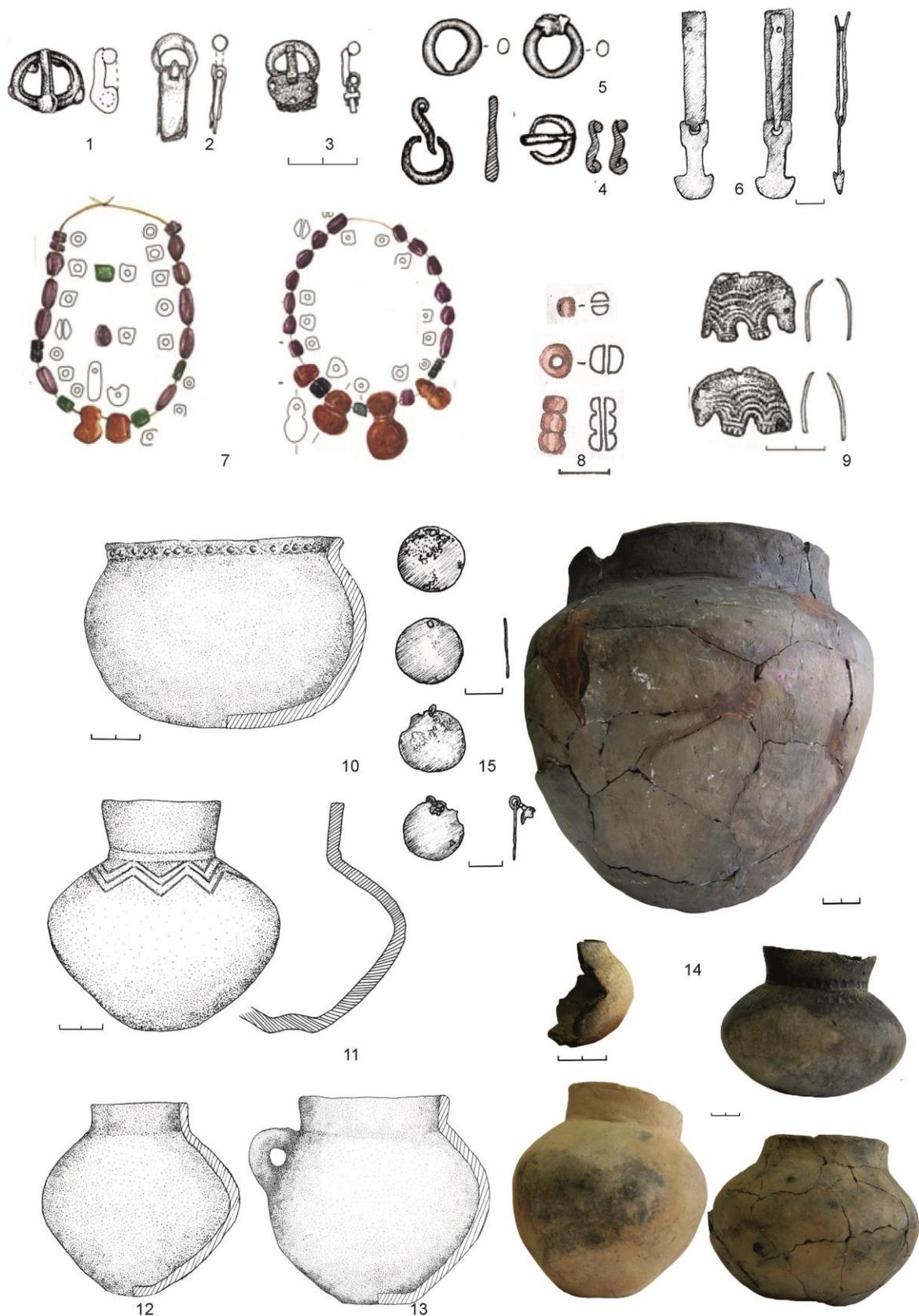

Рис. 11. Инвентарь группы I погребений некрополя Устюг-1

1, 3, 7, 9, 14 — пряжки, бусы, зооморфные подвески и керамика погребения 25-2; 2 — пряжка погребения 35-4; 4,6,10, 13 — пряжки, ременная накладка и керамика погребения 28-2; 5 — пряжки погребения 26-1; 8, 11, 12, 15 — красные бусы, керамика и бронзовые бляшки погребения 29-3

Инвентарь погребений Группы II

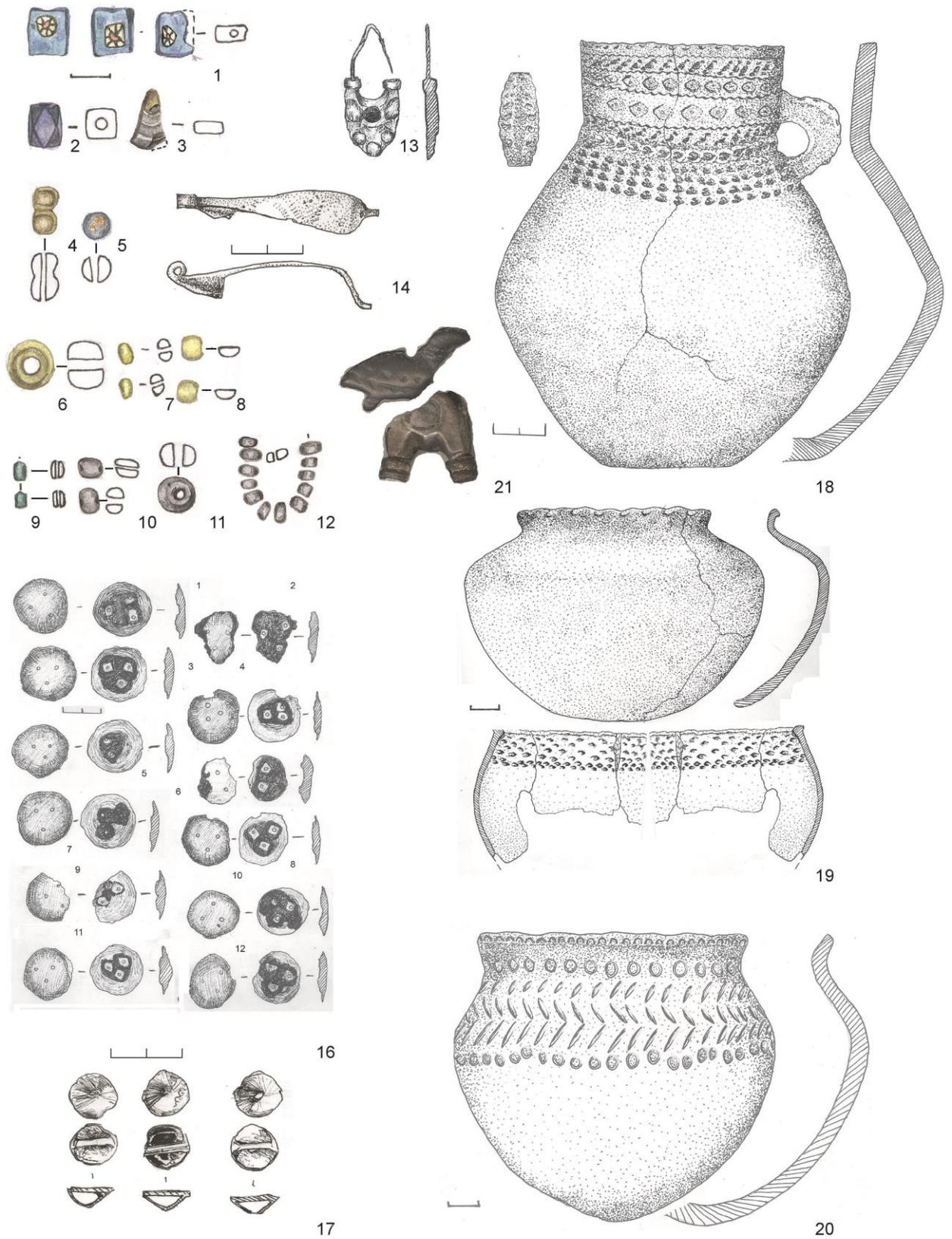

Рис. 12. Инвентарь группы II погребений некрополя Устюг-1.

1, 2, 3, 5, 8, 18, 21 — бусы, зооморфная подвеска и керамика погребения 13-3;
 4, 6, 10, 13, 20 — бусы, серьга и керамика погребения 40-2; 7, 9, 14, 16 — бусы, фибула,
 ременные накладки погребения 14-2

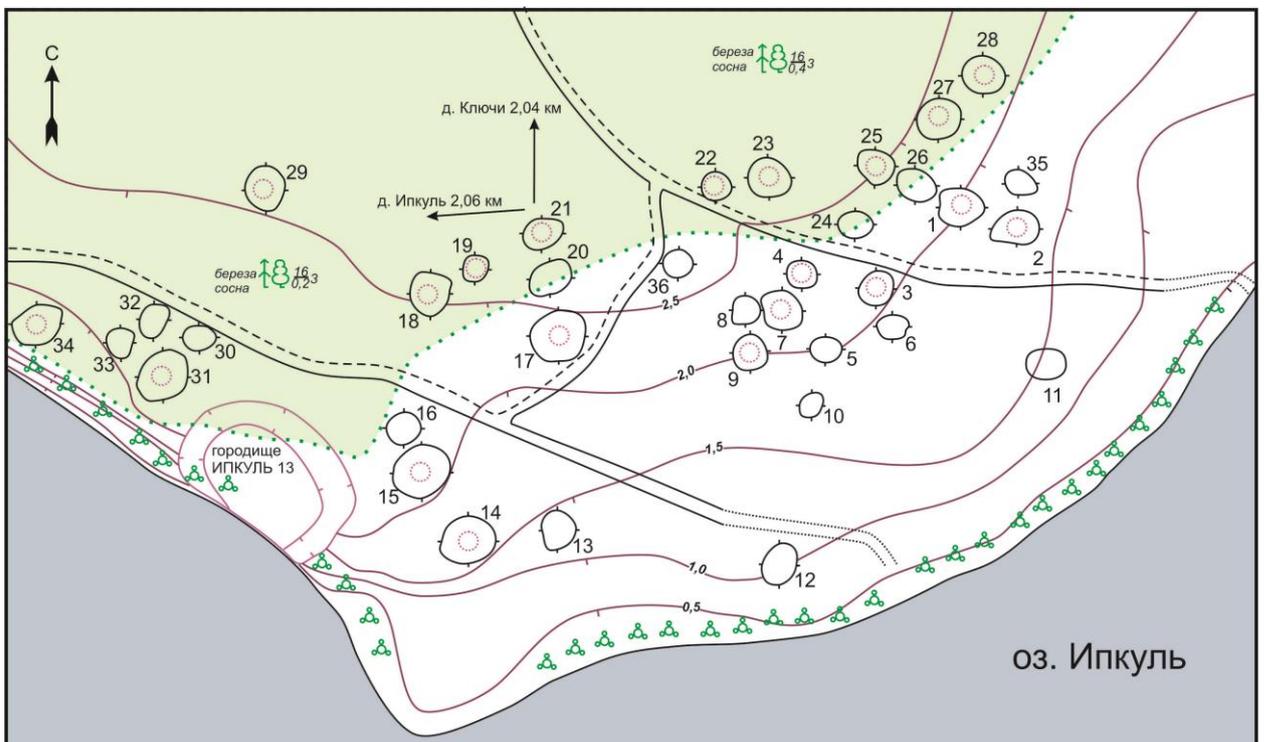

Рис. 13. Структура Ипкульского могильника.

Рис. 14. Инвентарь Ипкульского могильника.

1, 3, 4, 5 — элементы поясного набора погребения 4-3; 2 — пряжки погребения 5-1; 1-1 — зооморфные подвески погребения 1-1; 7, — удила погребения 3-1; 8-11 — бусы погребения 3-1.

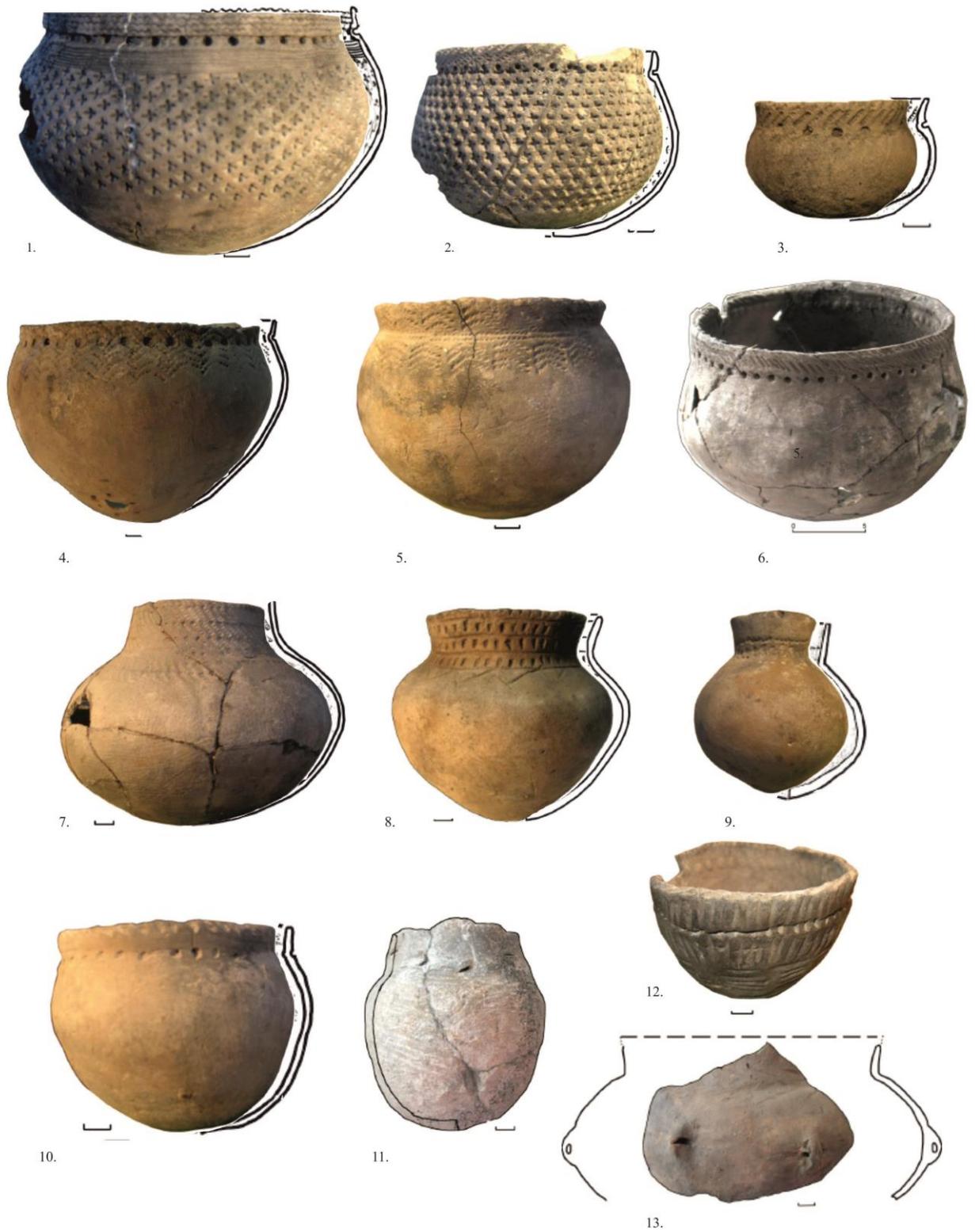

Рис. 15. Посуда Ипкульского могильника.

1, 3, 7 — погребение 1-1; 2 — погребение 2-1; 4 — погребение 9-1; 5, 6 — погребение 4-3; 8 — погребение 9-2; 9 — погребение 4-2; 10 — погребение 3-1; 12 — погребение 4-1; 11, 13 — насыпь кургана 2.

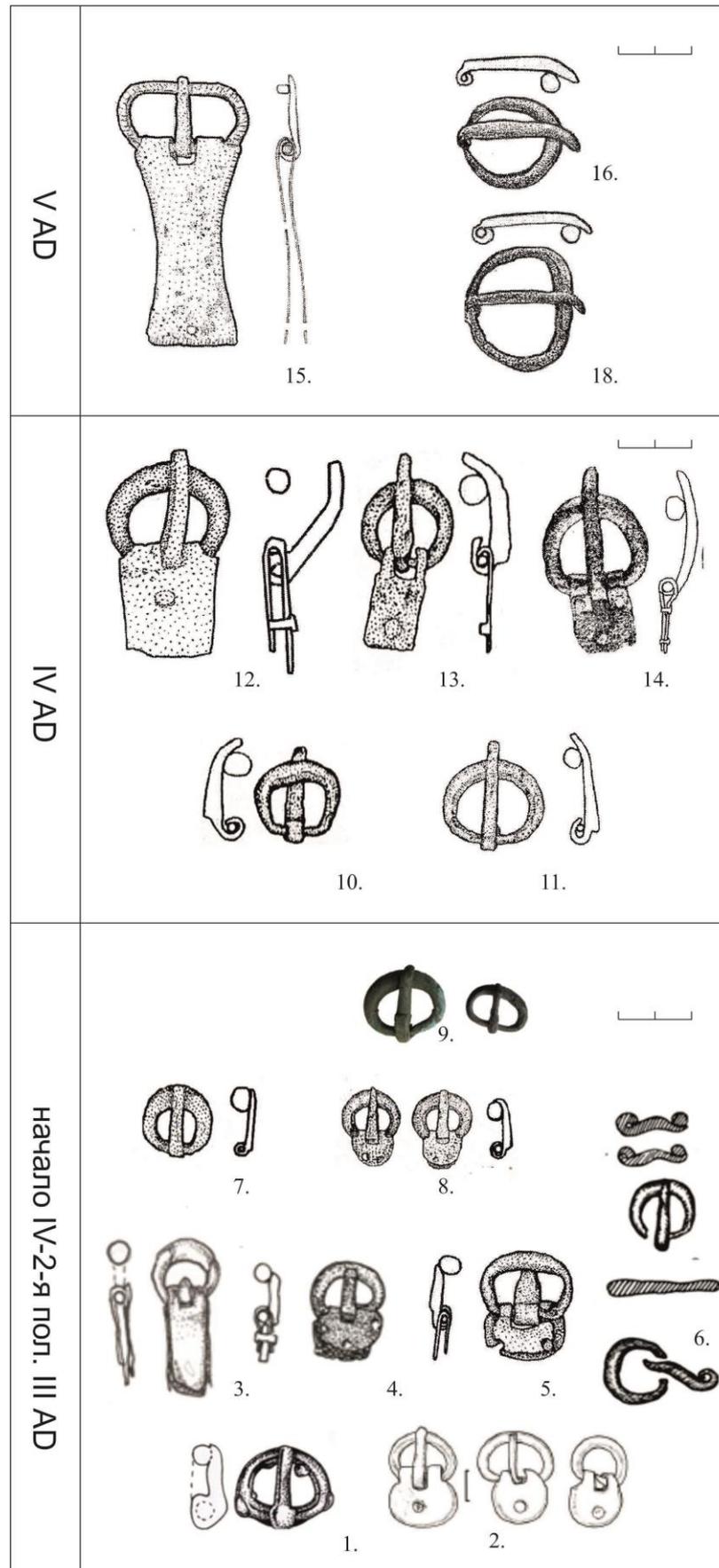

Рис. 16. Хронологическое развитие пряжек III-V вв. в Западной Сибири

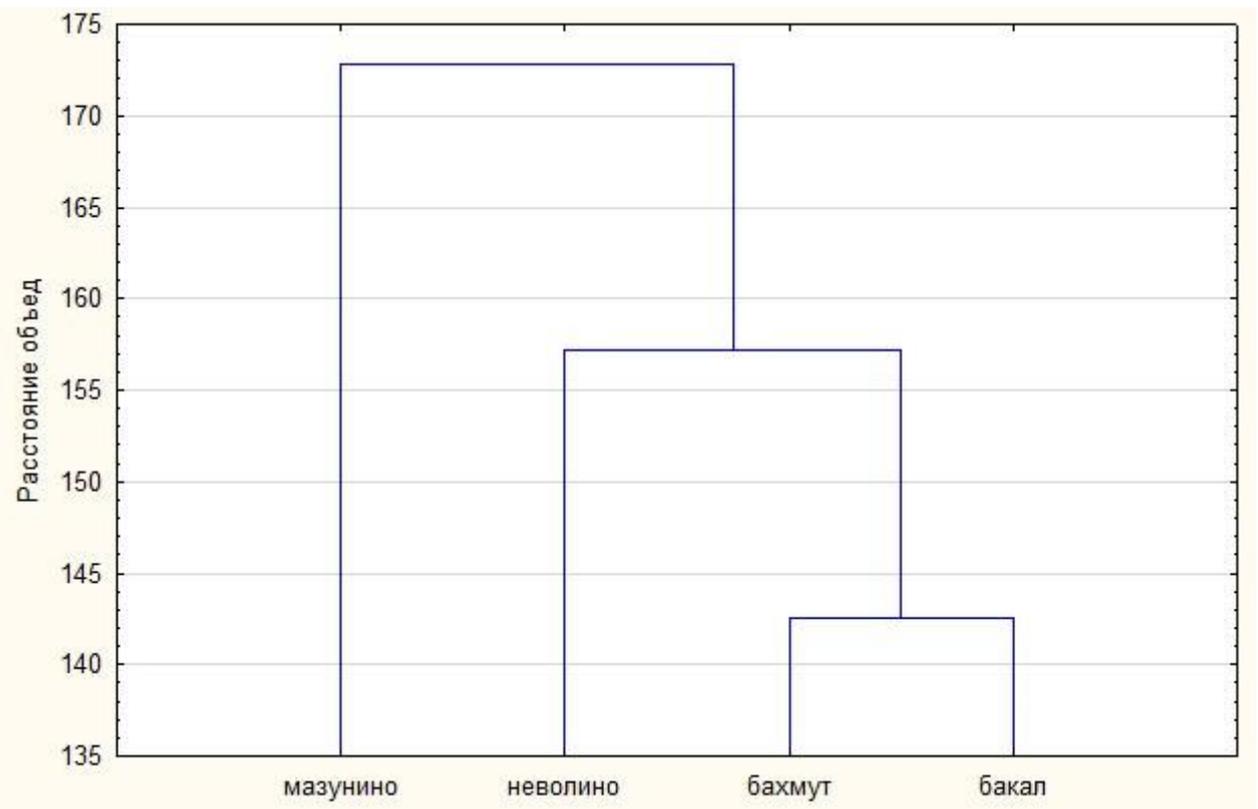

Рис. 17. Результаты иерархической связи погребального обряда населения Западной Сибири и Приуралья

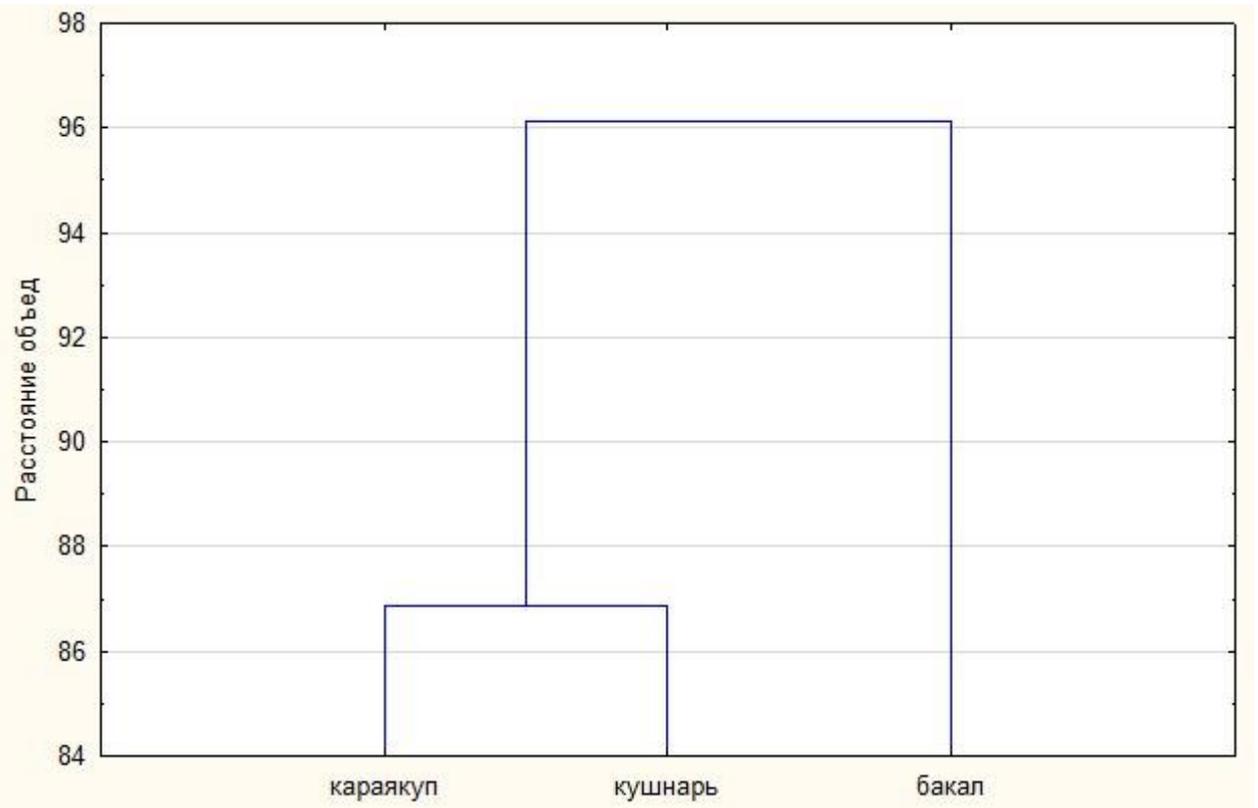

Рис. 18. Результаты иерархической связи погребального обряда бакальского и кушнаренковско-караякуповского населения

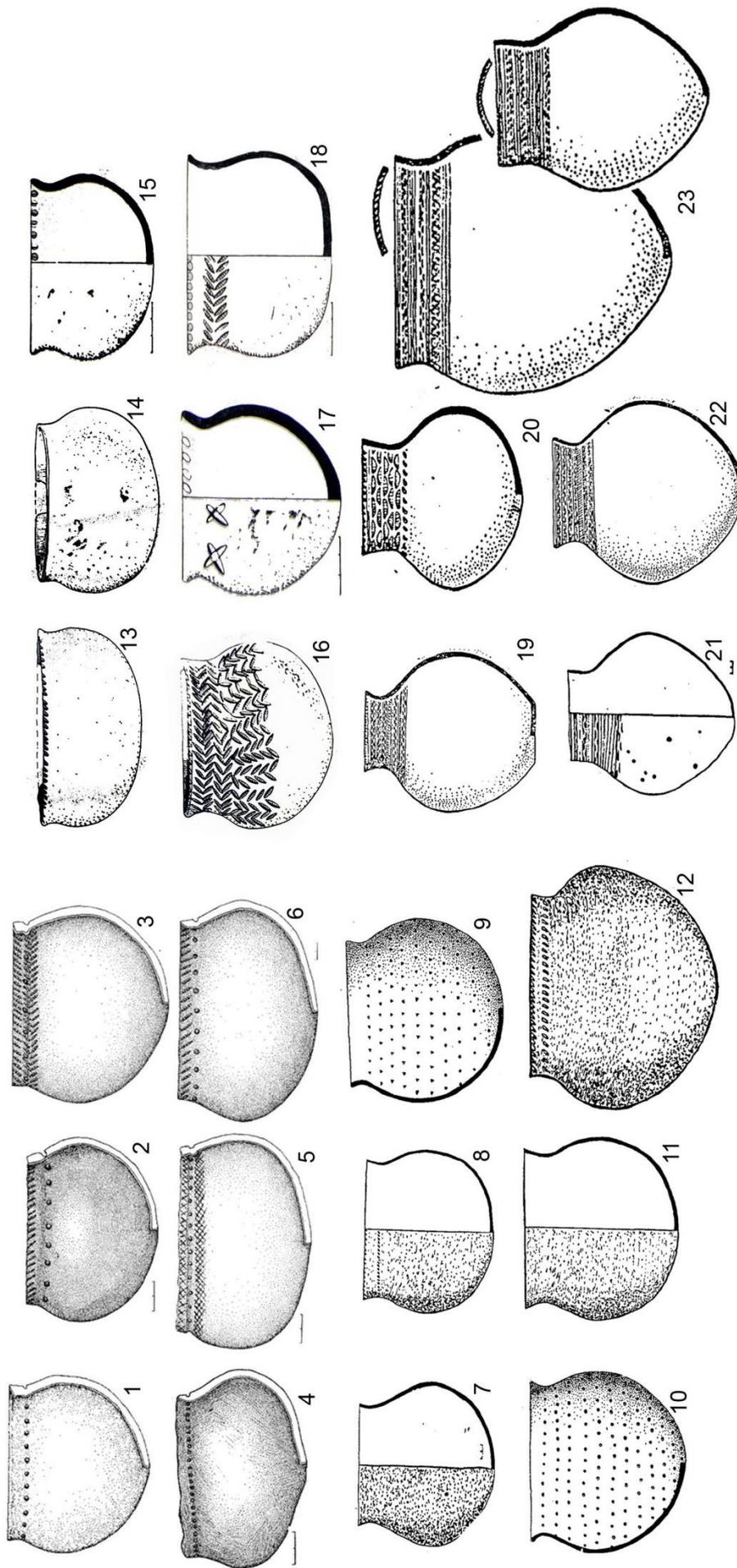

Рис. 19. Примеры из анализируемых выборок: 1–6 – бакальская; 7–12 – бахмутинская; 13–18 – неволинская; 19–23 – кушнарковская

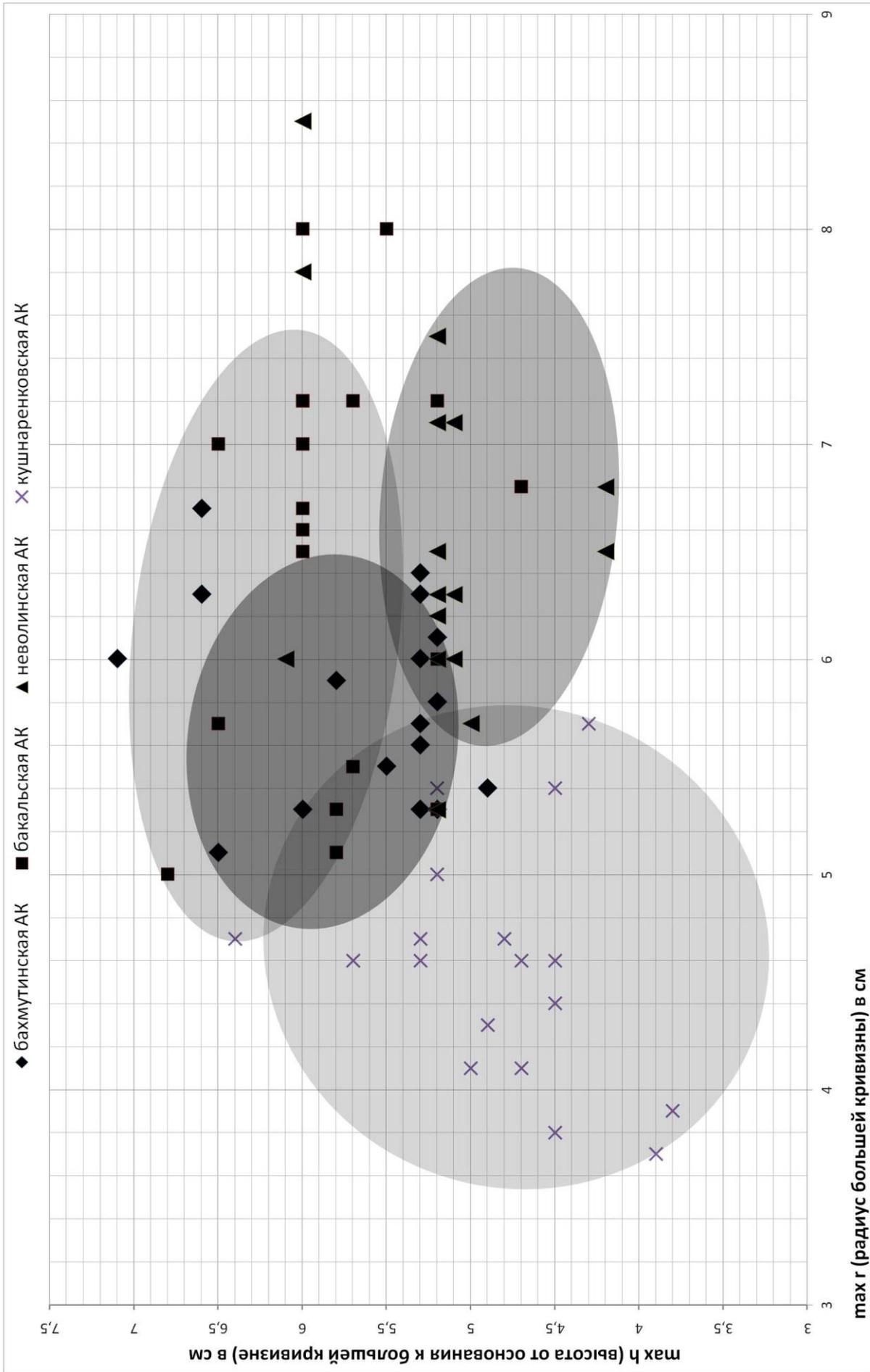

Рис. 20. График распределения сосудов по индексу кривизны

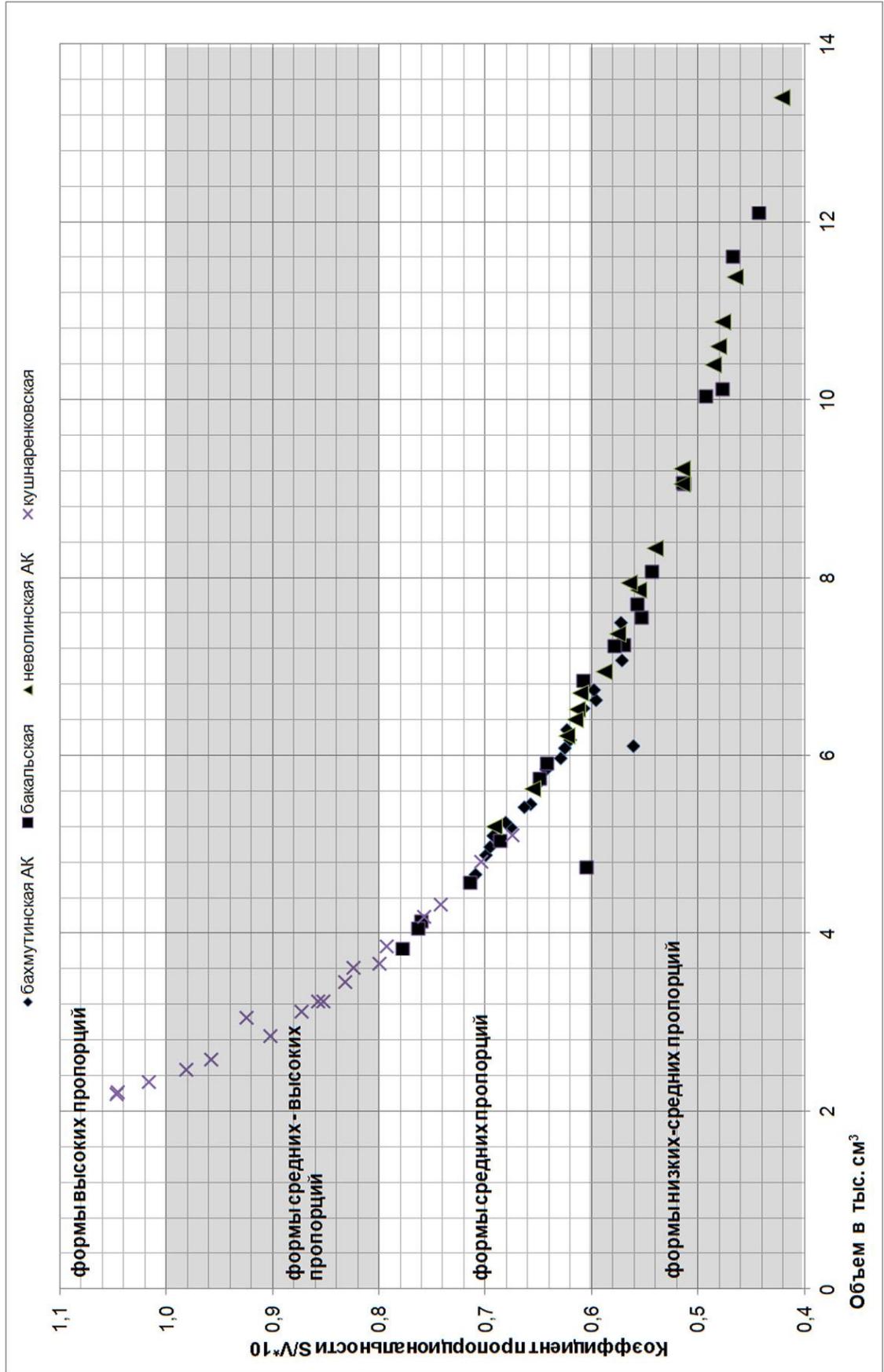

Рис. 21. График распределения посуды по категориям общей пропорциональности

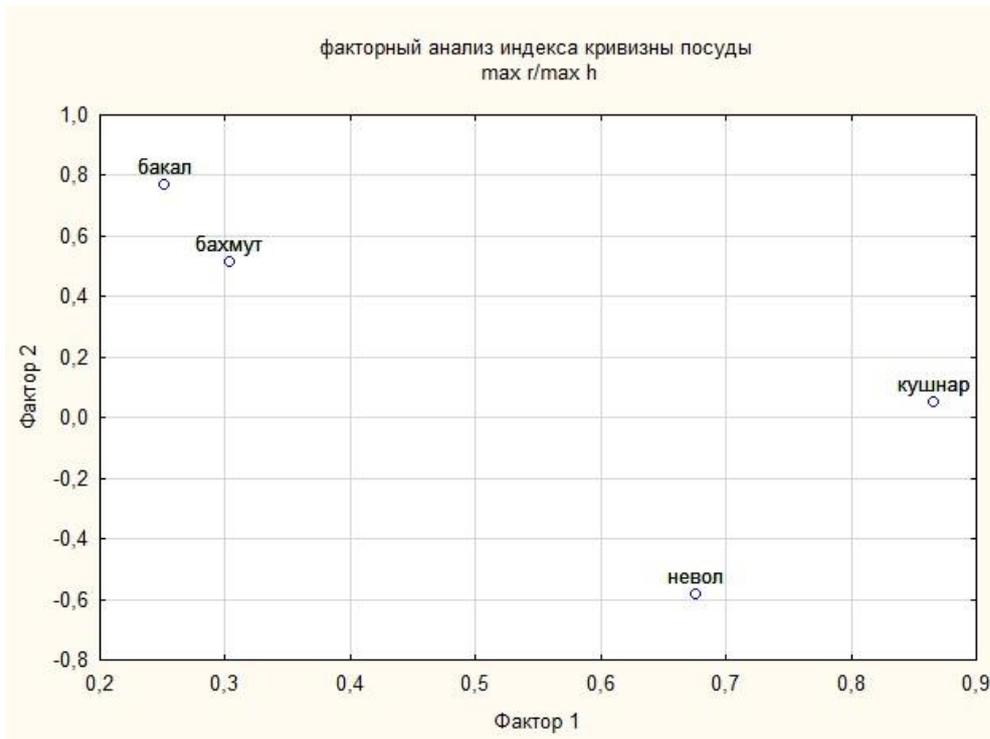

Рис. 22. Результаты факторного анализа выборок по индексу кривизны

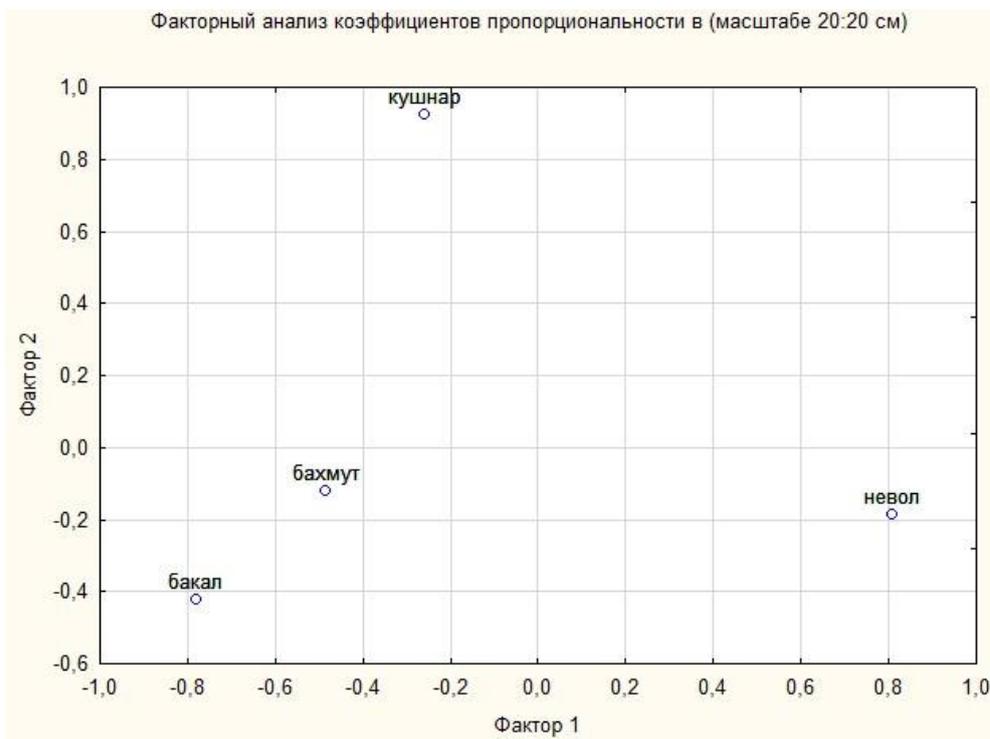

Рис. 23. Результаты факторного анализа выборок по категориям общей пропорциональности сосудов

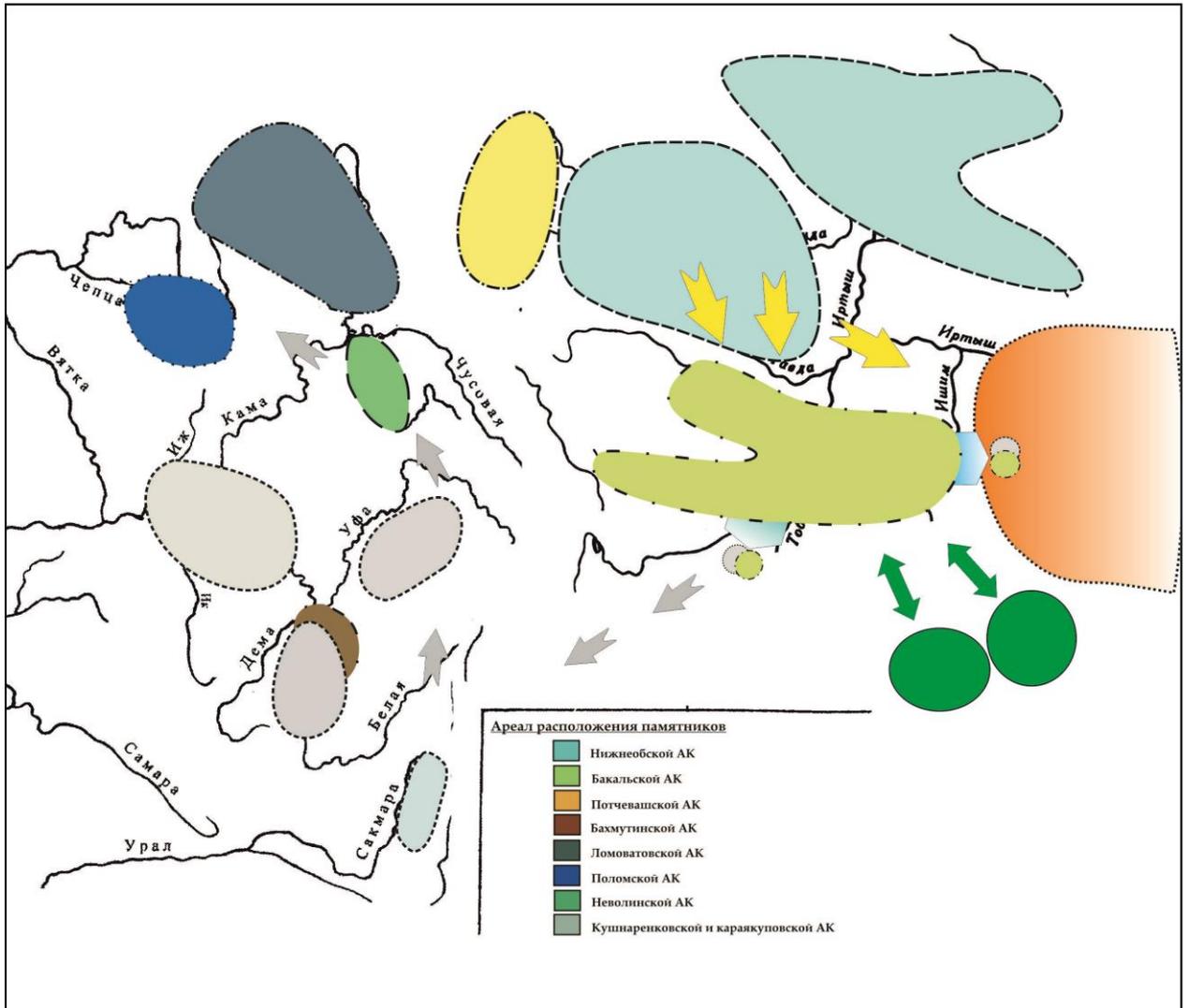

Рис.24. Схема миграций населения лесостепи Западной Сибири III-VII вв. н.э.